

ЧЪЕ ТЕЛО?

ДОРОТИ СЭЙЕРС

ДОРОТИ СЭЙЕРС

ЧЪЕ
ТЕЛО?

 МИР КНИГИ

Дороти Сэйерс — английская писательница, чьи романы, наряду с произведениями Честертона и Агаты Кристи, составили славу английского интеллектуального детектива. Если авторы «золотого века» загоняли себя в рамки жанра, ограничиваясь орудиями убийства, подозрениями и уликами, не признающая правил Сэйерс всегда использовала преступление и последующее за ним расследование как основу новой, еще более увлекательной истории...

Благородный аристократ и сыщик-любитель лорд Питер Уимзи — главный герой остросюжетных детективов писательницы. В перерывах между светскими приемами и поиском редких фолиантов он раскрывает самые зловещие преступления...

Мужчина средних лет. Высокого роста. Плотного телосложения. Черные как смоль волосы уложены опытным мастером. Запах дорогого одеколona сбивает с ног. Пенсне с золотой оправой и абсолютно голое тело... Труп найден в ванной комнате мистера Типпса, которого тут же арестовывают. Лорд Питер Уимзи, прибывший на место преступления, замечает, что тело могли украсть из больницы Св. Луки. Однако главный хирург клиники пытается заверить детектива в невозможности данного факта. И ему это явно не удастся... Что скрывает белоснежная маска? Коварного преступника? Кровь десятка невинных жертв? А может, убийца намеренно запутал следы и все подозрения напрасны? Уимзи предстоит долгая охота на преступника, возомнившего себя вершителем судеб...

ISBN 978-5-486-01355-3

9 785486 013553

МИР
КНИГИ

Дороти Л. Сэйерс

ЧЬЕ ТЕЛО?

Dorothy L. Sayers

**WHOSE
BODY?**

Дороти Л. Сэйерс

ЧЬЕ ТЕЛО?

 МИР КНИГИ

МОСКВА
2007

This edition published by arrangement with David Higham Associates Ltd and Synopsis Literary Agency.
Данное издание опубликовано по соглашению с David Higham Associates Ltd и литературным агентством «Синописис».

Использование текста, в том числе фрагментов,
без разрешения правообладателя
запрещается и преследуется по закону.

Сэйерс, Дороти Ли
С28 Чье тело? /Пер. с англ. Ю.О. Соколова — М.: ООО
ТД «Издательство Мир книги», 2007 — 224 с.

Сын викария находит в ванной комнате труп неизвестного мужчины. Примерно в то же время при загадочных обстоятельствах исчезает известный банкир Рубен Леви. Полиция Скотленд-Ярда почти не сомневается, что покойник в ванной комнате и есть Леви. Но детектив-любитель Питер Уимзи уверен: кому-то просто выгодно, чтобы банкира все считали мертвым. Но кому и зачем это нужно? И что случилось на самом деле с Рубеном Леви?

ББК 84(4)

© Dorothy L. Sayers, 2003
All rights reserved
© Соколов Ю.О., перевод, 2006
© ООО ТД «Издательство
Мир книги», издание на
русском языке, 2007

ISBN 978-5-486-01355-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я открыла для себя удивительные детективные рассказы Дороти Ли Сэйерс довольно необычным образом, который, вероятно, вызвал бы у выдающейся писательницы невероятное возмущение, доведись ей об этом узнать. Много лет назад актер Ян Кармигел блистательно исполнил главную роль в фильмах, снятых по ее детективным рассказам. Я посмотрела их все на некоммерческом канале TV в Хантингтон Бич, Калифорния. Помню, как ведущий шоу рассказывал о необыкновенно ярких эпизодах жизни и карьеры этой писательницы, довольно рано получившей степень в Оксфорде. Причиной же, по которой я стала повсюду искать ее рассказы, явился созданный ею персонаж — детектив-аристократ лорд Питер Уимзи.

Я никогда не была поклонницей детективного жанра, но после фильмов с блистательной игрой Яна Кармигела стала живо интересоваться детективами Дороти Сэйерс, и вскоре знала все, что имело хоть малейшее отношение к лорду Питеру Уимзи: от его щегольской манеры речи до подробностей его семейных отношений. За относительно небольшой срок я крепко привязалась к нему, к его спокойному и вездесущему слуге Бантеру, вдовствующей герцогине Денверской (существовал ли когда-нибудь еще более восхитительный по аллитерации титул?), сердитому и нудному герцогу Денверу, Чарльзу Паркеру, леди Мэри... В рассказах Дороти Сэйерс я открыла для себя новый тип главного героя, которого сразу же полюбила: он живет проблемами реальной жизни, органично вплетен в

повествование, а не вносит путаницу в сюжет. За его размышлениями интересно не только следить, но и включаться вместе с героем в процесс раскрытия преступления.

Необходимо отметить, что в отличие от других писателей таинственного «золотого века», загонявших себя в рамки детективного жанра, где непременно присутствовали трупы, огромное количество подозреваемых и отвлекающие внимание читателя приемы, Сэйерс в создании сюжетного полотна не признавала никаких ограничений. Преступление и его расследование были лишь основой, это был «скелет в шкафу» (как говорят англичане, он есть в каждой семье), к которому писательница затем прикрепляла мускулы, органы, кровеносные сосуды. Скелет оживал, обретал неповторимые характерные черты, и начиналась новая история рассказа. Сэйерс создавала свои произведения так, как ткут гобелен: читатель не может не чувствовать обстановку, окружающую героев, каждый персонаж по-своему интересен и неповторим. В ее книгах всегда есть глубокий смысл, разрабатывая основную тему, она виртуозно использует литературные символы. Иными словами, в своем подходе к детективному жанру Сэйерс делает то, что я называю «пленных не брать». Она не опускается до уровня своих читателей, напротив, она верит, что ее читатели умны и смогут соответствовать ее представлению о них.

Я обнаружила в ее рассказах изобилие, многообразие приемов, которых мне не доводилось встречать в детективах ранее. Я была поражена удивительно точным использованием деталей: рассказывает ли она о том, как звонит колокольчик в «Девяти портных», или о необычном использовании мышьяка в «Силе яда». Автор прекрасно разбирается во всем, о чем пишет, — начиная от криптографии до виноделия; описание периода между войнами — полного безрассудства, отмеченного смертью одной и рождением другой, более коварной и лживой системы, — становится незабываемым.

Стремление раскрывать сущность человеческих отношений — вот что и по сей день продолжает удивлять в произведениях Д. Сэйерс. Страсти, которые владеют персонажами, созданными восемьдесят лет назад, столь же сильны, как сегодня, и так же волнуют читателей. Хотя Англия времен Дороти Ли Сэйерс во многом изменилась, но и ныне одним из истинных удовольствий, заставляющих брать в руки ее книги, является желание постичь суть человеческой природы, которую никакое время изменить не может, хотя наши представления и восприятие мира волею обстоятельств становятся иными. Да и преступления — более жестокими...

В начале своей карьеры писателя криминального жанра я заявила, что буду удовлетворена, если когда-либо мое имя будет упомянуто в том же контексте, что и имя Дороти Сэйерс. Я счастлива, что после выхода в свет моего первого произведения это произошло. Но если мне когда-либо удастся подарить читателям столько же удовольствия, сколько дарит Д. Сэйерс своими рассказами с участием детектива Уимзи, тогда я буду считать, что по настоящему добилась успеха.

Несомненно, переиздание ее рассказов — всегда событие. Каждое следующее поколение читателей приветствует ее. Они отправляются в увлекательное путешествие в компании незабываемого попутчика. Во времена сомнений и тревог кто-то, возможно, вспомнит и Шерлока Холмса, и Эркюля Пуаро, и мисс Марпл благодаря их умению распутывать клубки хитроумных интриг и преступлений. Но если кому-то захочется успокоиться и достойно вынести все превратности судьбы, он не найдет ничего лучше, чем бросить якорь в гавани лорда Питера Уимзи.

Хантингтон Бич,
Калифорния
Май 27, 2003

Элизабет Джордж

ГЛАВА 1

Такси проезжало по Пиккадилли-Серкус, когда его пассажир, лорд Питер Уимзи¹, негромко чертыхнулся и обратился к водителю:

— Эй, любезный!

Водитель, которого этот возглас отвлек от решения сложной проблемы поворота на Риджент-стрит с пропуском двух автобусов и велосипедиста, нехотя прислушался.

— Я забыл каталог, — сказал лорд Питер. — Обычно со мной такого не случается. Не возражаете, если мы вернемся назад?

— В Сэйвил Клуб, сэр?

— Нет-нет, номер 110-А на Пиккадилли, сразу за... Благодарю вас!

— Похоже, вы торопились, сэр, — заметил водитель, преодолевая недовольство.

— Боюсь, это действительно малоподходящее место для разворота, — сказал лорд Питер, следуя скорее своим мыслям, чем словам водителя, и на его длинном дружелюбном лице появилась извиняющаяся улыбка.

Под неодобрительным взглядом стоявшего неподалеку полисмена такси неожиданно быстро развернулось, сделав несколько коротких рывков и издав похожий на зубной скрежет звук, и двинулось в обратную сторону.

¹ Уимзи — Wimsey (англ.) — прихоть, причуда, фантазия. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Квартира, в которой обитал лорд Питер, находилась на третьем этаже шикарного нового здания, стоявшего прямо напротив Грин-парка. Долгое время на этом месте торчал каркас какого-то заброшенного предприятия, но теперь здесь был большой жилой дом с отличными — и весьма недешевыми — апартаментами.

Поднявшись к себе, лорд Питер услышал доносившийся из библиотеки голос дворецкого, говорившего по телефону в манере, свойственной вышколенным слугам:

— Полагаю, их светлость только что вернулись, и если ваша светлость изволит подождать...

— Кто на проводе, Бантер?

— Их светлость звонит из Денвера, милорд. Я успел сказать, что ваша светлость только что уехали на аукцион, но тут услышал, как ключ вашей светлости...

— Спасибо, Бантер! — сказал лорд Питер. — Не принесете ли вы мне каталог? Полагаю, я оставил его в спальне или на письменном столе.

Лорд Питер сел к телефону с таким лениво-вежливым видом, как будто это был его знакомый, заглянувший поболтать.

— Алло! Это ты, мама?

— Ну наконец-то дорогой! — ответила трубка голосом герцогини Довагер. — Я боялась, что не застаю тебя!

— Так оно и есть, мама. Я отправился на аукцион Броклбери, хотел купить одну-две книги, но забыл каталог и вернулся — такая вот случайность. А что, собственно, произошло?

— Очень странная вещь, дорогой, — ответила герцогиня. — Думаю, что тебе следует знать. Ты помнишь маленького мистера Типпса?

— Типпса? — переспросил лорд Питер. — Ах, ну да, конечно, Типпса, этого коротышку-архитектора, который делал крышу церкви. Да, помню. А что с ним случилось?

— Только что заходила миссис Трогмортон, и, должна сказать, она была прямо-таки не в себе.

— Прости, мама, я не расслышал, миссис *кто*?
— Трогмортон! Жена викария.
— О, да, конечно, Трогмортон. И что?
— Мистер Типпс позвонил им сегодня утром и сказал, что не сможет прийти. Он был так сильно расстроен, бедняга, ведь он обнаружил в своей ванной мертвое тело.

— Прости, мама, я опять не расслышал. Нашел что?
— Мертвое тело, дорогой, в своей ванной!
— Что? Нет-нет, барышня, мы еще не закончили. Пожалуйста, не разъединяйте! Алло! Алло, мама? Да, прости, нас чуть не прервали. Так что за тело?

— Мертвый мужчина, дорогой. И на нем не было ничего, кроме пенсне. Миссис Трогмортон даже покраснела, когда рассказывала мне об этом. Эти деревенские предрассудки, знаешь ли...

— Да, звучит довольно необычно. А мистер Типпс знает этого человека?

— Нет, дорогой, не думаю, хотя он и не смог рассказать миссис Трогмортон все в подробностях. Она сказала, что его голос звучал очень растерянно. Конечно, я понимаю, такой достойный человек, — а тут полиция в доме и все такое... Естественно, он обеспокоен.

— Бедняга Типпс! Представляю себе, как неловко он себя чувствует. Подожди-ка, мама, он ведь живет в Баттерси, не так ли?

— Совершенно верно, дорогой, Квин Кэролайн, номер 59, напротив парка. Такой большой дом, сразу за углом больницы. Я подумала, что ты, возможно, захочешь к нему зайти, узнать, не можем ли мы чем-нибудь ему помочь. Мне он очень симпатичен, этот маленький мистер Типпс.

— О, конечно! — Лорд Питер улыбнулся. Герцогиня всегда помнила о его хобби — криминальных расследованиях, хотя никогда не говорила об этом вслух.

— Когда это случилось, мама?

— Я думаю, что он обнаружил *это* сегодня рано утром, но, разумеется, не сразу сообщил Трогмортонам. Миссис Трогмортон пришла ко мне перед ланчем, такая уставшая и расстроенная, что я не могла не предложить ей остаться. К счастью, я была одна; я не против поскучать сама, но терпеть не могу, когда скучают мои гости!

— Бедная мамочка! Я так благодарен, что ты все мне рассказала. Я отправлю на аукцион Бантера, а сам сейчас же поеду к Типпсу и постараюсь успокоить беднягу. Пока, мама!

— До свидания, дорогой!

— Бантер!

— Да, милорд!

— Ее светлость рассказала мне, что один уважаемый архитектор из Баттерси обнаружил в своей ванной мертвого человека.

— В самом деле, милорд? Это весьма любезно с ее стороны.

— Весьма, Бантер, вы очень точно выразились. Хотел бы я, чтобы меня в свое время в Итоне научили так подбирать слова! Вы нашли каталог?

— Да, милорд. Вот он.

— Спасибо. Я отправляюсь в Баттерси, а вы, Бантер, поезжайте на аукцион. Не теряйте времени — я не хочу упустить Данте *in-folio* 1481 года — вот, видите? А также «Золотую Легенду» Винкин де Ворде 1493 года, вот она, отмечена. И прошу вас, Бантер, приложите особые усилия, чтобы приобрести «Четырех сыновей Эймона» Какстона — уникальное издание 1489 года. В каталоге я отметил все лоты, около каждого проставлена последняя цена, которую я — то есть вы — можете предложить. Постарайтесь, Бантер! Я вернусь к обеду.

— Хорошо, милорд!

— Возьмите такси, которое ждет меня на улице, и поторопите шофера. Я ему, кажется, не очень понравился, но вам он не откажет.

После этих слов лорд Питер повернулся к висящему над камином зеркалу восемнадцатого века, размышляя о своем наряде. «Думаю, я не слишком расстрою бедного Типпса, уже и без того расстроенного, если появлюсь в цилиндре и сюртуке, — пробормотал он. — Скорее всего, он примет меня за сотрудника похоронного бюро. Серый костюм не подойдет, смотрится слишком празднично. Ладно, буду похож на Шерлока Холмса, тем более что дело вполне может оказаться в его вкусе.

Теперь о Бантере. Бесценный человек: никогда не стремится выполнять свои прямые обязанности, если вы поручили ему сделать что-нибудь другое. Надеюсь, что он не упустит *«Четырех сыновей Эймона»*. Хотя, мне кажется, есть еще один экземпляр — в Ватикане... По крайней мере на следующий аукцион мне вряд ли помешает попасть какое-либо другое мертвое тело в ванной, если только оно тоже не окажется *в пенсне*... Однако трудно рассчитывать, что подобные события будут происходить чаще одного раза в жизни... Господи, как же мне не повезло — иметь два таких хобби сразу!»

Он переместился в спальню и переоделся со скоростью, которую трудно было ожидать от человека с такими манерами. Выбрав зеленый галстук — в тон носкам, он аккуратно и быстро завязал его, поменял коричневые ботинки на черные, сунул монокль в нагрудный карман и взял ротанговую трость прекрасной работы, с тяжелым серебряным набалдашником.

— Теперь, кажется, все, — сказал лорд Питер самому себе. — Хотя, стоп! Это тоже может пригодиться, кто знает? — И он добавил к своим аксессуарам серебряный спичечный коробок. Часы показывали уже без четверти три. Лорд быстро сбежал вниз, остановил такси и поехал в Баттерси.

Мистер Альфред Типпс был человеком маленького роста, нервным, с заметно начинающими редеть светло-соломенными волосами. Единственное, что бросалось в

глаза — это большая ссадина над левой бровью, придававшая мистеру Типпсу вид неудачливого гуляки, что в общем совершенно не вязалось с его внешностью. Едва поздоровавшись, он пробормотал что-то невразумительное про дверь в столовую, которая налетела на него — о, простите, это я налетел на нее! — в темноте. Мистер Типпс был почти до слез тронут участием и любезностью его светлости.

— Это так благородно, — повторил он в десятый раз, часто моргая покрасневшими веками, — я так глубоко вам благодарен! И моя матушка тоже чрезвычайно вам признательна! Правда, она почти ничего не слышит, и я не смею затруднять вас объяснениями с ней. Сегодня такой ужасный день, — добавил он извиняющимся тоном, — полиция и все такое... Ведь мы с матушкой привыкли жить тихо, а тут... Я даже рад, милорд, что она не понимает, что произошло, иначе это было бы для нее настоящим потрясением. Нет, она, конечно, знает, что у нас тут что-то случилось, но, кажется, что-то сама для себя решила. Ну и слава богу!

При этих словах сына старая леди, сидевшая у камина с вязанием на коленях, кивнула, как бы в ответ на его взгляд.

— Я всегда говорила, что ты должен пожаловаться на эту ванну, Альфред, — внезапно произнесла она высоким голосом, характерным для глухих. — Надеюсь, теперь хозяин хоть что-то предпримет! Я думала, что ты сможешь сам с ним договориться, без вмешательства полиции, но ты всегда поднимал шум по пустякам, с тех пор как переболел ветрянкой.

— Вот видите, — смущенно сказал мистер Типпс. — Она понимает, что мы заперли ванную и что туда нельзя входить. Главное, что ей не нужно объяснять *почему*. Но для меня, сэр, о, простите, я хотел сказать «милорд», все это так ужасно! Мои нервы на пределе. До сих пор со мной ничего подобного не случалось, а сердце у меня,

знаете ли, не очень... Как я смог выбраться из этой ужасной ванной и позвонить в полицию — не представляю. Это был такой шок, милорд, такой шок! Я не съел ни кусочка ни на завтрак, ни на ланч. А потом все эти разговоры, звонки, чужие люди в доме... Я совершенно не знаю, что делать, милорд!

— О, я не сомневаюсь, что вам пришлось очень тяжело, — сочувственно произнес лорд Питер, — особенно если учесть, что все это случилось перед завтраком. Я тоже страшно расстраиваюсь, когда что-то происходит перед завтраком, — чувствуешь себя абсолютно выбитым из колеи, не так ли?

— Вот именно, милорд, вот именно! — закивал в ответ мистер Типпс. — Когда я увидел это... эту ужасную вещь в своей ванной, да еще абсолютно голую, и в этих очках, у меня, милорд, чуть желудок не перевернулся, вы уж простите... У меня вообще-то не очень крепкое здоровье, бывает, знаете ли, по утрам такая слабость, а тут еще и *это*... В общем, я послал горничную за глотком бренди, иначе я даже представить не могу, что бы со мной произошло. Нет, милорд, я не имею привычки пить по утрам, но в данном случае... Вообще-то я взял за правило всегда иметь в доме немного бренди, так, на всякий *чрезвычайный* случай, понимаете, милорд?

— Очень предусмотрительно с вашей стороны, — бодро заметил лорд Питер. — Просто чудо, как может помочь маленький глоток именно в тот момент, когда особенно в нем нуждаешься. Причем чем реже обращаешься к такому средству, тем лучше оно действует! Полагаю, ваша горничная — разумная девушка, ведь так неприятно, когда женщины суетятся, визжат и то и дело падают в обморок?

— О, Глэдис — славная девушка, милорд, и очень, очень разумная. Конечно, она была потрясена, это вполне понятно, но она оказалась собранной и энергичной в эти трудные минуты. Мне очень повезло, что Глэдис

оказалась рядом. Она вообще много делает для меня и особенно для матушки. Правда, она иногда бывает небрежна и забывчива по мелочам, но это же так естественно! Она очень сожалела о том, что забыла закрыть окно ванной комнаты. Я хотя и рассердился вначале — видите, что произошло из-за этой забывчивости, милорд? — но потом понял: не так уж она виновата во всем *этом*. Девушки бывают забывчивы, не правда ли, милорд? И потом, она тоже очень расстроилась, и я не стал ее ругать. Вот что я ей сказал: «Это могли быть и грабители! Запомни это, когда в следующий раз оставишь окно открытым на всю ночь! Сейчас это оказался мертвый мужчина, что, конечно, неприятно само по себе, но в следующий раз могут прийти грабители и убить нас всех прямо в постели». Вот что мне не понравилось, милорд, это как полицейский инспектор из Скотленд-Ярда — они называли его инспектор Сагг — как он обращался с бедной девушкой. Он был с ней очень резок, просто совсем запугал ее! Заставил ее думать, что подозревает ее бог знает в чем. Что может быть общего у бедняжки с этим ужасным мертвым телом? Не могу себе представить. Я так прямо и заявил инспектору. Но он был откровенно груб со мной, мне совершенно не понравились его манеры. «Если у вас есть что-то конкретное мне сообщить, в чем вы хотите обвинить Глэдис или меня, инспектор, — сказал я ему, — то говорите прямо, это ваша прямая обязанность. Но пока что я вижу, что вам платят за грубость по отношению к джентльмену в его собственном доме!» — Поверьте, милорд, — продолжал мистер Типпс, и его макушка от волнения порозовела, — этот инспектор очень меня разозлил, а ведь я по натуре человек мягкий.

— Узнаю старину Сагга, — сказал лорд Питер. — Такая у него манера: когда он не знает, что сказать, то начинает грубить. Он, видно, пытался обосновать, что вы со своей горничной вряд ли станете подбирать мертвые тела. Кто захочет обременять себя трупом? Обычно от него

стараятся избавиться. Кстати, а от этого тела в ванной уже избавились?

— Нет, милорд, оно все еще там, — ответил мистер Типпс. — Инспектор Сагг велел ничего не трогать до тех пор, пока не придут его люди. Я жду их с минуты на минуту, но если ваша светлость хочет взглянуть...

— Спасибо, я бы очень хотел взглянуть, если только это вас не затруднит.

— Нисколько, милорд! — ответил тот.

По поведению мистера Типпса, пока он шел по коридору, лорд Питер понял две вещи. Первая — что мистер Типпс, несмотря на драматизм всего происходящего, радовался тому отблеску значительности, который пал на него самого и его квартиру благодаря неожиданному событию. Вторая — что инспектор Сагг запретил Типпсу показывать ванную и то, что в ней находилось, кому бы то ни было. Последнее предположение подтверждалось тем, что мистер Типпс задержался по дороге, чтобы захватить из спальни ключ от ванной, объяснив, что взял за правило иметь два ключа от каждой двери на случай каких-либо непредвиденных обстоятельств.

Ванная комната ничем особенным не отличалась. Узкая и длинная, с единственным окном, расположенным прямо над изголовьем ванны. Стекла в окне были матовыми, а рама — достаточно широкой, чтобы в нее мог пролезть человек. Лорд Питер быстро подошел к окну, открыл его и выглянул наружу.

Квартира Типпсов находилась на верхнем этаже здания, почти в его середине. Окно ванной комнаты выходило во внутренний двор, застроенный сараями, чуланами для угля, гаражами и различными постройками. За ними виднелся другой двор, принадлежавший домам на параллельной улице. С правой стороны возвышалось здание больницы Святого Луки; к нему примыкала соединенная с ним закрытым переходом резиденция знаменитого хирурга сэра Джулиана Фрэка, главы хирургического отде-

ления новой больницы, известного в медицинских кругах еще и как выдающийся невропатолог с весьма независимыми взглядами.

Мистер Типпс сообщил лорду Питеру эти подробности, полагая, что соседство столь выдающейся личности, как доктор Фрэк, накладывает некий ореол славы и на его собственное жилище.

— Он сам был здесь сегодня утром, — замирающим от важности случившегося голосом сказал мистер Типпс, — из-за этого ужасного дела. Инспектор Сагт предположил, что кто-то из молодых врачей больницы мог притащить сюда тело ради шутки. Ведь у них в прозекторской всегда есть трупы. Поэтому инспектор Сагт отправился к сэру Джулиану, чтобы узнать, не пропало ли у них тело. Сэр Джулиан был очень любезен, хотя и занят работой, когда они пришли к нему в секционный зал. Он просмотрел записи и заверил, что все зарегистрированные тела на месте. Более того, сэр Джулиан пожертвовал своим временем и пришел сюда — *в мою квартиру!* — посмотреть на это. — Мистер Типпс указал рукой на ванну. — Он сказал, что, к сожалению, ничем не может помочь: это тело не подходит под описание кого-либо из больницы.

— Надеюсь, что оно не отвечает и описанию кого-либо из пациентов, — вскользь заметил лорд Питер.

Услышав это, мистер Типпс побледнел.

— Я не слышал, чтобы инспектор Сагт спрашивал об этом, — взволнованно сказал он. — Это было бы ужасно! Господи, прости мою грешную душу! Я даже не подумал об этом, милорд.

— Думаю, что если у них и был пропавший пациент, то они бы его уже нашли, — предположил лорд Питер. — Позвольте, я все же взгляну на *этого*. — Он вставил в глаз монокль и добавил: — Вижу, тут у вас много сажи налетело. Противная штука эта сажа, скажу я вам. Мне она тоже досаждала, книги портит, знаете ли. Не беспокойтесь, мистер Типпс, я сам посмотрю. — С этими словами лорд

Питер взял из дрожащей руки Типпса край простыни, которой была накрыта ванна, и отвернул его.

Тело принадлежало мужчине высокого роста, довольно плотного сложения, где-то около пятидесяти лет. Густые, черные, слегка вьющиеся волосы были подстрижены и уложены опытным парикмахером и источали запах одеколона с фиалкой, отчетливо ощутимого в спертом воздухе ванной комнаты.

Черты лица были крупными, мясистыми, с несколькими заметными морщинами. Глаза темные, немного нависшие, длинный нос загибался к тяжелому, чисто выбритому подбородку. Усов тоже не было, полные губы создавали впечатление чувственности, а отвисшая челюсть демонстрировала подпорченные табаком зубы. Пенсне на мертвом лице выглядело каким-то зловеще-гротескным, тонкая золотая цепочка спускалась на грудь. Ноги были вытянуты, руки лежали вдоль туловища, пальцы немного согнуты. Лорд Питер приподнял руку покойника, посмотрел на кисть и слегка нахмурился.

— А ведь наш гость — денди, — пробормотал он. — Пармская фиалка, маникюр... — Он снова нагнулся, просунул руку под голову покойника. Пенсне соскочило, стукнулось о дно ванны, и этот звук стал последней каплей, переполнившей чашу терпения мистера Типпса.

— Простите, милорд, — промолвил он тихо, — но мне действительно нехорошо.

Нетвердой походкой мистер Типпс направился к двери, и едва она закрылась за ним, как лорд Питер быстрым и осторожным движением поднял тело, перевернул и внимательно осмотрел с помощью монокля, склонив голову набок, с таким выражением лица, с каким ботаник восхищается редкой орхидеей. Потом, одной рукой удерживая голову несчастного, другой достал из кармана серебряный спичечный коробок и быстро сунул его в приоткрытый рот. Положив тело обратно в ванну, лорд Питер взял в руки загадочное пен-

сне, внимательно осмотрел, нацепил на свой нос, посмотрел сквозь стекла и, произнеся что-то вроде «хм-хм», вернул пенсне на прежнее место, стараясь не оставить никаких следов, чтобы не расстроить инспектора Сагга. После этого лорд Питер вернулся к окну и, высунувшись насколько было возможно, попытался дотянуться вверх и в обе стороны своей тростью, которую он, видимо по рассеянности, взял с собой в ванную комнату. Эти действия, кажется, не принесли результата, и лорд Питер, закрыв окно, вернулся к ожидавшему его в коридоре мистеру Типпсу.

Мистер Типпс, тронутый участием младшего сына герцога, настолько пришел в себя, что даже осмелился на обратном пути в столовую предложить его светлости чашку чая. Лорд Питер подошел к окну, полюбовался видом на Баттерси-парк и уже согласился было выпить чаю, как в конце Принц Уэльс-роуд показалась карета скорой помощи. Ее появление напомнило сэру Питеру о важной встрече, на которую никак нельзя было опоздать. Поэтому он поспешил попрощаться с мистером Типпсом.

— Моя матушка передает вам наилучшие пожелания, — сказал он, пожимая руку мистера Типпса, — и надеется вскоре увидеть вас в Денвере. До свидания, миссис Типпс, — вежливо рявкнул он в ухо старушки с вязанием. — Нет-нет, дорогой сэр, не надо меня провожать!

Нельзя было сказать, что лорд Питер слишком торопился. Лишь только он спустился с лестницы и повернул к стоянке такси, как с другого конца улицы подъехала та самая скорая помощь, которую он так вовремя увидел из окна. Из нее вышел инспектор Сагг в сопровождении двух констеблей. Инспектор перекинулся парой слов с полицейским, дежурившим у входа в дом, и с подозрением посмотрел в спину удалявшегося лорда Питера.

«Добрый старина Сагг, — с нежностью подумал лорд Питер. — Бедняга, как же он меня наверно, должно быть, ненавидит!»

ГЛАВА 2

— Превосходно, Бантер! — воскликнул лорд Питер, плюхнувшись в роскошное кресло. — Я сам не смог бы сделать лучше. Только при одной мысли о Данте 1481 года меня дрожь пробирает, не говоря уже про «*Четырех сыновей Эймона*». И вы сумели сэкономить 60 фунтов — замечательно! На что же мы их потратим, Бантер? Подумать только, 60 фунтов — и все наши. Как справедливо заметил в свое время Гарольд Скимпол, «экономленное есть обретенное», и я считаю, что им нужно найти достойное применение — всем 60. Это целиком ваша заслуга, Бантер, и, строго говоря, ваши 60 фунтов. Что же нам нужно? Переделать что-нибудь в квартире? Или что-то по вашему *ведомству*?

— Ну, милорд, если ваша светлость будет столь добра... — Дворецкий выдержал паузу, наливая в стакан старого бренди.

— Бросьте, Бантер, старый вы лицемер! Говорите прямо, что вам нужно для вашей волшебной комнаты?

— Я видел двойной анастигмат с комплектом дополнительных линз, милорд, — сказал Бантер с ноткой почти религиозного трепета. — Если речь пойдет о подделке или, скажем, об отпечатках обуви, то я мог бы увеличить их прямо на пластинке. Или широкоугольный объектив — он тоже был бы очень полезен. Представьте себе, милорд, что у камеры есть глаза вроде как за ушами... Не угодно ли взглянуть, милорд, вот сюда.

Бантер протянул лорду Питеру каталог, который предусмотрительно положил перед тем в карман.

Лорд Питер медленно прочитал страницу, и уголки его рта приподнялись в беспомощной улыбке.

— Я не знаю этого языка, Бантер! К тому же 50 фунтов — это нелепая цена за несколько кусочков стекла. Я полагаю, что вы сказали бы то же самое про 750 фунтов за старую грязную книжку на мертвом языке, не так ли?

— Не думаю, что осмелился бы сказать такое, милорд.

— Верно, Бантер, я плачу вам 200 фунтов в год в расчете на то, что свои мысли вы будете держать при себе. Или вы думаете, что это несправедливо?

— Нет, милорд, не думаю.

— А если бы я уволил вас прямо сейчас, вы сказали бы мне все, что обо мне думаете?

— Нет, милорд.

— Во всяком случае, у вас было бы на это право. А если бы я уволил вас, держа в руках чашку вашего особенного кофе, то заслужил бы выслушать все, что вы могли обо мне сказать. Кстати, о кофе. Вы, Бантер, демон-искуситель. Я не знаю и знать не хочу, как вы его готовите, потому как полагаю, что без колдовства тут никак не обходится, а я не хочу вечно гореть в геенне. Можете покупать этот ваш косоглазый объектив.

— Благодарю вас, милорд.

— Вы уже закончили дела в столовой?

— Не совсем, милорд.

— Зайдите ко мне, как только закончите. Я должен многое вам сказать. А это еще кто?

Последняя фраза относилась к резко звякнувшему дверному колокольчику.

— Если это не слишком интересный посетитель, то меня нет дома, Бантер!

— Разумеется, милорд.

Библиотека, в которой скрылся лорд Питер, являла собой одну из самых прелестных холостяцких комнат в Лондоне. Она была выдержана в двух тонах — черном и бледно-желтом, на полке вдоль стен выстроились рядами

редкие издания, а кресла и честерфилдская софа навевали мысли об объятиях гурий. Угол занимал черный кабинетный рояль, в широком старинном очаге горели дрова, а на каминной доске в паре севрских ваз стояли розовые и золотистые хризантемы. Глазам молодого человека, что вошел в библиотеку в сопровождении Бантера, после сырого ноябрьского тумана она предстала не только недосягаемо чудесной, но знакомой и приветливой, словно цветной и позолоченный рай на средневековой картине.

— К вам мистер Паркер, милорд!

Лорд Питер обрадованно вскочил с кресла:

— Паркер, дорогой, как я рад видеть вас! Какой сегодня противный туман, не правда ли? Бантер, пожалуйста, еще вашего несравненного кофе, второй стакан и сигары. Паркер, я вижу, что вас прямо-таки распирает от любопытства в связи с очередным преступлением. Для такого вечера это должно быть убийство или, как минимум, поджог. «В такую ночь, как эта...» — в общем, мы с Бантером уже собирались предаться пьяному разгулу. Я заполучил Данте и уникальное издание Кокстона с аукциона сэра Ральфа Броклбери. Бантер, который его, собственно, и заполучил, исключительно умело ведя торг, собирается купить какой-то мудреный объектив, который может творить чудеса с закрытыми глазами. А главное, *у нас есть тело в ванной!* Ничто другое нам не подойдет, Паркер! Пока что это все мое, собственность фирмы, так сказать, но я готов поделиться акциями. Присоединяетесь? Но тогда вам тоже придется *что-нибудь* внести в общий котел. Может, у вас есть *тело*? Пусть у вас окажется тело — у кого есть тело, проходит без очереди! Ах, совсем забыл про инспектора Сагга — у него тоже, кажется, есть *тело*, но его мы не приглашаем. Итак, Паркер?

— О, я знаю, — сказал Паркер, — вы были в Квин Кэролайн. Я тоже там был, встретил Сагга, и он упомянул, что видел вас. Он был здорово сердит и назвал это «незаконным вмешательством», да, именно так он выразился.

— Я знал, что он скажет что-то в этом роде. Какось, мне иногда нравится подразнить старину Сагга — он бывает таким невежливым! Вот, кстати, и «*Стар*» пишет, что он превзошел самого себя, задержав для допроса Глэдис-как-ее-там. Сагг — звезда вечерних новостей! Ну а что *вы* там делали?

— Сказать по правде, — ответил Паркер, — я зашел взглянуть, не является ли случайно незнакомец с семитской внешностью из ванной мистера Типпса сэром Рубеном¹ Леви. Оказалось, что нет.

— Сэр Рубен Леви? Минуточку, я что-то слышал о нем. А, вспомнил! Заголовок: «Загадочное исчезновение известного финансиста». А в чем там дело? Я читал не очень внимательно.

— Странный случай, но вообще-то ничего особенного. Этот человек мог исчезнуть по каким-то причинам, которые кроме него никому неизвестны. О том, что он пропал, стало известно сегодня утром, но никто бы не обратил на это внимание, если бы на сегодня у Леви не было запланировано важное совещание по финансовым делам. Я не знаю деталей, но вроде речь шла о миллионах. И у него были противники, заинтересованные в том, чтобы сделка не состоялась. Поэтому, узнав про парня в ванной я, естественно, заглянул к мистеру Типпсу, чтобы на него посмотреть. Он, конечно, не был похож на сэра Рубена, но в нашей профессии часто случаются *непохожие* вещи. Любопытно, что старина Сагг вбил себе в голову, что тот, *в ванне*, и есть Леви, и ему не терпится отправить телеграмму леди Леви, чтобы та приехала и опознала его. В сущности, мужчина в ванной был бы очень похож на сэра Рубена Леви, если бы был с бородой. А поскольку леди Леви с семьей находится за границей, то кто-нибудь мог наверняка опознать его как Леви, а Сагг выстроил бы

¹ Рубен (игра слов) — поджаренный ржаной хлеб с солониной и сыром.

на этом замечательную теорию вроде Вавилонской башни, с такой же печальной судьбой.

— Да, — сказал лорд Питер, — Сагт бывает похож на дурацкого детектива из книжки. Я, конечно, ничего не знаю о Леви, но я видел тело в ванной и лицо этого человека, и идея Сагта кажется мне изначально нелепой. А что вы думаете о бренди?

— Превосходное! Знаете, Уимзи, это одна из тех вещей, которые могут заставить поверить в существование рая. Теперь мне хотелось бы послушать *вашу* историю.

— Не возражаете, если к нам присоединится Бантер? Он бывает просто бесценен, особенно если у него в руках камера. Странно, но он всегда оказывается на месте, когда мне нужно принять ванну или сменить обувь. Понятия не имею, когда он проявляет свои пластинки, не иначе как во сне. Бантер!

— Да, милорд.

— Прекратите заниматься ерундой, налейте себе что-нибудь, соответствующее важности момента, и составьте нам компанию.

— Разумеется, милорд.

— Мистер Паркер представляет новый фокус: «Исчезнувший финансист». Никакого мошенничества! Раз, два, три! Ну, и где он? Не соблаговолит ли какой-нибудь джентльмен из публики подняться на сцену и заглянуть в ящик? Благодарю вас, сэр. Как видите, ловкость рук опережает глаз!

— Боюсь, моя история не столь захватывающая, — сказал Паркер. — Это один из тех простых случаев, к которым не знаешь, как подступиться. Сэр Рубен Леви обедал вчера вечером с тремя друзьями в Ритце. После обеда друзья отправились в театр, а сэр Рубен отказался, сославшись на назначенную встречу. Я еще не выяснил, с кем была эта встреча, но так или иначе сэр Рубен вернулся домой — дом 9-А по Парк-Лэйн — в полночь.

— Кто его видел?

— Кухарка, которая уже собиралась ложиться спать, видела его на ступеньках крыльца и слышала, как он открывает дверь. Сэр Рубен поднялся к себе, оставив пальто на вешалке в прихожей, а зонт — на стойке; вы ведь помните, какой вчера был дождь. Раздевшись, сэр Рубен лег в постель, а наутро его там не было. Вот и все. — Резким движением руки Паркер завершил свой рассказ.

— Нет, не все, не все! Папочка, пожалуйста, дальше! Ты не рассказал и *половины*, — стал просить лорд Питер.

— Но это в самом деле все! Когда слуга поднялся позвать его, сэра Рубена просто не было. Постель была смята, в ней явно спали, пижама и остальная одежда была на месте; вот только одна странная деталь: одежда была брошена на кушетке в ногах кровати, а не повешена аккуратно на кресле, как по привычке делал сэр Рубен. Такое впечатление, что он был или взволнован, или нездоров. Вся остальная одежда была на месте — костюмы, белье и прочее. Ботинки, в которых он пришел, стояли на обычном месте. Перед тем как лечь спать, он умылся, почистил зубы — ну, в общем, сделал все обычные дела. Горничная, убиравшая холл в половине седьмого утра, готова поклясться, что с этого момента никто не выходил из дома и не входил. Приходится предположить, что уважаемый еврей-финансит средних лет или сошел с ума между полуночью и шестью утра и вышел из дома в ноябрьскую ночь в чем мать родила, или испарился, как в сказке, оставив после себя кучу смятой одежды.

— Наружная дверь была заперта на засов?

— Прекрасный вопрос, Уимзи! Я размышлял над этим целый час. Нет. Против обычного, дверь была закрыта только на простой замок со щеколдой. С другой стороны, нескольких девушек из прислуги отпустили вечером в театр, и сэр Рубен мог оставить дверь незапертой, полагая, что те еще не вернулись. Такое, кстати, случалось и раньше.

— Теперь и правда все?

— Теперь да. Кроме одного крайне незначительного обстоятельства.

— Обожаю незначительные обстоятельства, — сказал лорд Питер с выражением детского восторга. — Сколько людей было повешено из-за этого! Что на этот раз?

— Дело в том, что сэр Рубен и его жена, леди Леви, — очень дружная пара и спят в одной комнате. Как я уже говорил, леди Леви сейчас за границей, в Ментоне, — поправляет здоровье. В ее отсутствие сэр Рубен спит, как обычно, на своей половине супружеской постели, на внешней половине. Но прошлой ночью он положил подушки одну на другую и лежал почти посередине, точнее — ближе к стене. Горничная, весьма неглупая девушка, заметила это, когда утром пришла прибрать постель, и решила сама ничего не трогать (а это сделало бы честь любому детективу) и не позволять никому трогать что-либо. А ведь за полицией послали много позже!

— Кто еще был в доме, кроме сэра Рубена и прислуги?

— Нет. Леди Леви уехала с дочерью и своей горничной. Лакей, горничные и кухарка были единственными людьми в доме. Естественно, они потеряли час-другой времени, ахая и перешептываясь. Я появился там около десяти часов утра.

— Что вы успели сделать с тех пор?

— Я пытался выяснить, с кем сэр Рубен встречался вчера вечером. Ведь если исключить кухарку, этот человек был последним, кто видел сэра Рубена до исчезновения. Конечно, тут возможно и очень простое объяснение, но разрази меня гром, если я способен сейчас его придумать. Не бывает так, чтобы человек пришел домой, лег спать, а потом вышел в ночь голышом.

— Он мог переодеться.

— Я думал об этом, это кажется единственным разумным объяснением. Но чертовски странно. Известный делец из Сити, накануне важной сделки, не сказав никому ни слова, пропадает среди ночи, раздевшись догола и

оставив дома часы, бумажник, чековую книжку и — самое поразительное и существенное — очки, без которых он и шагу не мог ступить, — он очень близорук, этот сэр Рубен.

— А вот это *действительно* важно, — заметил лорд Питер. Вы уверены, что у него не было другой пары?

— Его слуга ручается, что у него было только две пары очков. Одни оказались на туалетном столике, а другие — в ящике, где они всегда хранились.

Лорд Питер тихо присвистнул:

— Да, Паркер, тут вы абсолютно правы: даже если сэр Рубен вышел из дома, чтобы совершить самоубийство, он обязательно нацепил бы очки.

— Согласен, иначе самоубийство случилось бы, как только сэр Рубен вышел на проезжую часть. Однако, не исключая такой возможности, я запросил сведения обо всех несчастных случаях на улицах за сегодняшнюю ночь. Могу с уверенностью сказать, что ни в одном из них сэр Рубен... э... не участвовал. И еще: он взял с собой ключ, как если бы полагал вернуться.

— Вы повидали людей, с которыми он обедал?

— Двоих я нашел в клубе. Они заверили, что сэр Рубен был вполне здоров — и телом и духом — и говорил о том, что собирается вскоре присоединиться к леди Леви, кажется, на Рождество. И он был удовлетворен предстоящей на утро сделкой. Кстати, один из этих двоих, мистер Андерсон из компании «Виндхэм», тоже имеет к ней отношение.

— Значит, приблизительно до девяти вечера сэр Рубен не проявлял очевидного намерения исчезнуть.

— Нет, если только он не превосходный актер. Что бы ни заставило его изменить свои намерения, это должно было произойти либо во время того таинственного свидания после обеда, либо когда он был в постели — между полуночью и половиной шестого.

— Ну а что вы, Бантер, об этом думаете?

— Боюсь, что ничего, милорд. Только весьма странно, что джентльмен, столь взволнованный или столь неважно

себя чувствующий, что не может сложить одежду, как обычно, не забывает почистить зубы и выставить за дверь ботинки. А именно об этих двух вещах чаще всего забывают, милорд.

— Если вы, Бантер, имеете в виду что-то личное, то должен вам сказать, вы несправедливы, — ответил лорд Питер, — но в целом подмечено верно. Кажется, тут действительно что-то есть. Послушайте, Паркер! Я, конечно, не пытаюсь вмешиваться, но я ужасно хотел бы завтра осмотреть эту спальню. Нет-нет, не подумайте, что я вам не доверяю, дорогой мой, просто очень хочется взглянуть. Ради бога, не отвечайте мне «нет»! Лучше налейте себе еще глоток — даже два глотка! — бренди, но не говорите «нет»!

— Конечно же, вы можете осмотреть ее! Вполне вероятно, что вы обнаружите многое, что от меня ускользнуло, — спокойно ответил Паркер, по достоинству оценив гостеприимство.

— Паркер, вы просто *душка*! Скотленд-Ярд должен гордиться вами. Я смотрю на вас и представляю, как Сагг становится мифом, призраком, слабоумным, рожденным в лунную ночь больным воображением поэта. Сагг слишком безупречен, чтобы быть реальностью. Кстати, что он выяснил про тело?

— Он говорит, — ответил Паркер, точно воспроизводя слова Сагга, — что тело умерло от удара сзади в шею. Еще он выяснил, что оно мертво уже день или два, это тоже сказал доктор. По словам Сагга, это тело состоятельного еврея приблизительно пятидесяти лет. Это ему мог сказать кто угодно. Сагг считает, что нелепо предполагать, что тело попало в ванную комнату через окно, и никто ничего об этом не знает. Он думает, что человек сам вошел в дом через парадную дверь и был убит кем-то из обитателей дома. Он арестовал девушку-служанку, потому что она невысокого роста, хрупкого телосложения, и совсем не похоже, чтобы она могла бы сбить с ног

высокого крепкого еврея ударом кочерги. Он бы арестовал и Типпса, но Типпс весь вчерашний день провел в Манчестере, и позавчерашний тоже, и вернулся домой только поздно вечером. Вообще-то он хотел арестовать Типпса, но я напомнил, что если тело мертво уже один-два дня, то бедный маленький Типпс не мог привести его домой вчера в половине одиннадцатого вечера. Но завтра Сагг все равно арестует его как соучастника. Не удивлюсь, если он арестует и старую даму с вязанием.

— Ну что ж, можно только порадоваться, что у бедного Типпса такое хорошее алиби, — сказал лорд Питер. — Потому как если надеяться исключительно на трупное окоченение, посинение и прочие каверзные сущности, то следует быть готовым к тому, что какой-нибудь упрямый адвокат-скептик попробует с налета отбросить все эти медицинские свидетельства. Вы помните, как Биггс выступал защитником по тому шумному делу о кафе в Челси? Шесть медицинских светил спорили друг с другом на свидетельском месте, а старина Биггс припоминал все аномальные случаи за последние годы — от дела Глэйстера до «Диксона против Манна» — до тех пор, пока у присяжных глаза не начали вращаться в разные стороны! «Готовы ли вы поклясться, доктор Тингумтайт, что наступление *rigor mortis* безошибочно указывает на время смерти?» «Насколько мне известно по опыту — в большинстве случаев», — твердо отвечает доктор. «О! — восклицает Биггс. — Здесь же идет заседание суда, доктор, а не парламентские выборы. Мы не можем отмахиваться от меньшинства. Закон, доктор, признает права меньшинства, живого или мертвого». Оживление в зале, кто-то смеется, Биггс выпячивает грудь. «Не вижу здесь ничего смешного, джентльмены! Мой клиент — честный и уважаемый человек — может по приговору суда лишиться жизни, — жизни, джентльмены! Задача обвинения — доказать его вину, если это, конечно, возможно, без всякой тени сомнения. А теперь, доктор Тингумтайт,

я снова спрашиваю вас: можете ли вы торжественно поклясться, без малейшего сомнения, без малейшей даже тени сомнения, в том, что несчастная женщина умерла не раньше и не позже вечера четверга? Что? Существует такая возможность? Джентльмены, мы не иезуиты, мы добропорядочные британцы. Мы не можем требовать от присяжных осудить человека на основании «существующей возможности!» — Бурные аплодисменты.

— Но подзащитный Биггса все же был виновен, — сказал Паркер.

— Конечно, был. Но все-таки его оправдали. А то, что вы сейчас заявили, — клевета. — Уимзи подошел к полке и снял с нее том «Судебной медицины».

— «“Rigor mortis” может быть установлено только в достаточно общем виде, ибо на результат влияет слишком много факторов». Как осторожно выражается, каналья! «В среднем, однако, окоченение наступает в области челюсти и шеи через 5—6 часов после смерти, — так-так — и, по всей вероятности, исчезает в большинстве случаев не позднее чем через 36 часов. Однако при определенных условиях оно может проявляться необычно рано или исчезать необычно поздно!» Тонко подмечено, не правда ли, Паркер? «Браун-Секард установил... три с половиной минуты после смерти... в ряде случаев спустя 16 часов после смерти... наблюдалось через 21 день...» О боже! «Определяющие факторы... возраст — мышечный статус или мышечные заболевания — высокая температура окружающей среды», — и далее в том же духе. Короче, вы можете спорить с Саггом по любому пункту, — *он* уж точно знает не больше вашего. — Лорд Питер поставил книгу на место. — А теперь вернемся к фактам. Что *вы* выяснили про убитого?

— Вообще-то не очень много, — ответил детектив. — Честно говоря, я был озадачен. Он был, можно сказать, человеком богатым, но из тех, про которых говорят «сделал себя сам». И богатым он стал относительно недавно.

— А, вы заметили мозоли на его руках? Я был уверен, что от вас это не ускользнет.

— И обе ноги были здорово натерты — он носил очень тесные ботинки.

— И ходил в них довольно долго, — заметил лорд Питер, — за полчаса так ноги не натрешь. Вам это не показалось странным, Паркер, для очевидно состоятельного человека.

— Не знаю, — сказал Паркер. — Этим потертостям дня два-три. Может, он застрел где-то в пригороде вечером, — опоздал на поезд, такси не поймал ну и пошел домой пешком.

— Возможно.

— И еще у него на спине и на одной ноге какие-то маленькие красные отметины, которые я не сумел идентифицировать.

— Я их тоже видел.

— И что вы о них думаете?

— Я вам позже отвечу. Продолжайте!

— Он был очень дальнзорким, я бы сказал, необычно дальнзорким для мужчины, так сказать, в расцвете лет — пенсне могло бы принадлежать совсем старому человеку. Кстати, цепочка на нем была довольно редкой и хорошей работы — из плоских звеньев с узорной гравировкой. Мне пришло в голову, что эту цепочку можно будет проследить.

— Я уже дал объявление в «Таймс» по этому поводу, — сказал лорд Питер. — Пожалуйста, дальше!

— Пенсне ломалось, на нем следы двух ремонтов.

— Отлично, Паркер, отлично! Вы поняли, сколь это важно?

— Боюсь, не совсем. А в чем тут дело?

— Не обращайтесь внимания, дальше!

— По-видимому, покойник был утрюмым типом с плохим характером: ногти срезаны практически до мяса, как будто он все время грыз их, но потом пытался привести

в порядок. Кончики пальцев тоже покусаны. Он очень много курил, причем не пользуясь мундштуком. К внешности своей относился довольно ревниво.

— А вы осмотрели саму ванную комнату? У меня на это не хватило времени.

— Что касается следов ног, то мне удалось обнаружить немного — Сагг с компанией там хорошенько потоптались, не говоря уже о маленьком Типпсе и горничной. Но я обнаружил очень характерное пятно прямо за изголовьем ванны, как будто там стояло что-то мокрое, но это вряд ли можно назвать отпечатком.

— Да, всю прошлую ночь шел сильный дождь.

— Верно. А вы обратили внимание, что сажа на подоконнике слегка смазана?

— Обратил, — сказал Уимзи, — и даже пристальное; с помощью вот этого маленького приятеля, — лорд Питер протянул Паркеру свой монокль, — но выяснить сумел очень немного: на подоконнике что-то стояло или что-то на него опиралось.

— Неплохое стеклышко! — одобрительно заметил Паркер.

— Отличное, — согласился лорд Питер, — и очень полезное, если хочешь хорошо что-нибудь рассмотреть, производя при этом впечатление полного придурка. Правда, эту штуку не будешь носить в глазу постоянно, иначе тебя начнут жалеть, как полуслеплого.

— Мы с Саггом осмотрели двор позади дома, — продолжал Паркер, но не обнаружили там ни единого следа.

— Любопытно. А крышу вы проверяли?

— Нет.

— Завтра обязательно слазим туда. Водосток проходит всего в паре футов над окном, я измерил своей тростью. У юных бойскаутов есть игрушки, ну а у взрослых джентльменов, не забывших скаутское детство, — свои. Эту трость я называю «путеводителем» взрослого скаута, она, как видите, размечена в дюймах. Чрезвычайно полезная вещь в

некоторых ситуациях. Внутри — клинок, а в рукоятку вставлен компас. Все по специальному заказу. У вас есть что-нибудь еще, Паркер?

— Боюсь, что нет. Ваша очередь выдвигать версии, Уимзи.

— Думаю, что вы упомянули почти обо всем, Паркер. Есть, правда, пара-тройка маленьких нестыковок. Ну, к примеру, такая: человек носит дорогое пенсне с золотой цепочкой, причем носит давно, так что даже пару раз отдавал его в ремонт. Дальше: зубы у него в таком состоянии, как будто он никогда в жизни их не чистил. С одной стороны не хватает трех коренных зубов, с другой — четырех, а один передний зуб сломан почти пополам. В то же время он следил за своей внешностью, об этом говорят прическа и руки. Что вы скажете об этом, Паркер?

— Скажу, что «сделавшие сами себя» простолюдины не слишком заботятся о зубах и до смерти боятся дантистов.

— Верно! Но на одном коренном зубе обломана кромка, и она такая острая, что натерла небольшую язвочку на языке. Представляете, как это больно? Или вы хотите сказать, что человек будет это терпеть, если у него есть возможность зайти к дантисту и обточить зуб?

— Люди бывают странные. Я знал нескольких слуг, которые готовы были умереть в муках, но ни за что и близко бы не подошли к кабинету зубного врача. Подождите, Уимзи, а как вы это все узнали?

— Заглянул внутрь и посветил электрическим фонариком, — сказал лорд Питер. — Маленькая удобная штучка, выглядит как спичечный коробок. Ладно, я просто хотел обратить ваше внимание на его зубы. Пойдем дальше: джентльмен, благоухающий пармской фиалкой, с маникюром на руках и так далее, *никогда* не мыл уши — они забиты серой. Ужас!

— Снимаю шляпу, Уимзи! Я этого не заметил. Могу только сказать, что от плохих привычек избавляешься с трудом.

— Совершенно верно, так и запишем. Дальше, пункт третий: джентльмен с маникюром, бриллиантином и так далее страдал от блох.

— Черт подери, вы правы, Уимзи. Блошинные укусы, как это я не догадался!

— Вне всякого сомнения, старина! Укусы, конечно, слабые и давние, но ошибиться тут нельзя.

— Согласен. Но ведь такая беда может случиться с каждым. Я на той неделе видел во-от такую тварь в лучшем отеле Линкольна!

— Да, конечно, все это может случиться с каждым, но — по отдельности. Пункт четвертый: джентльмен, пользующийся пармской фиалкой и так далее, моется едким карболовым мылом, таким вонючим, что запах держится более суток.

— Карболовое мыло, чтобы вывести блох!

— Отлично, Паркер! Пункт пятый: у ухоженного джентльмена с маникюром ногти на ногах выглядят так, как будто их не стригли годами!

— Плохие привычки, как было сказано ранее.

— Согласен, но *такие* привычки, это уж, знаете ли... Пункт шестой и последний: джентльмен с неполным набором джентльменских привычек появляется дождливым вечером, предположительно через окно, будучи уже мертвым последние двадцать четыре часа, и лежит спокойно в ванне мистера Типпса, одетый совершенно не по сезону, в одном пенсне. Ни один волосок не выбился из прически, причем пострижен и причесан он был столь недавно, что множество мелких волосков прилипло к его шее и к краям ванны, и побрит он был недавно — следы засохшего мыла остались на щеках.

— Уимзи!

— Минутку — засохшее мыло было и у него *во рту*!

В этот момент Бантер встал, подошел к креслу Паркера и проговорил в безупречно учтивой манере:

— Еще немного бренди, сэр?

— Уимзи, что вы такое говорите? — Паркер одним глотком опустошил свой стакан, удивленно посмотрел на него, поставил на стол, встал, подошел к книжному шкафу, повернулся и произнес:

— Уимзи, вы, кажется, начитались детективных историй и несете какую-то чепуху.

— Ни в коем разе, Паркер, — сказал лорд Питер, подавив зевотку. — Отличный сюжет для еще одной детективной истории, вам не кажется? Бантер, мы напишем рассказ, а вы проиллюстрируете его своими фотографиями.

— Мыло во рту — какой вздор! — сказал Паркер. — Это какой-нибудь налет или что-то в этом роде...

— Нет, — возразил лорд Питер, — мыло. И еще волосы, короткие и жесткие. У покойника была борода.

Лорд Питер вынул из кармана часы и вытащил несколько волосков, которые были спрятаны между наружной и внутренней крышками.

Паркер взял их, повертел так и эдак, поднес к свету, рассмотрел в лупу, затем передал невозмутимому Бантеру и произнес:

— Так вы хотите сказать, Уимзи, что кто-то мог сбрить свою бороду, держа рот открытым, и встретить смерть, не успев выплюнуть мыло и волосы? Вы с ума сошли.

— Я вовсе не это хочу сказать, Паркер, — ответил лорд Питер. — Вы, полицейские, все на один манер — в голове помещается только одна идея. Будь я проклят, если смогу догадаться, почему вас вообще берут в полицию. Этого человека побрили уже мертвым! Необычайно веселая работенка для парикмахера, не правда ли? Сядь, приятель, хватит бегать по комнате! На войне еще и не такое случается, а это — так, ерунда, дешевый бульварный роман. Я вам вот что скажу, Паркер: преступник, который нам противостоит, — настоящий артист, причем с большим воображением. И черт меня побери, но мне это нравится, Паркер!

ГЛАВА 3

Лорд Питер доиграл сонату Скарлатти и задумчиво посмотрел на свои руки. Пальцы у него были длинные и сильные, с широкими, плоскими суставами и квадратными кончиками. Во время игры взгляд его серых глаз, обычно твердый и даже жесткий, стал мягче и как-то рассеянное, а уголки рта обозначились, напротив, четко и решительно. Он никогда не считал себя красавцем, а узкий и длинный подбородок, вкупе с высоким покатым лбом и светлыми, гладко зачесанными назад волосами, часто давал лейбористским газетам повод для карикатур на «типичного аристократа».

— Замечательный инструмент, — проговорил Паркер.

— Неплохой, — согласился лорд Питер, — но для Скарлатти нужен клавесин. Фортепиано — это слишком современно, все эти вибрации и обертоны... Не годится для нашей работы, Паркер. Ну как, вы пришли к каким-нибудь выводам?

— Покойник в ванне, — методично начал Паркер, — *не был* богатым человеком, заботящимся о своей внешности. Он был работающим человеком, возможно, безработным, но потерявшим работу совсем недавно. Кто-то убил его, вымыл, постриг, обрызгал одеколоном и побрил с целью выдать за кого-то другого, а потом положил в ванну мистера Типпса, не оставив при этом никаких следов. Вывод: убийца крепкий мужчина, если смог убить единственным ударом по шее, человек хладнокровный и весьма хитроумный, поскольку проделал свое грязное де-

ло без заметных следов, а также богатый и утонченный, поскольку имел под рукой все необходимое для столь элегантного туалета. Можно предположить, что убийца — человек эксцентричный, с извращенным воображением, на что указывают два обстоятельства: сам факт, что тело положено в ванну, и наличие «укращения» в виде пенсне.

— Настоящий поэт преступления, — заметил Уимзи. — Кстати, ваше затруднение с пенсне можно объяснить очень просто: очевидно, что оно не принадлежит покойнику.

— Тогда возникает новая загадка. Вряд ли можно предположить, что убийца любезно оставил на теле пенсне в качестве ключа к своей личности.

— Да, это маловероятно. Боюсь, что этот парень обладает тем, чего не хватает большинству преступников, — чувством юмора.

— Довольно мрачным юмором, я бы сказал.

— Верно. Но человек, который вообще может позволить себе шутить в подобных обстоятельствах, очень опасен. Хотел бы я знать, что он делал с телом в промежуток между убийством и *ванной*. Есть и еще вопросы. Как тело попало в ванную? И почему? Было ли оно внесено через дверь, как полагает наш друг Сагг, или через окно, как полагаем мы на недостаточно убедительном основании наличия пятен на подоконнике? Были ли у убийцы сообщники? Думаю, было бы неверно отказываться от такой версии только потому, что она нравится Саггу. Даже идиот может иной раз случайно сказать умную вещь. Если нет, то почему именно квартира Типпса была выбрана для этой зловещей шутки? Есть ли у Типпса недоброжелатели, завистники или враги? Кто живет в соседних квартирах? Надо выяснить, не играет ли Типпс по ночам на пианино у них над головой? Не портит ли он репутацию дома, приводя к себе дам сомнительного поведения? Есть ли архитекторы-неудачники, жаждущие его крови? Черт побери, Паркер, ведь где-то должен быть мотив! Не бывает преступления без мотива, вы же знаете!

— Безумец, — предположил Паркер с сомнением в голосе.

— Дьявольски много системы в его безумстве. Он не сделал ни одной ошибки, если не считать волосков, оставленных во рту жертвы. Да, старина, должен признаться, что ни мой покойник, ни ваш исчезнувший финансист не оставили нам много зацепок. И пока что не просматривается ни один подходящий мотив. Кроме того, не хватает двух комплектов одежды: сэр Рубен отправился в путешествие, прикрывшись фиговым листком, а неизвестный появился в ванне в одном пенсне, которого явно недостаточно для соблюдения приличий.

Зазвонил телефон. Молчаливый Бантер, о котором почти забыли, подошел к аппарату.

— Это старая леди, милорд, — сказал он. — Я думаю, она глуховата — она не слышала, что я ей отвечал. Она спрашивает вашу светлость.

Лорд Питер взял трубку и так рывкнул «Алло!», что могла бы расколоться гранитная глыба. Несколько минут он слушал с недоверчивой ухмылкой, которая постепенно переросла в широкую удовлетворенную улыбку. По ходу разговора он несколько раз выкрикивал «Хорошо! Отлично!» и наконец повесил трубку.

— Боже, — воскликнул он, сияя, — ну и молодец эта старушка миссис Типпс! Совершенно глухая, никогда раньше не пользовалась телефоном, но решительная, как Наполеон. Дело в том, что наш несравненный Сагт что-то раскопал и арестовал маленького архитектора Типпса, а старушка осталась в доме одна. Последнее, что сказал ей сын: «Сообщи лорду Питеру Уимзи!» Леди не потеряла присутствия духа, выиграла схватку с телефонной книгой и довела до истерики половину барышень на коммутаторе: ответ «Нет, мадам» ее совершенно не устраивал (она его просто не слышала). В конце концов ее соединили со мной; она заявила, что будет чувствовать себя в безопасности только в руках настоящего джентльмена. О, Паркер,

я готов расцеловать старушку! Пожалуй, напишу ей, хотя... стойте, Паркер! Мы нанесем ей визит. Бантер, собирайте эти ваши волшебные фонари и прочее, уложите их в чемодан — мы начинаем совместные действия. Сегодня вечером, Паркер, мы посмотрим на *мое* тело, а завтра займемся вашим странствующим. О, Сагг, *твой вызов принял я!* Бантер, мои ботинки! Надеюсь, ваши, Паркер, на резиновой подошве? Нет? Жаль, очень жаль. Ладно, одолжу вам свою пару. Перчатки? Есть. Трость, фонарик, ламповая сажа, пинцет, нож, коробочки — все собрано?

— Разумеется, милорд!

— О, Бантер, не смотрите так обиженно, я ничего *такого* не думал! Я вам полностью доверяю. Кстати, сколько у меня денег? Ага, ну этого, полагаю, хватит. Знаете, Паркер, я когда-то был знаком с человеком, который упустил всемирно известного отравителя лишь потому, что автомат в метро принимал только мелкие монеты, а у кассы была очередь. Естественно, контролер остановил несчастного сыщика у турникета и стал выяснять, куда он спешит, что не может купить билет. И пока они обсуждали возможность оплаты поездки до Бейкер-стрит («всего два пенса, сэр!») пятифунтовой банкнотой — у бедняги других денег не было, — преступник запрыгнул в вагон кольцевой линии. В следующий раз его видели в Константинополе, в обличье пожилого англиканского священника, путешествующего со своей племянницей... Ну что, все готовы? Тогда вперед!

Все вышли, а Бантер задержался еще на секунду, чтобы выключить свет.

Когда они оказались на слабо освещенной Пиккадилли, Уимзи внезапно остановился.

— Подождите-ка минутку, — сказал он, — я тут кое о чем подумал. Если Сагг все еще там, он явно не станет нам помогать, скорее наоборот. Нужно придумать, как обойти его. — С этими словами лорд Питер исчез, а остальные двое занялись поимкой такси.

Инспектор Сагг и один из его подчиненных стояли у дома № 59 по Квин Кэролайн и не выказывали расположения отвечать на вопросы любопытствующих. Конечно, они не могли прогнать Паркера, но лорд Питер столкнулся с упрямым молчанием и так называемой «абсолютной пассивностью». Не помогло и его заявление о том, что он действует по приглашению миссис Типпс в интересах ее сына.

— Пригласила?! — хмыкнул инспектор Сагг. — А вот мы ее самое *пригласим!* Может, она, конечно, и не замешана в этом деле, но только потому, что глуха как пень и мало на что способна.

— Послушайте, инспектор! — сказал лорд Питер. — Зачем вы устраиваете эту обструкцию? Было бы гораздо проще позволить мне войти. Вы же знаете, что в конце концов я все равно войду. Черт возьми, я не отнимаю хлеб у ваших детей! Мне ведь никто не заплатил, если вы помните, за то, что я нашел для вас изумруды лорда Аттенбери.

— Моя обязанность, — мрачно сказал инспектор, — не пропускать посторонних. И я их не пропущу.

— А я и не говорю ничего о посторонних или о ваших обязанностях, — заметил лорд Питер, усаживаясь на ступеньки, чтобы с большим комфортом продолжить дискуссию. — Выполнение обязанностей в принципе дело похвальное, если только не переусердствовать. Золотая середина; говорил Аристотель, не позволяет стать золотым ослом. Вы никогда не были золотым ослом, Сагг? Я был. И потребовался целый розовый сад, чтобы вылечить меня...

— Я не собираюсь выслушивать всякую ерунду, — раздраженно сказал Сагг, — достаточно того, что... Черт возьми, опять этот телефон! Эй, Коуторн, узнайте, в чем там дело, если только эта старая брюзга пустит вас в комнату. Закрылась там, — пожаловался инспектор, — и так орет, что впору бросить все и сбежать куда подальше.

Констебль вернулся:

— Это вас из Скотленд-Ярда, сэр. — Он покашлял, извиняясь, и продолжал: — Шеф говорит, что лорду Питеру Уимзи следует оказать всяческое содействие, сэр. — Констебль отошел и безучастно, с остекленевшим взглядом встал в стороне.

— Тузовый покер! — радостно произнес лорд Питер. — Шеф — старый приятель моей матушки. Сагг, любезный, не надо напрягаться, если у вас на руках всего лишь «полный дом»¹ — я сделаю его чуть полнее.

Вместе со спутниками лорд Питер вошел в дом.

Тело унесли из ванной несколько часов назад, и когда ванная и вся остальная квартира были тщательно осмотрены — невооруженным глазом и с помощью камеры мудрого Бантера выяснилось, что главную проблему составляет старая миссис Типпс. Ее сын и служанка были задержаны, и оказалось, что в городе у нее нет никого знакомых или друзей, кроме нескольких деловых партнеров мистера Типпса, чьих адресов она, впрочем, не знала. Остальные квартиры занимали большое семейство из семи человек, уехавшее на зиму за границу, пожилой полковник, вернувшийся из Индии, с ужасными манерами и слугой-индусом, а непосредственно под Типпсами — весьма уважаемая семья, до крайности возмущенная всеми этими ужасными событиями, да еще прямо над головой. Правда, глава семьи, с которым начал было разговаривать лорд Питер, проявил некоторую человеческую слабость, но миссис Эпплдор, внезапно возникшая в дверях в теплом стеганом халате, быстро вывела мужа из затруднительной ситуации.

— Прошу меня извинить, — сказала она, — но боюсь, мы ничем не можем вам помочь. Это чрезвычайно неприятное событие, мистер, — извините, я не запомнила вашего имени, — и мы всегда предпочитали не связываться с полицией. Конечно же, *если* Типпсы невиновны, а я

¹ «Полный дом» — комбинация из трех карт одного достоинства и двух — другого (в покере).

надеюсь на это, то для них случившееся — большая неудача. Но должна сказать вам, что обстоятельства этого дела крайне подозрительны и для меня, и для Теофилуса. Мне определенно не понравится, если нашу фамилию будут упоминать в связи с делом об убийстве, и не дай бог, если нас назовут соучастниками. Разумеется, вы молоды, мистер...

— Это лорд Питер Уимзи, дорогая, — мягко заметил Теофилус, но впечатления на его супругу это не произвело.

— Да-да, — продолжала она, — полагаю, что вы приходитесь дальним родственником моего покойного кузена, епископа Кэрисбрукского. Бедняга, его вечно обманывали всякие мошенники, и он умер, так и не научившись отличать их от порядочных людей. Мне кажется, вы унаследовали эту его черту, лорд Питер.

— Весьма сомневаюсь, — ответил лорд Питер. — Насколько я знаю, он состоял лишь в свойстве с нашей семьей. В любом случае я поздравляю вас, дорогая леди, что вы пошли в родственников по другой линии. Надеюсь, вы простите, что побеспокоил вас в столь позднее время, хотя, как вы изволили заметить, это дело сугубо семейное. Весьма вам обязан, особенно за то, что позволили мне полубоваться вашим халатом — он вам очень идет. Не беспокойтесь, мистер Эпплдор, я думаю, что самое лучшее будет отвезти миссис Типпс к моей матери, иначе когда-нибудь ваши христианские чувства возьмут над вами верх, а ничто так не мешает домашнему уюту, как христианские чувства. Спокойной ночи, сэр, спокойной ночи, дорогая леди.

— Э!.. — только сказала миссис Эпплдор, когда дверь за лордом Питером закрылась.

— *«Спасибо доброте и ласке, что заглянули в колыбель мою...»* — проговорил лорд Питер, — и научили меня быть отвратительно нахальным, когда это необходимо.

В два часа пополудни лорд Питер на автомобиле своего приятеля прибыл в замок Денвер в сопровождении старой глухой дамы и антикварного чемодана.

— Очень рада видеть тебя, дорогой, — невозмутимо встретила сына герцогиня Довагер, невысокая полная дама с абсолютно белыми волосами и изящными руками. Внешне она была столь же не похожа на своего младшего сына, сколь сходны они были по характеру. Темные глаза ее светились бодростью, а манеры и движения носили отпечаток четкости и решительности. Накинув на плечи очаровательный теплый шарф, она сидела в кресле, с удовольствием наблюдая, как лорд Питер доедает остатки холодной говядины с сыром, будто его приезд в такой необычной ситуации и компании был самым заурядным событием. Впрочем, учитывая характер лорда Питера, именно так оно и было.

— Ты уложила старушку спать? — спросил лорд Питер.

— Конечно, дорогой. Эта леди такая *необычная*! И к тому же очень мужественная. Она призналась мне, что никогда раньше не ездила в *авто*! Она назвала тебя очень милым *парнем* — это так любезно с ее стороны, — и она говорит, что ты напоминаешь ей сына. Бедный мистер Типпс! Что могло заставить твоего друга инспектора подумать, что он способен на убийство?

— Мой друг инспектор, мама, хочет доказать, что незванный гость в ванне мистера Типпса есть сэр Рубен Леви, загадочным образом исчезнувший из дома прошлой ночью. Логика его рассуждений такова: джентльмен средних лет, без одежды, пропал на Парк-Лэйн; джентльмен средних лет без одежды найден в Баттерси. Следовательно, оба эти джентльмена являются одним и тем же лицом, Q.E.D.¹, а маленького Типпса — за решетку.

— Ты чего-то недоговариваешь, дорогой, — мягко сказала герцогиня. — Я не поняла, почему мистер Типпс должен быть арестован, даже если эти двое являются одним лицом?

¹ Q.E.D. — сокращенное от quod erat demonstrandum (лат.) — что и требовалось доказать.

— Сагг должен был кого-то арестовать, — ответил лорд Питер, — но есть одно обстоятельство, которое может подкрепить его теорию. Для меня, правда, это обстоятельство мало что меняет, но... Вчера вечером, около четверти десятого, некая молодая особа, прогуливаясь в районе Парк-роуд (цель ее прогулки не имеет значения), заметила джентльмена в пальто и цилиндре, шедшего под зонтом и вглядывавшегося в названия улиц на табличках. Казалось, что он заблудился, и упомянутая особа, не будучи слишком застенчивой, подошла к нему и поздоровалась. «Не будете ли вы так любезны сказать мне, — спросил в ответ таинственный незнакомец, — выходит ли эта улица на Принс Уэльс-роуд?» Девушка ответила, что да, выходит, и спросила в шуточной манере, что джентльмен в настоящий момент делает ну и все такое, не слишком отклоняясь от стандартного текста. Правда, эту часть разговора она упомянула лишь в общих чертах, без подробностей, поскольку облегчала душу перед инспектором Саггом, а государство платит ему за то, чтобы он сохранял чистые и высоконравственные идеалы. Короче говоря, джентльмен под зонтом сказал, что не сможет составить ей компанию, потому как у него назначена встреча «с одним человеком», как она передала его слова. После чего он удалился по авеню Александры в сторону Принс Уэльс-роуд. Девушка удивленно смотрела ему вслед, когда к ней присоединилась подруга и сказала буквально следующее: «Не стоит терять с ним время — это же Леви, я его знаю еще с тех пор, как жила в Вест-Энде; девочки называли его *бескорыстный идеалист*». Имя подруги не называется, чтобы не впутывать ее в это дело, но девушка ручается, что сказано было именно так. Более это событие ее мысли не занимало, вплоть до утра, когда молочник принес волнующее известие о событии в доме на Квин Кэролайн. Тогда девушка, не испытывая особой любви к полиции, все-таки решила туда обратиться и спросила у одного из констеблей, был ли покойный джентльмен с бородой и в очках. Получив ответ, что очки были, а бороды

не было, девица неосторожно произнесла: «Значит, это не он!», а констебль резонно спросил: «Не *кто?*» — и схватил ее за воротник. Сагг, разумеется, был очень доволен и на основании этих фактов отправил Типпса в кутузку.

— Боже мой, — сказала герцогиня, — надеюсь, у бедной девушки не будет из-за этого неприятностей.

— Хотелось бы надеяться, — ответил лорд Питер. — Но вот у Типпса, кажется, их по горло. Кроме того, он сделал одну глупость, это мне тоже удалось выудить из Сагга. Типпс здорово путается относительно поезда, которым он ехал из Манчестера. Сначала он сказал, что вернулся домой в половине одиннадцатого. Потом они допросили Глэдис Хоррокс, которая показала, что его не было до без пятнадцати двенадцать. Типпса попросили объяснить это противоречие, и он стал что-то бормотать и заикаться насчет того, что опоздал на поезд. Сагг послал одного из своих людей на вокзал Сент-Панкрас и выяснил, что в десять часов Типпс оставил там в камере хранения чемодан. Типпса снова попросили объяснить его действия, он стал заикаться еще сильнее и рассказал, что гулял час-другой, встретил знакомого, но не говорит, кого именно, не может припомнить, как провел время, и объяснить, почему не вернулся за чемоданом, не может сказать, во сколько он *на самом деле* забрал его и откуда взялась ссадина у него на лбу, короче говоря, ничего не может объяснить. Глэдис допросили еще раз, и тут она заявила, что Типпс вернулся в десять тридцать, а потом призналась, что не слышала, как он входил. Не может объяснить, почему она этого не слышала и почему в первый раз сказала, что слышала. Подозрения усилились, и — «обоих за решетку!»

— Судя по твоим словам, дорогой, — заметила герцогиня, — все выглядит очень запутанно и не совсем прилично. А бедный мистер Типпс ужасно озабочен тем, чтобы выглядеть респектабельно.

— Хотел бы я знать, — задумчиво произнес лорд Питер, — что он *вообще* сделал. Я, конечно, не думаю, что он

совершил убийство. Кроме того, я полагаю, что этот несчастный действительно уже был мертв сутки или даже двое, хотя не стоит слишком полагаться на точность медицинских сведений в этом деле. Вот такая небольшая любопытная проблема.

— Очень интересно, дорогой. И так жаль бедного сэра Рубена. Надо будет написать леди Леви; я ее довольно хорошо знала раньше, когда мы жили в Гэмпшире, — она была еще совсем девочкой. Тогда ее звали Кристина Форд, и я помню эту ужасную историю, когда она собралась замуж за еврея. Это было, конечно, еще до того, как он сделал себе состояние на нефти в Америке. Родители хотели, чтобы она вышла за Джулиана Фрэка, друга семьи — он потом так преуспел! — но Кристина была влюблена в мистера Леви и в конце концов просто сбежала с ним. Он был тогда красавцем, в иностранном стиле, но денег у него не было. Да и его религия Фордам не нравилась. Конечно, мы все теперь немного евреи, и родители Кристины не были бы так решительно против, если бы Леви притворился кем-либо другим, вроде мистера Саймонса, которого мы встретили — помнишь? — у миссис Порчестер и который всегда говорил, что обязан своим носом итальянскому Ренессансу и является потомком каких-то Симонетти. Как будто кто-то этому верил! Нет, я, разумеется, согласна, что некоторые евреи — очень хорошие люди, но боюсь, что их верования приносят им массу неудобств: не работать в субботу, например, или делать обрезание бедным малюткам. Или это мясо с названием, похожим на какое-то ужасное жаргонное слово. А еще они не могут позволить себе бекон на завтрак. Ну да ладно, вышла Кристина за него замуж, и все обернулось, слава богу, хорошо, хотя мне кажется, что Джулиан был искренне влюблен в нее. Они остались друзьями. Нет, у них даже до помолвки дело не дошло, просто было *взаимопонимание* с ее отцом. Но ты знаешь, Джулиан так и не женился, живет холостяком в своем особняке рядом с больницей, хотя стал знаменитым и богатым, и на него многие имели ви-

ды. Леди Мэйнверинг, например, очень хотела выдать за него свою старшую дочь, но я всегда говорила, что нелепо ожидать от хирурга, чтобы он увлекся девицей с фигурой из одной подкладки с ватой — ведь у него столько возможностей судить об *истинном* положении вещей, не правда ли?

— Похоже, леди Леви хорошо знала, как заставить себя любить, — сказал лорд Питер. — Взять хотя бы этого «бескорыстного идеалиста»...

— Совершенно верно, дорогой, она была очаровательна, и говорят, что дочь очень на нее похожа. Когда Кристина с Рубеном поженились, я надолго потеряла ее из виду. Да ты прекрасно знаешь, как твой отец относился к «людям бизнеса». Но с кем бы я ни говорила, все называли их образцовой парой. Даже вошло в поговорку, что сэра Рубена дома любят так, как ненавидят за границей. Я не имею в виду в «заграничных странах», дорогой, — точнее было бы сказать «за стенами дома», это вроде как цитата из «Путешествия Пилигримов» — «святой за границей и дьявол на родине», только наоборот.

— Да, — сказал лорд Питер, — видимо, сэр Рубен сумел обзавестись парой-другой недругов.

— Десятками, дорогой! Это такое ужасное место — Сити, не правда ли? Да еще если тебя норовят за глаза назвать Ишмаилом¹ — это что-то вроде незаконнорожденного или неправильного еврея? Я всегда путаюсь с этими персонажами из Ветхого Завета.

Лорд Питер рассмеялся и зевнул.

— Думаю, пора прилечь на час-другой. Я должен быть в городе к восьми — Паркер придет к завтраку.

Герцогиня посмотрела на часы — было без пяти три:

— Я велю подать тебе завтрак в половине седьмого. Надеюсь, в твоей комнате все в порядке, я распорядилась, чтобы положили грелку — эти льняные простыни бывают просто ледяными. Спокойной ночи, дорогой!

¹ Ишмаил (англ.), библ. Исмаил — изгой, пария, отщепенец.

ГЛАВА 4

— Вот такие дела, Паркер, — сказал лорд Питер, отодвинув чашку из-под кофе и закулив трубку. — Может, вам это чем-то и поможет, но я со своей *ванной* задачей не продвинулся ни на шаг. Удалось ли вам что-нибудь сделать после моего ухода?

— Нет, но сегодня утром я побывал на крыше.

— Да, Паркер, энергии вам не занимать! Я думаю, что наша система кооперации оказалась весьма действенной: гораздо легче делать чью-то работу, чем свою собственную — появляется замечательное чувство независимости и радости от того, что кто-то вкалывает вместо тебя. Вроде как «почеши мне спину, а я почешу тебе». Ну и как там, на крыше, нашли что-нибудь?

— Не слишком много. Я думал обнаружить следы ног, но даже если они и были, то после такого дождя не осталось ничего. Конечно, в детективном романе дождик закончился бы ровно за час до преступления и был бы замечательный комплект следов, которые могли появиться лишь между двумя и тремя часами ночи. Но мы, к сожалению, столкнулись с прозой жизни в виде лондонского ноября, и поэтому следы ног можно с тем же успехом искать под Ниагарским водопадом. Я осмотрел крышу и пришел к выводу, что любой жилец из любой чертовой квартиры этого чертового этажа мог провернуть это дело. Все лестницы ведут на крышу, а сама она плоская, так что по ней можно гулять, почти как по улице. Но все-таки я нашел несколько доказательств того, что *тело* там тоже гуляло.

— И что это?

Паркер достал свой блокнот и, выудив из него несколько кусочков ткани, положил их на стол.

— Один кусок я подобрал в водосливе прямо над окном ванной Типпса, другой обнаружил в трещине парашюта над тем же местом, а остальные — на дымоходе, сзади, где они зацепились за металлическую опору. Что вы об этом думаете?

Лорд Питер внимательно рассмотрел обрывки в свой монокль.

— Интересно, чертовски интересно. Вы уже проявили свои пластинки, Бантер? — обратился он к своему бесценному помощнику, который в этот момент принес почту.

— Да, милорд.

— Что-нибудь есть?

— Я не уверен, можно ли назвать это «чем-нибудь», милорд, — с сомнением в голосе ответил Бантер. — Сейчас принесу отпечатки.

— Несите! — сказал Уимзи. — А вот и наше объявление в «Таймс» про золотую цепочку: «Напишите, позвоните или зайдите — 110-А Пиккадилли». Вероятно, было бы более разумным и безопасным дать только номер почтового ящика, но я полагаю, что чем честнее ты будешь с людьми, тем больше будет возможностей обмануть их: наш мир не привык к щедрой руке и доброму сердцу. Вы согласны со мной, Паркер?

— Уж не думаете ли вы, что наш приятель, оставивший цепочку на теле, лично заявится сюда, чтобы разузнать о ней?

— Нет, конечно, олух вы этакий. — Лорд Питер продемонстрировал безупречную вежливость настоящего аристократа. — Поэтому я постарался найти ювелира, который ее продал, видите? — Он указал на объявление в другой колонке. — Цепочка совсем не старая, ее почти не носили. О, спасибо, Бантер. Смотрите сюда, Паркер: вот отпечатки пальцев, которые вы нашли вчера на оконной

раме и на дальнем краю ванны. Я их не заметил и тем, что они есть теперь в нашей коллекции, целиком обязан вам. Преклоняюсь, падаю ниц, моя фамилия Ватсон; вам совершенно не обязательно говорить то, что вы собираетесь сказать, потому как я заранее со всем согласен. Короче, «гип-гип, ура!»

Все трое склонились над фотографиями.

— Преступник, — начал лорд Питер, — вылез на мокрую крышу и, вполне естественно, измазал пальцы сажей. Уложив тело в ванну, он вытер свои следы, кроме двух, которые он любезно оставил нам. По следу на полу мы установили, что он был обут в башмаки на резиновой подошве, а по отпечаткам на краю ванны — что у него обычное количество пальцев на руке и что эта рука была в резиновой перчатке. Таков он, наш приятель. Дураков просят удалиться.

Лорд Питер отложил фотографии и снова стал рассматривать обрывки ткани. Внезапно он тихо присвистнул и повернулся к Паркеру.

— Вам это ничего не напоминает?

— Похоже, что это обрывки какой-то грубой хлопчатобумажной ткани — может быть, простыни или самодельной веревки.

— Да, именно. Это может быть ошибкой — *нашей* ошибкой. Интересно, была ли эта ткань — веревка или что там — достаточно прочной и длинной, чтобы выдержать вес тела?

Лорд Питер замолчал, прищурившись.

— Чем вы будете заниматься сегодня утром? — спросил Паркер.

— Кажется, настало время вмешаться в вашу работу. Предлагаю отправиться на Парк-Лэйн и попытаться выяснить, что заставило сэра Рубена Леви покинуть постель прошлой ночью.

— А теперь, миссис Пемминг, если вы будете любезны дать мне одеяло, — говорил Бантер, спускаясь в кух-

ню, — и позвольте повесить нижнюю часть окна, чтобы не было бликов, понимаете ли, то мы можем начать.

Кухарка сэра Рубена Леви, очарованная манерами и костюмом Бантера, поспешила выполнить его просьбу. Тот не торопясь поставил на стол корзину, в которой находились: грелка, щетка для волос, украшенная серебряной нашлепкой, пара ботинок, небольшой сверток линолеума и «*Письма успешного торговца своему сыну*» в блестящем сафьяновом переплете. К экспозиции также был приобщен зонт. Затем Бантер установил рядом с кухонной плитой фотоаппарат внушительных размеров, застелил поверхность стола газетой, закатал рукава и натянул хирургические перчатки. Вошедший в это время на кухню камердинер сэра Рубена отстранил кухарку и скептически осмотрел фотоаппарат. Бантер вежливо кивнул в его сторону и открыл пузырек с каким-то серым порошком.

— Станный тип этот ваш хозяин, верно? — проговорил камердинер небрежным тоном.

— Очень необычный, — согласился Бантер. — А теперь, дорогая моя, — обратился он с обезоруживающей улыбкой к горничной, заинтересованно наблюдавшей за всем происходящим, — не будете ли вы так любезны посыпать немного этого порошка на край грелки, я подержу ее; а теперь то же самое с ботинками, ага, вот здесь, сверху! Благодарю вас, мисс — простите, как ваше имя? Прайс? Но у вас же есть еще и другое имя, верно? Ах, Мэйбл? Это имя мне особенно нравится. Благодарю, у вас очень хорошо все получается, и руки совсем не дрожат! Видите — вот отпечатки пальцев: три здесь, два там и еще смазанные в обоих местах. Осторожно, не заденьте их, дорогая! Давайте сфотографируем их. Теперь щетка. Миссис Пемминг, не поднимете ли вы ее за щетинки?

— За щетинки, мистер Бантер?

— Именно, миссис Пемминг. Прекрасно! Теперь положите ее вот сюда. Мисс Мэйбл, опять вам придется

продемонстрировать свое искусство, если не возражаете. На этот раз мы воспользуемся ламповой сажеей. Отлично, я бы сам не смог сделать лучше! Прекрасные отпечатки, и ни одного смазанного. Это наверняка заинтересует его светлость. Теперь вот эта маленькая книга — нет-нет, я сам подниму ее, в перчатках, за самый край, — видите, я опытный преступник, миссис Пемминг, и своих следов стараюсь не оставлять. Мисс Мэйбл, посыпьте, пожалуйста, обложку, и с этой стороны тоже. Прекрасно. О, мистер Грэйвз, пожалуйста, не трогайте, а то я могу лишиться работы!

— И много вам приходится этим заниматься? — спросил Грэйвз с ноткой превосходства в голосе.

— Увы! — ответил Бантер со вздохом, который должен был воззвать к сердцу Грэйвза и пробудить сочувствие и доверие. — Если вы, миссис Пемминг, подержите этот край линолеума, то я возьмусь с другой стороны, а мисс Мэйбл сможет посыпать его. Да, мистер Грэйвз, это очень сложно — быть камердинером днем и фотографировать ночью: утренний чай в любое время с половины седьмого до одиннадцати, а криминальные расследования — круглосуточно. Приходится удивляться, какие идеи приходят в голову богачам, которым нечем заняться.

— Удивляюсь, как вы это выдерживаете, — сказал Грэйвз. — У нас тут совсем по-другому: тихая, спокойная жизнь, распорядок и все такое. На обед приходят приличные, уважаемые люди — семьями, и никаких накрашенных женщин... Ну и, конечно, ночью тебя никто не поднимает с постели и не велит подать кофе и сигары. Я раньше не служил у евреев, мистер Бантер, и понимаю, что вы можете расценивать свою службу у титулованных особ как привилегию, но сейчас на это как-то меньше обращают внимания. Сэра Рубена, хоть он и сам *поднялся*, никто не может назвать вульгарным, и он и леди — а она из гемпширских Фордов — всегда очень внимательны к нам.

— Совершенно с вами согласен, мистер Грэйвз. Его светлость, да и меня тоже, никто не мог бы назвать человеком с предрассудками. Хороший еврей может быть хорошим человеком, я всегда это говорил. Следует особо поставить им в заслугу упорядоченную жизнь и правильные привычки. Ведь сэр Рубен отличается очень простыми вкусами, не так ли? Я имею в виду для очень богатого человека.

— Верно, вкусы у него простые, — согласилась кухарка. — Если бы не званые обеды, то я вовсе потеряла бы квалификацию, мистер Бантер.

А Бантер в этот момент закончил обработку ручки зонтика и с помощью горничной начал прикреплять простыню к оконной раме.

— Чудесно, — сказал он. — Вот если бы это одеяло можно было положить на стол, а другое укрепить на вешалке, чтобы создать фон... О, вы очень любезны, миссис Пемминг... Да, если бы его светлость не имел привычки работать по ночам... Ведь сколько раз бывало, что сидишь до трех-четырёх часов утра, а с рассветом снова поднимаешься и готовь его светлость к путешествию на другой конец страны, потому что он хочет превзойти мистера Шерлока Холмса...

— Да, не дело это, — сочувственно вздохнула миссис Пемминг. *Недостойно*, я бы сказала; полицейские дела — неподходящее занятие для джентльмена, не говоря уже о лорде.

— Как вы это точно подметили! — сказал Бантер, жертвуя репутацией хозяина и своими собственными чувствами ради дела. — Представляете, ботинки свалены в углу, одежда на полу кучей...

— А что еще можно ожидать от тех, кто родился с серебряной ложкой во рту? — сказал Грэйвз. — Вот сэр Рубен никогда не изменяет своим старым привычкам: ботинки выставлены в коридор, одежда аккуратно сложена. Тогда и утро легко начинается!

— Но позавчерашней ночью не все было в порядке, верно?

— Только одежда, но не ботинки! Сэр Рубен всегда так внимателен к другим... О, надеюсь с ним ничего не случилось!

— Конечно, ничего! — отозвалась эхом кухарка. — А если кто и болтает, что он вышел тайком, чтобы сделать что-то нехорошее, то я этому никогда не поверю, мистер Бантер!

— Как мало из нас могут сказать такое о своих хозяйках! — заметил Бантер, устанавливая свои лампы и подсоединяя их к ближайшей розетке.

— Значит, пять футов десять дюймов и не дюймом больше, — сказал лорд Питер. Он долго с сомнением рассматривал смятое белье на постели, потом сделал какие-то замеры своей скаутской тростью. Паркер аккуратно записал цифры в блокнот.

— Полагаю, что человек ростом шесть футов два дюйма *мог бы* оставить такую вмятину, если бы немного сжался.

— Скажите, Паркер, в вас нет шотландской крови? — холодно спросил лорд Питер.

— Насколько я знаю, ни капли, — ответил Паркер. — А почему вы спросили?

— Потому, что среди всех осторожных, предусмотрительных, мелочных, требовательных и бесчувственных спорщиков, которых я знаю, вы — самый осторожный, мелочный и бесчувственный. Я тут наизнанку мозги выворачиваю, чтобы внести в ваше бестолковое расследование действительно важный элемент, а вы не проявляете ни капли заинтересованности или энтузиазма!

— Наверное, не стоит с ходу делать выводы.

— С ходу? Да вы не подобрались даже к кончику какого-нибудь вывода. Думаю, что если бы вы поймали кошку, засунувшую голову в горшок со сливками, то и тут сказали бы: «Вполне допустимо, что горшок был уже пуст».

— Но ведь это и вправду допустимо, не так ли?

— Ну и черт с вами, — отрезал лорд Питер. — Он встал в глаз монокль и склонился над подушкой, стараясь дышать через нос. — Эй, дайте-ка мне пинцет, — потребовал он через минуту. — Да не дышите вы, как кит! — С этими словами лорд Питер поднял с подушки какой-то почти невидимый предмет.

— Что это? — спросил Паркер.

— Это волос, — сурово ответил лорд Питер. — Давайте посмотрим на шляпы сэра Леви. И позовите, будьте любезны, этого парня с кладбищенской фамилией.

Вошедший мистер Грэйвз¹ застал лорда Питера Уимзи в гардеробной сидящим на корточках перед выстроенными в ряд перевернутыми шляпами.

— Подойдите сюда, Грэйвз! — сказал лорд Питер. — Давайте сыграем в интересную игру «Угадай-ка!». У нас здесь девять шляп, включая три цилиндра. Подтверждаете ли вы, что все эти шляпы принадлежат сэру Рубену Леви? Подтверждаете? Очень хорошо. У меня есть три попытки угадать, в какой шляпе был сэр Рубен в ночь своего исчезновения. Если я угадаю, выиграл я, если нет — выиграли вы. Понятно? Готовы? Начали! Кстати, Грэйвз, я полагаю, вы сам-то знаете ответ?

— Я так понимаю, ваша светлость спрашивает, в какой шляпе был сэр Рубен, когда вышел в понедельник вечером?

— Нет, вы понимаете совершенно *не так*. Я просто спросил, знаете ли вы. Если знаете, то не говорите мне — я собираюсь угадать сам.

— Разумеется, я знаю, ваша светлость, — ответил Грэйвз.

— Так, — сказал лорд Питер. — Нам известно, что в тот вечер сэр Рубен обедал в Ритце, поэтому он определенно был в цилиндре. Перед нами три цилиндра, и с

¹ Грэйвз — Graves (англ.) — могилы.

трех попыток я должен найти верный ответ. Но мне это кажется не очень спортивным — я угадаю с первого раза. Вот этот цилиндр! — Лорд Питер показал на первую от окна шляпу. — Я прав, Грэйвз? Я выиграл приз?

— Да, это *та самая* шляпа, ваша светлость, — произнес Грэйвз бесстрастно.

— Благодарю, это все, что я хотел знать. Будьте любезны, пригласите Бантера!

Появившийся спустя минуту Бантер имел несколько смущенный вид, а его волосы, обычно аккуратно уложенные, были растрепаны.

— А, Бантер, вы уже здесь. Взгляните-ка сюда...

— Я здесь, ваша светлость, — сказал Бантер, слегка поклонившись, — но, если вы позволите, я должен быть внизу, с этими молодыми дамами, — иначе они залапают все вещественные доказательства, милорд.

— Простите великодушно, но я тут вел безнадежный спор с мистером Паркером и отвлекал от дел достопочтимого Грэйвза. Хотя вы обрадуйте меня и расскажите, какие вам удалось найти отпечатки пальцев. Я не почувствую себя счастливым, пока не увижу их. Не будьте со мной жестоким, Бантер!

— Надеюсь, ваша светлость, вы понимаете, что я еще не успел их сфотографировать. Но не стал бы отрицать, что выглядят они очень любопытно, милорд. На книге с ночного столика отпечатки только одного вида: на большом пальце правой руки маленький шрам, и эти отпечатки легко узнать. На щетке для волос, милорд, тоже только эти отпечатки. На зонтике, стакане для зубной щетки и ботинках — два вида отпечатков: руки со шрамом на большом пальце — по моему представлению, сэра Рубена — и несколько смазанных отпечатков поверх упомянутых, которые могли, *а могли и не быть* сделаны той же рукой в резиновой перчатке. Скажу точнее, когда сделаю фотографии и измерю отпечатки, милорд. Линолеум из-под умывальника выглядит об-

надеживающе, если позволите так выразиться, милорд. Кроме следов ботинок сэра Рубена, на которые, ваша светлость, вы обратили внимание, там есть еще и след босой ноги, полагаю, мужской, меньшего размера, я бы сказал, не больше десятого¹, если вас это интересует, милорд.

Лицо лорда Питера осветилось подобием благоговейной улыбки.

— Ошибка, — прошептал он, — маленькая ошибка, но он допустил ее! Когда в последний раз мыли линолеум, Бантер?

— В понедельник утром, милорд. Служанка вспомнила об этом. Единственное свидетельство с ее стороны — и прямо в точку. Остальная прислуга....

По выражению лица Бантера можно было догадаться о его крайне невысокой оценке полезности остальной прислуги для расследования.

— Ну, что я говорил, Паркер? Пять футов десять дюймов, не больше! Он не осмелился прикоснуться к щетке для волос. Прекрасно. Но цилиндром он *должен* был рискнуть: джентльмен не может возвращаться домой под дождем поздно ночью без шляпы, Паркер! И что мы имеем? Два вида отпечатков пальцев на всем, кроме книги и щетки, два вида следов на линолеуме и два вида волос на шляпе!

Лорд Питер приподнял цилиндр повыше к свету и пинцетом извлек доказательство.

— Вы только подумайте, Паркер: помнить о щетке для волос и забыть о шляпе, все время помнить о пальцах и так невнимательно наступить на линолеум. Вот они, видите? Темные волосы и светлые; темные на подкладке котелка и панамы, а темные и светлые *вместе* на вчерашнем ночном цилиндре. И еще в доказательство того, что мы на

¹ Десятый размер английской обуви соответствует 41—42-му размеру.

верном пути, всего один светлый волосок с подушки. С подушки, Паркер, которая лежала немного не на месте. Паркер, я сейчас разрыдаюсь!

— Вы хотите сказать... — медленно проговорил детектив.

— Я хочу сказать, — ответил лорд Питер, — что это не сэра Рубена Леви видела кухарка прошлой ночью на крыльце. Я утверждаю, что это был другой человек, вероятно, на пару дюймов меньше ростом. Он пришел в одежде Леви и открыл дверь его ключом. Это дерзкий и хитрый дьявол, Паркер! Он был в ботинках Леви и в его одежде, он был в резиновых перчатках, которые не снимал ни на секунду, и он сделал все, чтобы мы поверили, что именно Леви спал здесь в прошлую ночь. Он рискнул и выиграл. Он поднялся по лестнице, разделся и даже прополоскал рот, но не стал пользоваться щеткой, опасаясь оставить на ней светлые волосы. Ему надо было догадаться, что обычно Леви делает со своей одеждой и обувью, и вышло так, что одна догадка оказалась верной, а другая — нет. Постель должна была выглядеть так, как будто на ней спали, поэтому он улегся в кровать в пижаме своей жертвы. Затем, в самое глухое время, видимо, между двумя и тремя часами, он встал, надел *свою* одежду, которую принес в портфеле, и пошел вниз. Если бы кто-то проснулся — все, конец! Но он дерзок и хитер, и он рискнул. Он знает, что обычно люди не просыпаются по ночам, и они не проснулись. Он открыл входную дверь, которую сам оставил на защелке, когда пришел в дом, прислушался, нет ли поблизости запоздавших прохожих или полицейского, обходящего участок, выскользнул на улицу и закрыл дверь на ключ, а потом быстро ушел прочь, в своих ботинках на резиновой подошве: преступники этого типа обязательно носят обувь на резиновой подошве. Через пару минут он уже на углу Гайд-парка, а потом...

Лорд Питер сделал паузу и добавил:

— В общем, или сэр Рубен Леви исчез сам, устроив этот глупый розыгрыш с непонятной целью, или этот светловолосый приятель взял на душу грех убийства.

— Боже, — воскликнул детектив, — как драматично вы все излагаете!

— Друг мой, — ответил лорд Питер, устало проводя рукой по волосам, это, может быть, звучит ужасно, но данное дело меня уже не слишком занимает.

— Какое дело, *это* или *то*, про ванную?

— Оба. И я говорю себе: «Питер, а не отправиться ли тебе домой, пообедать, и не пойти ли потом в Колизей?»

— Да, вы можете себе это позволить, — ответил детектив, — но не забывайте, что я этим зарабатываю себе на хлеб.

— А у меня нет даже такого мотива. Ладно, что мы делаем дальше? То есть что вы бы сделали по *моему* делу?

— Я бы сделал одну хорошую трудную работу, — сказал Паркер. — Я не взял бы на веру ни крупицу из той кучи, которую накопал Сагг, и перепроверил бы всех и каждого из дома на Квин Кэролайн. Я перерыл бы все кладовки и чердаки. Я втянул бы каждого в разговор, внезапно назвал бы слово «труп» или «пенсне» и посмотрел, как бы они задергались. По-моему, именно так поступают современные психо-как-бишь-их-там...

— Да уж, вы бы их всех... — усмехнулся лорд Питер. — Будем считать, что мы поменялись делами, так что принимайтесь за работу. А я немного расслаблюсь и повеселюсь.

— Я и не рассчитывал, что вы за это возьметесь, — тоже усмехнулся Паркер, — уж лучше я сам. Вы, Уимзи, никогда не станете настоящим профессионалом, если не научитесь вникать во все мелочи. Как насчет ланча?

— Я уже приглашен, да еще надо успеть переодеться: не могу же я разделить трапезу с Фредди Арбутнотом в таких штанах. Бантер!

— Да, милорд.

— Укладывайте свое имущество, если закончили, мне пора ехать в клуб.

— У меня работы еще часа на два, милорд. С экспозицией меньше тридцати минут ничего не получится — электричество в этом доме слабовато.

— Вот видите, как надо мной издеваются, Паркер? Но, думаю, мне придется это стерпеть...

Лорд Питер, насвистывая, начал спускаться по лестнице, а добросовестный мистер Паркер, издав тяжкий вздох, уселся просматривать бумаги сэра Рубена Леви. Помогали ему в этом тарелка бутербродов с ветчиной и бутылка лимонада.

Лорд Питер и почтенный Фредди Арбутнот, которые вместе смотрелись как реклама мужских брюк, вошли в зал ресторана «Виндхем».

— Сто лет вас не видел, — заявил почтенный Фредди, — чем вы все это время занимались?

— Да так, всякой ерундой, — лениво произнес лорд Питер.

— Густой или прозрачный, сэр? — спросил Арбутнот подошедший официант, имея в виду суп.

— Вы какой предпочитаете, Уимзи, — спросил почтенный, перекладывая бремя выбора на своего гостя. — Они оба одинаково ядовиты.

— Думаю, что прозрачный будет легче слизывать с ложки, — ответил лорд Питер.

— Прозрачный! — распорядился Фредди.

— *Консомэ Полонез*, — поклонился официант, — очень хорошо, сэр.

Разговор шел довольно вяло до того момента, когда почтенный Фредди обнаружил косточку в филе из морского языка и послал за старшим официантом, чтобы тот объяснил ее наличие в блюде. Когда вопрос был урегулирован, лорд Питер нашел в себе силы сказать:

— Очень жаль, что так случилось с вашим партнером, старина!

— Да, бедный старый пройдоха! Говорят, он долго бы не протянул...Что? *Монтраше* восьмого года? В этом заведении и выпить ничего стоящего нет, — заметил Арбутнот.

После такого высказывания в адрес благородного вина последовала еще одна пауза, затем лорд Питер спросил:

— Как дела на бирже?

— Отвратительно, — ответил почтенный Фредди, занятый *сальми*¹.

— Я могу чем-нибудь помочь? — спросил лорд Питер.

— О нет, благодарю вас, это очень любезно с вашей стороны, но надеюсь со временем, я думаю, все должно наладиться.

— Очень неплохое *сальми*, — заметил лорд Питер.

— Приходилось есть и похуже, — согласился его друг.

— Кстати, как там с аргентинскими акциями? — спросил лорд Питер. — Эй, *любезный*, у меня в стакане плавает пробка!

— Пробка? — воскликнул Фредди, слегка оживляясь. — *Любезный*, вам за это попадет! Забавно: парню платят за работу, а он не может вытащить пробку из бутылки. Как вы сказали? С аргентинскими? Обвалились к чертям. Когда стало известно, что старый Леви исчез, рынок оказался бочкой, из которой вышибли дно.

— И не говорите! — отозвался лорд Питер. — По-вашему, что случилось со старым пройдохой?

— Черт меня побери, если я знаю. Могу предположить, что получил по башке от медведей².

— А может быть, что он исчез по своей воле? — спросил лорд Питер. — Двойная жизнь, всякое бывает. Вы ведь знаете этих, из Сити. Легкомыслие, бес в ребро и все такое...

¹ Сальми — рагу из дичи (обычно — птицы) в винном соусе.

² Медведи — биржевые спекулянты, играющие на понижении курса.

— Ну нет, — сказал Фредди, немного возмущившись. — Бросьте, Уимзи, ничего такого. Все знают, что старый Леви — прекрасный семьянин, дочка у него — сплошное очарование. Кроме того, он честный малый, он может *свалить* тебя, но в грудь, а не в спину. Старина Андерсон тоже был здорово огорчен, когда узнал обо всем этом.

— Кто это такой?

— Один из наших парней, у которого есть доля в тамошней собственности. Он должен был встретиться с Леви во вторник и сейчас боится, что железнодорожники наложат лапу на это дело.

— А кто здесь крутит этими железнодорожниками? — полюбопытствовал лорд Питер.

— Один хитрый янки, Джон П. Миллиган. У него есть опцион, или по крайней мере он так говорит. Такой каналье нельзя верить.

— А удержаться этот Андерсон не сможет?

— Андерсон — не Леви. Деньжонок у него негусто. И потом, он один. Леви все держал в руках и мог бы бойкотировать эти Миллигановские железные дороги, если бы захотел. У него *связи*, понимаете?

— Кажется, я где-то встречал этого Миллигана, — задумчиво проговорил лорд Питер. — Это случайно не черноволосый здоровяк с бородой?

— Нет, это вы о ком-то другом. Миллиган не здоровей меня, если вы, конечно, не считаете «здоровенными» мои пять футов десять дюймов. И потом он ведь лысый.

Лорд Питер некоторое время обдумывал эту информацию, не забывая про горгонзолу¹, и наконец произнес:

— Не знал, что у Леви есть очаровательная дочь.

— Да, есть, — сказал почтенный Фредди с подчеркнутой беспристрастностью. — Я встречал ее с матерью в прошлом году за границей. Там я, собственно, и познако-

¹ Горгонзола — сорт сыра, часто подаваемого на десерт.

мился со старым Леви. Он был очень любезен, сразу же позволил мне включиться в аргентинский бизнес.

— Бывают люди и хуже, — согласился лорд Питер, — деньги многих портят. Как я слышал, леди Леви — весьма достойная дама, по крайней мере так утверждает моя матушка, а она знает ее чуть ли не с детства.

— Совершенно верно, — отозвался Фредди, — и ей абсолютно не приходилось краснеть за старину Рубена. Он, конечно, сам *поднялся*, но не притворяется кем-нибудь другим. Каждый день ездит в контору на автобусе 96-го маршрута и любит повторять, что не может переключить свои мозги на такси. «Я привык с молодости считать каждый пенни, — говорит он; — и до сих пор не могу отделаться от этой привычки». Но когда он куда-нибудь отправляется с семьей, то тут он не только пенни — фунты не считает. Рэйчел — так зовут дочку — всегда смеется над тем, как ее папаша транжирит деньги.

— Полагаю, за леди Леви уже послали, — сказал лорд Питер.

— Полагаю, да. Наверное, мне следует быть где-то поблизости, чтобы выразить сочувствие или что-то в этом роде... Было бы некрасиво с моей стороны не сделать этого. Мне как-то чертовски неловко... Ну что я должен буду сказать?

— Не думаю, что слова имеют большое значение, — заметил лорд Питер. — Я бы просто спросил, чем я могу помочь.

— Спасибо, — облегченно вздохнул Фредди. — Так и сделаю. «Я сильный и надежный парень. Рассчитывайте на меня. Всегда к вашим услугам. Звоните мне в любое время дня и ночи». Это то, что надо, как вы думаете?

— Именно это я имел в виду, — сказал лорд Питер.

Мистер Джон П. Миллиган, лондонский представитель крупной железнодорожной и паровой компании, диктовал каблогаммы своему секретарю в офисе на

Ломбард-стрит, когда слуга принес визитную карточку с простым текстом:

*Лорд Питер Уимзи
Марлборо-клуб*

Мистер Миллиган был недоволен тем, что его превали, но подобно большинству своих соотечественников, если и имел какую-то слабость, то это было почтение к британской аристократии. Он отложил дела, позволив секретарю передохнуть, и велел пригласить посетителя.

— Добрый день, — произнес аристократ, входя в кабинет легкой, неторопливой походкой. — Необычайно любезно с вашей стороны позволить мне занять часть вашего драгоценного времени. Постараюсь не отвлекать вас долго, но прошу меня простить, если не сумею незамедлительно перейти к делу. Мой брат никогда не позволит мне баллотироваться от графства: он говорит, понимаете ли, что я так долго приступаю к речи, что все могут забыть, зачем собрались.

— Весьма рад видеть вас, лорд Уимзи, — сказал мистер Миллиган. — Не угодно ли присесть?

— Благодарю, — сказал лорд Питер, — но вынужден вас разочаровать: пэром является мой брат Денвер, он лорд Уимзи, а я — просто лорд Питер, такое вот у меня простое имя. Мне оно всегда кажется каким-то старомодным и слишком домашним, знаете ли, но моей вины в том нет, это все мои крестные — они выбрали для меня имя. Правда, они тоже не виноваты, дело в наших английских традициях: в нашей семье в каждом поколении должен быть хоть один Питер. А началось все с третьего герцога Уимзи, который предал пятерых королей во времена великой Войны Алой и Белой розы. Не знаю, насколько верно это предание, но мне приходится, так сказать, соответствовать.

Мистер Миллиган, виртуозно поставленный в результате такого дебюта в невыгодную позицию, когда ему великодушно прощалось незнание истории, сумел-таки

найти достойный ответ и предложил визитеру настоящую гаванскую «Корону».

— О, благодарю вас, — сказал лорд Питер, — хотя вам не следует искушать меня такой великолепной сигарой: я могу засидеться у вас до темноты. Боже, мистер Миллиган, если вы предлагаете посетителям такие удобные кресла и такие восхитительные сигары, удивляюсь, что у вас в коридоре нет очереди. — Про себя же лорд Питер добавил: «Хотел бы я добраться, приятель, до твоих ботинок! Как, интересно, можно узнать их размер?»

— Лорд Питер, — произнес мистер Миллиган, — могли ли я быть вам чем-нибудь полезен?

— Очень хотелось бы надеяться, — ответил лорд Питер, — хотя, боюсь, это слишком дерзко с моей стороны. Видите ли, все дело в моей матушке. Замечательная женщина, но, кажется, она плохо представляет себе, что время такого занятого человека, как вы, что каждая ваша минута...

— О, прошу вас! — воскликнул мистер Миллиган, — я буду только рад оказать любую услугу герцогине. — На какой-то момент его обуяло сомнение, правильно ли называть мамашу герцога и лорда герцогиней, но тут он перевел дух, поняв, что угадал, ибо лорд Питер продолжал:

— Благодарю, это действительно *очень* любезно. Дело вот в чем. Моя матушка, весьма энергичная и самоотверженная женщина, намеревается устроить что-то вроде благотворительного базара у себя в графстве с целью собрать средства на ремонт церковной крыши. Очень печальная история, мистер Миллиган. Прекрасное старинное сооружение, окна в средневековом стиле, росписи, ангелы и так далее — и все рассыпается буквально на глазах: дождь льет прямо на алтарь, сквозняк такой, что викарий заработал себе ревматизм, ну да что там говорить, сплошное расстройство. Так вот, они нашли одного архитектора — такой коротышка по фамилии

Типпс, живет со старушкой матерью в районе Баттерси, не слишком преуспевает, но, как мне сказали, большой мастер по всяким крышам.

При этих словах лорд Питер прищурился, глядя на своего собеседника, но не заметил, чтобы его болтовня вызвала в мистере Миллигане какую-либо иную реакцию, кроме вежливой заинтересованности, смешанной с легким удивлением. Быстро сменив тему, лорд Питер продолжал:

— О, тысяча извинений, мистер Миллиган, я, кажется, опять отвлекся. Как я уже говорил, матушка собирается устроить благотворительный базар. Она решила, что будет очень интересно организовать что-то вроде маленького лектория, пригласив поучаствовать в нем известных деловых людей из разных стран. Можно назвать его «Как я этого добился» или как-то иначе в том же роде. Например: «Разговор о капле нефти с керосиновым королем» или «Наличность и какао» и так далее. Это должно очень заинтересовать публику. На этот базар — и на лекции! — соберутся все друзья моей матушки, ведь у них нет денег, — я имею в виду то, что *вы* называете деньгами. Наш доход, вероятно, не покрывает вашего счета за телефонные разговоры, ха-ха! Так вот, этим людям будет очень интересно послушать тех, кто *сумел* сделать деньги. Короче говоря, мистер Миллиган, моя матушка была бы вам очень признательна, если бы вы смогли приехать и сказать несколько слов как представитель деловых людей Нового Света. Пусть это будет всего десять минут, потому что наши люди, во-первых, мало что знают, кроме охоты, а во-вторых, не могут сосредоточиться на чем-нибудь дольше чем на десять минут. Но они будут очень рады, если вы заедете в наши края на день-другой и расскажете что-нибудь интересное про ваш могучий американский доллар.

— А что, — сказал Миллиган, — это было бы действительно интересно, лорд Питер. Очень мило, что герцоги-

ня придумала такую штуку. В самом деле, горько смотреть, как разрушаются древние замки, церкви... Я приеду с большим удовольствием, а вы, лорд Питер, надеюсь, примите мой скромный вклад в фонд восстановления.

Такой поворот событий оказался для лорда Питера полной неожиданностью. Плести тонкую паутину вымысла вокруг гостеприимного джентльмена, которого подозреваешь в коварном убийстве, — одно, а принять от него по ходу дела чек с кругленькой суммой на благотворительные цели — это уже слишком. На такое мог пойти разве что какой-нибудь бессердечный агент секретной службы. Лорд Питер нашел, кажется, достойный компромисс.

— Это так благородно с вашей стороны, — сказал он. — Уверен, что они будут вам бесконечно благодарны. Но лучше не давать эти деньги мне — я могу их потратить или потерять, боюсь, я не слишком надежен. Правильнее было бы выбрать для этого нашего викария — преподобного Константина Трогмортон, приход Святого Иоанна у Латинских ворот, графство Денвер, если вам будет угодно послать чек.

— Отлично, — сказал Миллиган. — Не выпишите ли вы, Скут, чек на тысячу фунтов, если вдруг я забуду об этом?

Секретарь — светловолосый молодой человек с длинным подбородком и безбровым лицом — молча выполнил это указание. Лорд Питер перевел взгляд с лысой головы Миллигана на покрытую светлыми волосами секретаря и скрепя сердце предпринял новую попытку.

— Я искренне благодарен вам, мистер Миллиган, и моя матушка будет вам бесконечно признательна, когда я расскажу ей о нашей встрече. Я обязательно сообщу вам дату проведения базара — она еще точно не определена. Мне нужно встретиться с другими бизнесменами, я думал пригласить кого-либо из крупных газетных магнатов, которые могли бы рассказать о талантах в рекламном деле.

Один мой друг обещал договориться с финансовым тузом из Германии — думаю, что у нас в глубинке уже нет против немцев *таких чувств*, понимаете, о чем я? Ну и для полноты картины хорошо бы найти знакомого человека, который представил бы взгляды евреев — банкиров или кого-нибудь в этом роде. Я хотел было попросить Леви — знаете такого? — но он куда-то очень странно исчез.

— Да, я слышал об этом, — ответил Миллиган, — действительно странная история, хотя, должен вам честно сказать, лорд Питер, выгодная для меня. Леви имел виды на мой железнодорожный синдикат, понимаете? Но лично против него я ничего не имею, и если он снова появится, после того как я устрою свою *маленькую сделку*, которую давно готовлю, буду только рад протянуть ему руку.

Лорд Питер представил себе, что сэр Леви сидит где-то в полицейском участке, задержанный на то время, пока не будет преодолен финансовый кризис. Что ж, весьма вероятно, и даже более приемлемо, чем предыдущая версия. И лучше согласуется с впечатлением, которое производит мистер Миллиган.

— Да, — повторил лорд Питер, — очень странная история, но смею предположить, что у Леви были какие-то свои причины для исчезновения, в которые лучше не вдаваться. Один мой приятель в полиции, который занимается этим делом, сказал, что старый шельмец перекрасил волосы, перед тем как пропасть.

Краем глаза лорд Питер отметил, как светлоголовый секретарь сложил пять колонок цифр одновременно и аккуратно написал внизу результат.

— Перекрасил волосы? — с удивлением переспросил Миллиган.

— Да, в светлый рыжеватый цвет. — Секретарь поднял голову. — Странно, но они так и не смогли найти пузырек с краской. Что-то тут подозрительно, вам не кажется?

Мгновенный интерес в глазах секретаря погас. Он вставил новый листок в папку-держатель и продолжил писать свою цифирь.

— Как бы там ни было, — сказал лорд Питер, вставая, — но мне пора, я и так отнял у вас массу драгоценного времени, мистер Миллиган. Было исключительно приятно побеседовать с вами, и моя матушка будет вам очень признательна. Она непременно сообщит вам о дате базара.

— Очень рад был с вами познакомиться, лорд Питер, — ответил Миллиган.

Скут молча встал, чтобы открыть гостю дверь, демонстрируя длину своих ног, скрытых до тех пор под столом. Лорд Питер оценил рост секретаря в шесть футов четыре дюйма.

«Жаль, что нельзя приставить голову Скута к плечам Миллигана, — думал он, выходя на шумную улицу. — Боже, что сказала бы матушка!»

ГЛАВА 5

Мистер Паркер жил холостяком в большой неудобной квартире в георгианском стиле, стоившей ему фунт в неделю, в доме № 12-А по Грейт Ормонд-стрит. Его усилия во славу цивилизованного общества вознаграждались, конечно, не бриллиантовыми перстнями от милостивых императоров или чеками со множеством нулей от благодарных премьер-министров, но вполне приличной зарплатой, источником которой было содержание карманов британских налогоплательщиков. В это утро мистер Паркер, утомленный вчерашней напряженной, но малоэффективной работой, проснулся от запаха подгоревшей овсянки. Через окно его спальни, приоткрытое сверху и снизу из соображений гигиены, в комнату потихоньку пробирался сырой утренний туман. Вид теплых подштанников, небрежно брошенных на кресло вчерашним вечером, создавал ощущение унылой абсурдности человеческого бытия. Услышав телефонный звонок, Паркер вылез из кровати и, чувствуя себя глубоко несчастным, направился в гостиную, где миссис Муннс, приходящая прислуга, накрывала на стол к завтраку. Увидев мистера Паркера, миссис Муннс приветственно чихнула. Звонил Бантер.

— Его светлость будет очень рад, сэръ, если вы сочтете удобным для себя пожаловать к завтраку.

Если бы запах почек и бекона мог передаваться по проводам, то и в этом случае мистер Паркер не смог бы ощутить большего утешения.

— Передайте его светлости, что я буду через полчаса, — сказал он и, заглянув в ванную (она же кухня), сообщил миссис Муннс, наливавшей в этот момент чай, что будет завтракать не дома.

— Овсянку вы можете забрать и покормить ею своих домашних, — язвительно добавил мистер Паркер и сбросил халат столь решительным движением, что миссис Муннс, фыркнув, тут же удалилась.

Автобус 19-го маршрута доставил Паркера на Пиккадилли всего на 15 минут позже срока, столь оптимистично назначенного по телефону, и Бантер тут же принес отличную еду, несравненный кофе и утренний выпуск «Дейли Мейл» на столик перед жарко растопленным камином. Доносившийся от ванной комнаты голос, напевавший си-минорную мессу Баха, подтверждал, что любовь хозяина квартиры к чистоте и его набожность встречались, как минимум, раз в день. В следующую минуту лорд Питер появился в комнате с еще влажными волосами, благоухающий вербеной, в халате, расшитом естественно пестрыми павлинами.

— Доброе утро, старина! — приветствовал он гостя. — Паршивая сегодня погода. Хорошо, что вы заглянули ко мне, потому как я получил любопытное письмо и очень хотел показать его вам, а сил нанести визит *утром* у меня просто не было, мы с Бантером почти всю ночь трудились.

— Что же это за письмо?

— Не разговаривайте о делах с полным ртом, — нравоучительным тоном заметил лорд Питер, — лучше возьмите еще немного оксфордского сливового джема. А потом я покажу вам *Данте* — книгу доставили вчера вечером. Что мне следует прочесть сегодня в прессе, Бантер?

— Коллекция лорда Эрита выставляется на продажу, милорд, об этом колонка в «Морнинг Пост». Я думаю, что вашей светлости стоит посмотреть рецензию на новую

книгу сэра Джулиана Фрэка «Психологические основы совести», это в «Литературном приложении» к «Таймс». Еще, милорд, в «Кроникл» сообщение об очень странной мелкой краже со взломом, а также в «Геральд» — о нападении на благородное семейство. Написано слабо, если можно так выразиться, милорд, но не без некоторого юмора, который может понравиться вашей светлости.

— Хорошо, давайте про нападение и про кражу.

— Я просмотрел и остальные газеты, милорд, — продолжал Бантер, указав на внушительную стопку, — и отметил, что вашей светлости следует прочитать после завтрака.

— О, Бантер не надо портить мне аппетит сейчас! — воскликнул лорд Питер.

На некоторое время воцарилась тишина, прерываемая лишь хрустом поджаренных тостов и шелестом газетных страниц.

— Я вижу, они отложили слушание дела, — заметил спустя минуту Паркер.

— А что еще им оставалось? — сказал лорд Питер. — Но вчера вечером вернулась леди Леви, и сегодня ей предстоит опознать тело. Чего она, разумеется, не сделает и тем самым сильно озадачит старину Сагга.

— А время-то идет, — задумчиво добавил Паркер.

Снова наступило недолгое молчание.

— Нет, Бантер, эта кража со взломом не произвела на меня впечатление, — сказал лорд Питер, перевернув страницу. — Умело, конечно, но без *воображения*. А мне интересно, когда у преступника есть воображение. Где «Мортинг Пост»?

Последовала еще одна короткая пауза, затем лорд Питер продолжил:

— Надо попросить прислать каталог. Бантер, этот «Аполлониос Родиос», похоже, стоит того, чтобы на него взглянуть.

— Прошу прощения, — сказал Паркер, — я, кажется, отвлекся. Смотрите, аргентинские акции немного поднялись!

— Это Миллиган, без сомнения, — ответил лорд Питер.

— А нефтяные падают! Да, Леви понимал в этом толк. Ведь этот маленький бум с перуанскими бумагами, который начался накануне его исчезновения, так и сошел на нет. Не удивлюсь, если Леви и в этом замешан. Вы в курсе дела, Уимзи?

— Боюсь, что не совсем. Расскажите!

— Абсолютно невыгодное предприятие, о котором несколько лет ничего не было слышно. И вдруг на прошлой неделе появились какие-то признаки оживления. Я заметил это лишь потому, что у моей матушки уже давно валялась пара сотен их акций, не приносящих ни пенни дохода. И вот опять все заглохло...

Лорд Питер отодвинул тарелку, закурил первую за утро трубку:

— Теперь можно и поработать. Как ваши вчерашние успехи, Паркер?

— Никак, — ответил Паркер. — Я обошел вверх-вниз все дома и квартиры — и как детектив, и как работник газовой компании, проверяющий счетчики, и как сборщик пожертвований на «Приют потерявшихся собак» — и не нашел практически ничего. Только служанке из квартиры, что ближе к Бридж-роуд, показалось, будто она слышала ночью стук на крыше. На вопрос, какой ночью, она не смогла дать точный ответ. На вопрос, было ли это в понедельник ночью, ответила, что вполне возможно. На вопрос, не случилось ли это в субботу, когда дул сильный ветер, ответила, что не может сказать точно. На вопрос, уверена ли она в том, что стук раздавался с крыши, а не откуда-то из квартиры, сказала, что на следующее утро в квартире нашли

сорвавшуюся с гвоздя картину. Очень полезный свидетель. Повидался я и с вашими знакомыми, мистером и миссис Эпплдор. Они приняли меня прохладно, но не сказали ничего плохого о Типпсах, за исключением того, что старая леди часто проглатывает звук «х» в разговоре, а сам Типпс однажды пришел к ним без приглашения с предложением подписать обращение против вивисекции. Индийский полковник со второго этажа был очень шумным, но на удивление дружелюбным. Он угостил меня индийским карри на ужин и весьма хорошим виски, но сказал, что ведет относительно замкнутую жизнь. Единственное, что он смог с уверенностью сказать, это что он терпеть не может миссис Эпплдор.

— А в квартире Леви что-нибудь нашли?

— Только его личный дневник. Я забрал его с собой, вот, можете взглянуть. Полезной информации мало; записи в основном типа: «Том и Энни приглашены к обеду», «день рождения моей любимой жены, подарил старинное кольцо с опалом», «мистер Арбутнот зашел на чай, хочет жениться на Рэйчел, но я бы предпочел кого-нибудь более уравновешенного для моего сокровища». В принципе можно узнать, кто часто бывал в доме, и тому подобное. Похоже, что Леви делал записи по вечерам, за понедельник ничего нет.

— Думаю, дневник может оказаться полезным, — сказал лорд Питер, перелистывая страницы. — Вот ведь пройдоха! Я теперь уже не слишком уверен, что от него кто-то избавился. — Уимзи рассказал Паркеру о результатах своей работы.

— Подождите-ка, Арбутнот, вы говорите? Не тот ли это Арбутнот, из дневника?

— Думаю, да. Я охотился за ним, поскольку слышал, что он много крутится на бирже. Что до Миллигана, то он производит впечатление вполне порядочного человека, но я уверен, что в делах он жалости не знает, а там по-

всякому может сложиться. Дальше: у него есть рыжий секретарь — считает цифры с быстротой молнии, лицо как у рыбы и такой же голос, не слышал от него ни слова. У Миллигана был очень веский мотив, чтобы вывести Леви из игры на пару дней. Есть и еще один новый персонаж.

— Что за персонаж?

— Это связано с письмом, о котором я вам говорил. Куда же я его сунул? А, вот оно! Прекрасная бумага, с напечатанным адресом адвокатской конторы в Солсбери, с маркой, все как полагается. Написано очень ясно, тонким пером, думаю, немолодым человеком со старомодными привычками.

Паркер взял письмо и начал читать.

«Кримплшэм и Викс, адвокаты.

Милфорд-хилл, Солсбери,

17 ноября 192... г.

Сэр,

ссылаясь на ваше объявление в персональной колонке сегодняшнего выпуска «Таймс», я склонен предположить, что очки и цепочка, о которых идет речь, могут быть теми, что я потерял на станции электрической железной дороги, находясь в Лондоне в прошлый понедельник. Выехав с вокзала Виктория поездом 5.45, я не заметил потери вплоть до прибытия в Бэлхем. Данный факт, а также прилагаемое мною описание очков, сделанное мастером-изготовителем, послужат, надеюсь, безусловной идентификации предмета и доказательством моего *bona fides*¹. Если будет установлено, что очки принадлежат мне, буду весьма обязан вам, если вы любезно вышлите их мне заказной почтой, поскольку цепочка, подаренная мне моей дочерью, весьма дорога для меня.

¹ *Bona fides* (лат.) — честное намерение.

Заранее благодарю за вашу любезность и прошу извинить за доставленное беспокойство.

Весьма искренне ваш,

Т. Кримплшэм.

*Лорду Питеру Уимзи,
110-А, Пиккадилли, W.
(С приложением)».*

— Вот это да, — сказал Паркер. — Это действительно неожиданность.

— А может, это крупное недоразумение, — заметил лорд Питер, — или мистер Кримплшэм — хитрый и дерзкий негодяй. Есть, конечно, вероятность того, что это не *те* очки, тогда все остальное — ерунда. *Наши* очки, полагаю, находятся в Скотленд-Ярде. Я хотел, чтобы вы, Паркер, позвонили им и попросили прислать описание очков. Спросите, кстати, обычные ли это очки или в них есть что-то особенное.

— Хорошая мысль, — согласился Паркер и снял трубку телефона.

Когда разговор был закончен, они прошли в библиотеку.

Лорд Питер разложил на столе несколько отпечатков фотографий — часть сухих, часть еще влажных, часть только-только промытых.

— Вот эти маленькие — оригиналы фотографий, а большие — увеличение маленьких в одном и том же масштабе. Вот отпечаток ноги на линолеуме. Отпечатки пальцев можно разделить на пять групп. Я пронумеровал их — видите? — и составил список: «а» — отпечатки пальцев самого Леви, с книжки на тумбочке и со щетки для волос — видите этот характерный шрам на большом пальце? «б» — смазанные отпечатки, сделанные рукой в перчатке человеком, который лежал в кровати Леви ночью в понедельник. Они четко видны на грелке и на ботинках — поверх отпечатков Леви. Особенно хорошо

они были заметны на ботинках, что необычно для руки в перчатке: я сделал вывод, что перчатка — резиновая и незадолго до того побывала в воде.

И еще один интересный момент. Как мы знаем, той ночью Леви попал под дождь. Темные пятна — не что иное, как брызги грязи. Вы видите, что они везде расположены *поверх* отпечатков пальцев Леви. А теперь взгляните сюда: на левом ботинке мы видим отпечаток большого пальца незнакомца *поверх* пятна грязи над каблуком. Очень странное место на ботинке для большого пальца, вам не кажется? Если, конечно, человек сам снимает ботинки. Но это то самое место, где останется отпечаток, если ботинок с ноги снимает кто-то *другой*. Большинство отпечатков незнакомца находится *поверх* пятен грязи, но одно пятнышко оказалось *поверх* отпечатка, что позволяет предположить, что незнакомец вернулся на Парк-Лэйн обутый в ботинки Леви, ехал он в такси либо на извозчике и где-то сделал несколько шагов по мостовой или тротуару и наступил в лужу, откуда осталось несколько пятен на ботинках. Что скажете, Паркер?

— Очень неплохо, хотя и немного запутанно. Да и сами отпечатки... хотелось бы иметь получше.

— Я бы не стал делать такой упор на отпечатки, но все остальное хорошо совпадает с нашими прежними версиями. Позвольте перейти к группе «с» — отпечатки, любезно оставленные моим злодеем на дальнем краю ванны мистера Типпса, где вы их обнаружили, а я — нет (и очень терзаюсь по этому поводу). Это отпечаток левой руки — основание ладони и пальцы, но не их кончики. Выглядит так, как будто человек опирался на край ванны, нагнувшись и делая что-то в глубине — может быть, прилаживая пенсне? Рука в перчатке, но нет следов каких-либо швов, следовательно, перчатка резиновая. Далее: «d» и «e» — отпечатки с моей визитной карточки. Правда, на уголке есть еще отпечаток «f»,

но им можно пренебречь: это отпечаток большого пальца того малого, что взял у меня карточку и отнес в кабинет мистера Миллигана. Перед этим он тем же пальцем вынул изо рта жевательную резинку, поэтому карточка в этом месте немного липкая. «d» и «e» — отпечатки больших пальцев мистера Миллигана и его секретаря, не могу с уверенностью сказать где чей, но это не столь существенно. А саму карточку я стащил со стола, когда уходил. Теперь вы, Паркер, видите, чем мы с Бантером занимались почти до утра? Я пытался найти ответы на два простых вопроса: 1) идентичны ли отпечатки «с» и «b»? 2) идентичны ли «d» или «e» с «b»? Что вы можете сказать?

Паркер покачал головой.

— Думаю, что «e» можно исключить, — сказал он, — потому что это очень длинный и тонкий палец. Но вот «b» на грелке и «с» на ванной кажутся мне очень похожими. Я не вижу причин, почему «d» не может оказаться тем же «b», хотя точно установить сходство затруднительно.

— Ваши умозаключения, Паркер, и мои измерения привели нас к одинаковым выводам, правда, «выводами» их можно назвать с большой натяжкой, — с горечью заметил лорд Питер.

— Меня вот что еще интересует, — продолжал Паркер. — С чего вдруг мы пытаемся связать отпечатки «b» и «с»? То, что мы с вами друзья, совсем не обязательно подразумевает, что два наших дела как-то связаны одно с другим. Что между ними общего? Единственный, кто в это верит, — Сагг, но и у него нет ничего конкретного. Будь у нас хоть какое-нибудь подтверждение того, что человек в ванне — Леви, тогда дело другое. Но мы твердо знаем, что это *не* Леви. Согласитесь, нелепо предполагать, что один и тот же человек мог совершить два столь различных преступления в одну ночь — одно в Баттерси, а другое на Парк-Лэйн.

— Знаю, — сказал лорд Питер. — Но мы не должны забывать, что Леви был-таки в Баттерси, а поскольку нам известно, что он не возвращался домой в полночь, то у нас нет оснований полагать, что он вообще покидал Баттерси.

— Верно. Но в Баттерси есть и другие места, кроме ванной Типпса. И он не был в этой ванной. А если подумать еще, то эта ванная — единственное место на земле, про которое мы можем с уверенностью сказать, что *его там не было*. Но как тогда ванная Типпса связана с остальным?

— Не знаю, — ответил лорд Питер. — Стало быть, сегодня нам нужно найти что-то подходящее.

Он откинулся в кресле и некоторое время просматривал газеты, в которых Бантер сделал для него пометки.

— Слава богу, — сказал он через минуту, — что Саг так ненавидит меня, иначе мое имя тоже было бы среди всей этой белиберды. Вы только послушайте, что пишут в колонке частных объявлений: «Милый Зайчик, вернись скорее к своей Куколке — я схожу с ума!» «Обыкновенный молодой человек, нуждающийся в финансовой поддержке...». А вот наконец-то звонок. Нам весточка из Скотленд-Ярда.

В пакете находилось заключение специалиста-оптика, почти слово в слово повторяющее то, которое прислал мистер Кримплшэм. Особо подчеркивалось, что очки — необычные, принимая во внимание очень сильные линзы и заметную разницу между правым и левым глазом.

— Ну и то хорошо, — сказал Паркер.

— Да, — согласился лорд Питер. — Версию номер 3 можно отбросить. Остается версия номер 1 — несчастный случай или недоразумение, и версия номер 2 — умышленное злодейство, наглое и расчетливое, совершенное тем (или теми), кого мы пытаемся найти. Следуя

методу, которому меня научили в моем славном университете, мы пристально рассмотрим самые разные варианты, предлагаемые нам версией номер 2, которая, в свою очередь, может включать две и более гипотезы.

По гипотезе номер 1 (которую ревностно защищал мой достопочтимый коллега профессор Снапшед), преступник, обозначим его «Х», не является мистером Кримплшэмом, но использует его имя в качестве прикрытия. Эта гипотеза также предполагает два варианта. Вариант А: Кримплшэм — невинный соучастник «поневоле», а Х — его работник. Х пишет от имени Кримплшэма на его официальной бумаге и добивается того, что *объект*, то есть очки, присылают на адрес Кримплшэма. Х благодаря своему служебному положению имеет возможность перехватить любую посылку, прежде чем она дойдет до адресата. Предполагается, что Х может быть приходящей прислугой, рассыльным, клерком, секретарем, швейцаром или уборщиком, что значительно расширяет сферу расследования. Метод, с помощью которого следует прояснить ситуацию: расспросить Кримплшэма, узнать, сам ли он послал это письмо, и если нет, то кто имеет еще доступ к его корреспонденции. Вариант В: Кримплшэм находится в зависимости от Х или под его влиянием; его заставили написать письмо с помощью (а) шантажа, (b) умышленного обмана или (с) угрозы. В этом случае Х может быть родственником или знакомым Кримплшэма, а также его кредитором, шантажистом или наемным убийцей; тогда Кримплшэм оказывается либо жертвой обстоятельств, либо продажной скотиной. Метод: опять же расспросить Кримплшэма (хотя здесь я не вполне уверен в результате), выложить перед ним все факты и в самых суровых выражениях заверить его в том, что он может получить достаточно большой срок каторжных работ, как сообщник в убийстве.

А теперь, если джентльмены любезно следили за моей мыслью, позвольте перейти к рассмотрению гипотезы

номер 2, к которой я лично больше склоняюсь, и в соответствии с которой Х идентичен Кримплшэму. В этом случае Кримплшэм, человек весьма предусмотрительный и не испытывающий недостатка в средствах, сделал логичное заключение о том, что мы вряд ли предполагаем, что на наше объявление в газете откликнется сам преступник. Соответственно, он начал блефовать. Он придумал правдоподобную ситуацию, когда очки могли быть потеряны или украдены, и написал нам. И никто не удивился бы более искренне, чем он, узнав о том, где очки были найдены. Обязательно нашлись бы свидетели, которые показали, что он выехал с вокзала Виктория поездом в 5.45 и прибыл в Белхэм точно по расписанию, а весь вечер и ночь понедельника провел за игрой в шахматы с известным и уважаемым в Белхэме джентльменом. Метод расследования может быть таким: найти и допросить этого уважаемого джентльмена, и если окажется, что это одинокий старик, живущий с глухой эконожкой, то опровергнуть алиби будет непросто, поскольку лишь в детективных рассказах контролеры в поезде и кондукторы в автобусе могут вспомнить внешность всех пассажиров, следовавших от Лондона до Белхэма в данной конкретный вечер.

Наконец, джентльмены, я считаю своим долгом указать на слабое место всех этих гипотез, а именно: ни одна не предлагает хоть какого-либо объяснения того, *почему* данный предмет, то есть очки, был приложен, так сказать, к телу подобным образом.

Мистер Паркер выслушал эту лекцию с достойным похвалы терпением.

— А не может оказаться так, — спросил он, — что Х — враг Кримплшэма, решивший направить подозрение на него?

— Может, — ответил лорд Питер. — Тогда его будет легко обнаружить, поскольку он, вполне очевидно, находится где-то рядом с Кримплшэмом и его очками; в

этом случае Кримплшэм, опасаящийся за свою жизнь, становится важным свидетелем обвинения.

— А как насчет самой первой версии — несчастного случая или недоразумения?

— Как предмет для дискуссии эта версия ничего собой не представляет — у нас просто нет фактов, говорящих в ее пользу.

— Так или иначе, но нам предстоит поездка в Солсбери, — заключил Паркер.

— Похоже на то, — согласился лорд Питер.

— А кто поедет? Вы? Я? Или вместе?

— Я, — ответил лорд Питер, — и по двум причинам. Первая: потому что если Кримплшэм (версия 2, гипотеза 1, вариант А) слепое орудие преступника, то очки должен вручить тот, кто давал объявление в газету. Вторая: потому что если мы принимаем гипотезу 2, то нельзя упустить из виду опасность того, что Кримплшэм, он же Х, подготовит ловушку, чтобы избавиться от подателя объявления, столь неосмотрительно проявившего интерес к разгадке тайны в Баттерси.

— Мне это кажется достаточным основанием, для того чтобы поехать с вами, — сказал Паркер.

— Ни в коем случае! — возразил лорд Питер. — Разве можно отдать в руки Кримплшэму-Х единственных людей в Лондоне, располагающих вещественным доказательством, которое связывает этого Х с телом в Баттерси?

— Но если мы все-таки сообщим в Скотленд-Ярд о том, куда мы поехали, а нас обоих вдруг схватят, — высказал предположение Паркер, — тогда конечно появится очень серьезное, хотя и косвенное, свидетельство виновности Кримплшэма. Если его не повесят за убийство того, в ванной, то, как минимум, повесят за убийство нас.

— Вы сможете его повесить и за убийство одного меня, — оптимистично заметил лорд Питер. — Зачем рис-

ковать жизнью здорового молодого мужчины вроде вас? И потом, как насчет старого Леви? Если вас лишат, так сказать, дееспособности, то кто еще займется его поисками?

— Но можно пригрозить Кримплшэму Скотленд-Ярдом, — сказал Паркер.

— Ну, если дело обернется таким образом, то я смогу пригрозить ему *вами*, а это может оказаться более действенным, учитывая имеющиеся у вас доказательства. Если предположить, что все окажется напрасной затеей, то вы по крайней мере не будете терять времени зря и сможете заниматься делом. Кое-что осталось еще незавершенным.

— По-моему, мне все же следует поехать с вами, — настаивал Паркер.

— Вздор! — упорствовал лорд Питер. — Я уполномочен старой миссис Типпс заниматься этим делом и позволяю вам принимать в нем участие исключительно из вежливости и хорошего отношения.

Мистер Паркер тяжело вздохнул:

— Но хотя бы Бантера вы с собой возьмете?

— Из уважения к вашим чувствам я возьму Бантера, хотя было бы гораздо больше пользы, если бы он занялся своими фотографиями или перебрал мой гардероб. Бантер, посмотри, есть подходящий поезд до Солсбери?

— Очень удобный поезд в 10.50, милорд.

— Будьте любезны, соберите все, что нужно. Мы поедem этим поездом, — сказал лорд Питер, сбрасывая халат и направляясь в спальню. — А вы, Паркер, если у вас нет более важных дел, можете попробовать разыскать секретаря Леви и разобраться с перуанскими нефтяными делами.

* * *

Лорд Питер взял с собой дневник сэра Рубена Леви в качестве легкого чтения в дороге. Это был простой, а в

свете последних событий — даже трогательный документ. Несгибаемый боец на бирже, который способен был одним лишь кивком головы заставить медведя плясать, а быка¹ — есть с ладони, чье дыхание могло опустошить целый регион, а финансовых воротил — просто слнуть с их кресел, в частной жизни был тихим и спокойным, доверчивым и великодушным, гордым за свою семью. Записи о его личных, весьма скромных расходах соседствовали с крупными суммами, потраченными на экстравагантные подарки жене и дочери. Педантично отмечались разные мелкие события домашней жизни, например: «Приходил человек починить крышу оранжереи» или «Поступил на службу новый дворецкий (Симпсон) по рекомендации Гольдбергов. Надеюсь, подойдет». Регистрировались все визитеры, а также приемы, будь то пышный ланч с лордом Дьюсбери из Министерства иностранных дел и доктором Джейбзом Уортом, американским послом, или вечеринка в тесном семейном кругу с людьми, упомянутыми лишь по именам или даже прозвищам. В мае появилась первая запись о расстроенных нервах леди Леви, повторявшаяся затем в последующие месяцы. В сентябре запись гласила, что «Фрэк навелstil мою дорогую жену и порекомендовал полный отдых и смену обстановки. Она думает отправиться с Рэйчел за границу». Имя известного невропатолога встречалось примерно раз в месяц в сочетании со словами «ланч» или «обед», и лорд Питер подумал, что Фрэк может дать консультацию о личности самого Леви.

— Люди часто рассказывают доктору много чего *такого*, — пробормотал он. — А если Леви вдруг решил встретиться с Фрэком в тот вечер понедельника? Это вполне может пролить свет на загадку в Баттерси! — Сэр Питер сделал пометку, чтобы не забыть повидаться с док-

¹ Бык — игрок на бирже, играющий на повышении курса.

тором, и продолжил чтение. 18 сентября, если верить записи, леди Леви с дочерью убыли на юг Франции. А на странице, помеченной 5 октября, лорд Питер вдруг увидел то, что искал: «Гольдберг, Скринер и Миллиган приходили на обед».

Это свидетельствовало о том, что Миллиган по меньшей мере однажды был в доме Леви. Обед, по-видимому, носил чисто формальный характер — вроде того, как дуэлянты пожимают друг другу руки перед схваткой. Скринер — известный торговец живописью, и лорд Питер мысленно представил себе послеобеденную экскурсию на второй этаж, где в гостиной висели два пейзажа Коро, а в спальне — портрет старшей дочери Леви работы Аугустуса Джона (она умерла в возрасте шестнадцати лет). Имя рыжеволосого секретаря нигде не упоминалось, правда, одна запись содержала только букву «С», но она могла означать кого угодно. В сентябре — октябре в доме часто бывал Андерсон (из компании «Виндхэм»).

Просмотрев дневник, лорд Питер снова стал размышлять о таинственном происшествии в Баттерси. В деле Леви было достаточно просто усмотреть какой-либо мотив для преступления (если таковое действительно имело место). Трудность заключалась в том, чтобы определить, *как* оно было совершено и где находится жертва. Главным препятствием в расследовании другого дела было полное отсутствие даже предполагаемого мотива. Очень странно, но, несмотря на то что газеты практически всей страны сообщили об этом происшествии, а описание жертвы имелось в каждом полицейском участке, никто не вызвался опознать таинственного посетителя ванной мистера Типпса. Конечно, описание, в котором упоминались гладко выбритый подбородок, элегантная стрижка и пенсне, мало соответствовало прижизненному облику жертвы, но, с другой стороны, полиция установила

количество отсутствующих зубов, рост, комплекцию и предполагаемое время смерти несчастного. Тем не менее получалось, что человек просто выпал из общества, не оставив после себя никакого следа. Искать мотив убийства, когда у жертвы нет связей, прошлого и даже одежды, — все равно что пытаться представить себе четвертое измерение: увлекательное занятие для тренировки воображения, трудное, а главное — непродуктивное. Предположим, продолжал рассуждать лорд Питер, удастся найти темные пятна в прошлом или настоящем мистера Кримплшэма. Но как связать их с личностью, у которой нет прошлого, а настоящее которой ограничено пределами ванной комнаты и полицейского морга?

— Бантер, — сказал лорд Питер, — прошу вас впредь удерживать меня от попыток гнаться за двумя зайцами сразу. Нынешние два дела начинают неблагоприятно действовать на мой организм: один заяц прибежал ниоткуда, другой — делся неизвестно куда. Это становится похожим на белую горячку, Бантер. Когда все это закончится, я вообще перестану читать полицейскую хронику и займусь поэзией. Лучше — прошлого века.

Прежде чем отправиться к Кримплшэму, лорд Питер решил перекусить — было как раз время ланча. Однако сам ланч не оказал бодрящего действия на его настроение: как и во многих других небольших городках с кафедральным собором, церковная атмосфера проникла во все закоулки, включая гостиницы и пабы, и поэтому даже еда, казалось, пахнет старым молитвенником. Проглотив с грустью невзрачную бледную массу, называемую англичанами просто «сыр» (поскольку есть сыры, известные под именем собственным — камамбер, стилтон, груйер, горгонзола и другие, а просто «сыр» — везде одно и то же), лорд Питер спросил официанта, где находится контора мистера Кримплшэма.

Официант указал на дом немного дальше по улице, на другой стороне, и добавил:

— Вам любой подскажет, сэр, ведь мистера Кримплшэма здесь все хорошо знают.

— Я слышал, он хороший адвокат, — заметил лорд Питер.

— Да, сэр, на мистера Кримплшэма вполне можно положиться. Многие говорят, что он старомоден, но я лично предпочел бы, чтобы моим маленьким делом занимался именно мистер Кримплшэм, а не кто-нибудь другой, пусть молодой и шустрый. Пожалуй, только мистер Викс сможет хорошо вести дела, когда мистер Кримплшэм уйдет на покой — ему ведь уже около восьмидесяти! — а мистер Викс, человек хотя и молодой, но очень *уравновешенный*.

— Неужели мистеру Кримплшэму столько лет? — удивился лорд Питер. — Ведь он такой деловой и легкий на подъем. Один мой приятель имел с ним дело в Лондоне на той неделе.

— Да, сэр, он поразительно живой, — ответил официант, — вы не поверите, но у него одна нога даже слегка парализована. Я думаю, сэр, когда человек перейдет какую-то границу, то чем старше он становится, тем крепче. И даже некоторые женщины, сэр, вы понимаете, что я имею в виду?

— Совершенно с вами согласен, — сказал лорд Питер, представив себе на мгновение восьмидесятилетнего хромомго джентльмена, который тащит мертвеца по крыше дома в Баттерси. — *«Он крепок, сэр, как старый добрый Багсток, он крепок, сэр, и дьявольски хитер»*, — проговорил лорд Питер задумчиво.

— В самом деле, сэр? — переспросил официант. — Боюсь, не могу сказать с уверенностью.

— Прошу прощения, это я вспомнил одно старое стихотворение. С детских лет застряла в голове всякая ерунда, глупо, правда?

— Ну что вы, сэр, вовсе нет! — ответил официант, пряча в карман щедрые чаевые. — Большое спасибо, сэр! Вы очень легко сможете найти дом, тут совсем недалеко!

— Боюсь, что версия «Кримплшэм есть Х» рассыпается, — проговорил лорд Питер, выходя на улицу. — Жаль, я уже нарисовал себе такую зловещую фигуру. Но пока оставим допущение, что он — мозг преступной шайки, старый паук, затаившийся в центре дрожащей паутины, понимаете, Бантер?

— Да, милорд, — ответил шагавший рядом Бантер.

— Кажется, мы пришли, — сказал лорд Питер, оглядывая дом с вывеской. — Полагаю, вам, Бантер, следует зайти в ту лавочку напротив и купить какую-нибудь спортивную газету. Если я не выйду из логова злодея через, скажем, три четверти часа, вы вправе предпринять все шаги, которые подскажет ваша проницательность.

После этих наставлений Бантер быстро повернул к входу в лавку, а лорд Питер поднялся по ступеням и решительно надавил на кнопку звонка адвокатской конторы.

— Попробуем добыть здесь *«правду, только правду и ничего кроме правды»*, — пробормотал он. Дверь открылась, и появившемуся на пороге клерку твердой рукой была вручена визитная карточка. Лорда Питера немедленно препроводили в вызывавший ощущение конфиденциальности кабинет, обставленный, по-видимому, еще в начале правления королевы Виктории¹ и с тех времен не менявшийся. Худой старик бодро поднялся из кресла и, прихрамывая, двинулся навстречу лорду Питеру.

— Дорогой сэр, — воскликнул адвокат, — чрезвычайно любезно с вашей стороны лично приехать сюда!

¹ Виктория — королева Великобритании с 1837 по 1901 г.

Поверьте, мне очень неловко доставлять вам столько беспокойства. Надеюсь, вы просто ехали мимо, и мои очки не стали причиной каких-либо неудобств? Садитесь, лорд Питер, прошу вас, садитесь! — Старик благодарно взирал на него сквозь пенсне, как две капли воды похожее на то, что лежало в данный момент в Скотленд-Ярде.

Лорд Питер сел, сел и адвокат. Лорд Питер взял со стола тонкий легкий стакан, задумчиво повертел его в руках и поставил на середину невысокой стопки бумаг и писем, отметив подсознательно, какие замечательные отпечатки пальцев он на нем оставил.

— Совершенно верно, — сказал он, — я здесь проездом, по делам, и очень рад, что смог оказаться вам полезным. Весьма неловко бывает, когда теряешь очки, не правда ли, мистер Кримплшэм?

— О да! Уверяю вас, я чувствовал себя страшно неудобно. Хорошо, что у меня есть вот эта, вторая пара, но они хуже сидят на носу, и потом цепочка — очень дорогая для меня вещь — воспоминания, знаете ли... Я ужасно расстроился, когда, вернувшись в Белхэм, обнаружил потерю. Я навел справки на железной дороге, но безрезультатно, и подумал, что очки у меня просто-напросто украли: на вокзале Виктория была такая толпа, знаете ли, и в вагоне было очень много народу... Вы нашли мои очки в поезде, не так ли?

— Боюсь, что нет, — ответил лорд Питер. — Я нашел их в довольно неожиданном месте. Скажите, вам не встретился в том поезде кто-то знакомый?

Адвокат удивленно посмотрел на лорда Питера:

— Нет, я никого не видел. А почему вы меня об этом спросили?

— Понимаете, — лорд Питер как будто подбирал слова, — я подумал, что... э... человек, у которого были найдены очки, мог взять их ради шутки.

Адвокат выглядел озадаченным.

— Шутка? — переспросил он. — Этот человек утверждает, что знаком со мной? Я практически никого не знаю в Лондоне, кроме одного друга, с которым встречался в Белхэме. Это доктор Филпотс, и я был бы *очень* удивлен, обнаружив, что он способен на такую шутку. Он хорошо знает, как я был опечален потерей очков. В тот день я присутствовал на собрании акционеров Медликотт-банка, но ни с кем из этих джентльменов я не был знаком лично и не могу себе представить, что кто-нибудь из них мог сделать что-то подобное. Но в любом случае, — добавил он, — поскольку очки здесь, я не намерен интересоваться, каким образом они нашли, так сказать, дорогу домой.

Лорд Питер колебался.

— Прошу прощения, — сказал он, — если покажусь вам излишне любопытным. Это звучит, боюсь, довольно странно, но скажите, нет ли у вас врагов? Я имею в виду, мог ли кто-то выиграть от вашей... э... кончины или, скажем, позора?

Мистер Кримплшэм застыл от удивления.

— Могу я поинтересоваться в чем смысл этого в высшей степени необычного вопроса? — сухо спросил он.

— Видите ли, данные обстоятельства действительно несколько необычны. Если вы помните, мое объявление в газете было адресовано ювелиру, продавшему цепочку.

— Да, — согласился Кримплшэм, — и это меня удивило. Но теперь мне начинает казаться, что ваше объявление и ваше нынешнее поведение связаны между собой.

— Так оно и есть на самом деле, — ответил лорд Питер. — Я, собственно, не ожидал, что на объявление откликнется владелец очков. Вы, мистер Кримплшэм, несомненно, читали в газетах о загадочном происшествии в Баттерси. Именно ваше пенсне было обна-

ружено на теле, и сейчас оно находится в распоряжении полиции, в Скотленд-Ярде. — Лорд Питер положил перед адвокатом официальную бумагу и описание очков.

— Господи боже! — воскликнул адвокат, быстро прочитал все бумаги и пристально посмотрел на лорда Питера.

— Вы связаны с полицией? — спросил он.

— Официально — нет, — ответил Уимзи. — Я расследую дело частным порядком, в интересах одной из сторон.

Кримплшэм поднялся с кресла.

— Милостивый государь, — сказал он, — ваша попытка дерзка и неуместна; шантаж является правонарушением, преследуемым по закону, и я советую вам покинуть мой кабинет, пока вы еще не совершили его! — С этими словами мистер Кримплшэм позвонил в колокольчик.

— Я опасался, мистер Кримплшэм, что вы именно так воспримете создавшуюся ситуацию. Кажется, в самом деле было бы гораздо лучше поручить эту миссию моему другу детективу Паркеру. — Лорд Питер положил визитную карточку Паркера на стол и добавил: — Если вам будет угодно увидеть меня до завтрашнего утра, мистер Кримплшэм, вы наверняка найдете меня в отеле «Минстер».

Кримплшэм посчитал ниже своего достоинства отвечать на эти слова и лишь велел вошедшему клерку «проводить этого человека к выходу».

На выходе из конторы лорд Питер столкнулся с высоким молодым джентльменом, удивленно взглянувшим на него и, похоже, не поверившим в то, что увидел. Лорду Питеру, однако, его лицо не показалось знакомым, и, забрав Бантера из газетной лавочки, он спешно направился в отель, чтобы заказать телефонный разговор с Паркером.

В это же время в адвокатской конторе размышления негодующего мистера Кримплшэма были неожиданно прерваны вошедшим в кабинет младшим партнером.

— Ну что, — спросил он, — на этот раз случилось что-то действительно плохое? Что привело этого уважаемого любителя преступлений на наш скромный порог?

— Я чуть не стал жертвой грубой попытки шантажа, — ответил старый адвокат. — Некто, пытавшийся выдать себя за лорда Питера Уимзи...

— Но ведь это и был *сам* лорд Питер Уимзи, — подтвердил мистер Викс, — я не мог ошибиться. Я присутствовал на заседании суда, когда он давал показания по делу изумрудов Аттенбери. Он крупный специалист в таких делах, хотя и любитель. А на рыбалку он ездит с шепом Скотленд-Ярда.

— О господи! — только и мог воскликнуть мистер Кримплшэм.

В этот день судьбе было угодно подвергнуть нервы мистера Кримплшэма еще одному испытанию. Когда в сопровождении мистера Викса он прибыл в отель «Минстер», портье сообщил, что лорд Питер Уимзи вышел прогуляться, упомянув, что собирается послушать вечерню в соборе.

— Но его слуга находится здесь, в отеле, — добавил портье, — так что если вам будет угодно передать сообщение...

Мистер Викс посчитал необходимым передать сообщение. Бантера они нашли в номере и у телефона в ожидании звонка. В тот момент, когда мистер Викс раскрыл рот, телефон зазвонил, и Бантер, извинившись, снял трубку.

— Алло! — сказал он, — это мистер Паркер? Нет? Спасибо! Коммутатор, соедините меня со Скотленд-Ярдом, пожалуйста. — Прошу прощения, джентльмены, что заставляю вас ждать. — Алло! Это Скотленд-Ярд? Могу я

поговорить с инспектором Паркером? Это займет буквально один момент, джентльмены! Алло, это вы, мистер Паркер? Лорд Питер просил передать, что будет чрезвычайно признателен, если вы посчитаете удобным прибыть в Солсбери, сэр. О нет, сэр, он совершенно здоров, он вышел послушать вечерню в соборе, сэр. Я думаю, что завтра утром вполне устроит. Благодарю вас, сэр!

ГЛАВА 6

На самом деле Паркеру было неудобно уезжать из Лондона. Во-первых, ему нужно было до полудня пови-
дать леди Леви, а потом вообще все планы резко поменя-
лись — после того, как он узнал, что отложенное дозна-
ние по «факту обнаружения неизвестного тела в
квартире» мистера Типпса должно состояться после обе-
да. Во-вторых, ожидать чего-либо существенного от рас-
следования инспектора Сагга не приходилось. Свидетели
и присяжные были оповещены, что слушания начнутся в
три часа. Паркер мог вообще пропустить это событие, ес-
ли бы не встретил утром Сагга и не вытянул из него ин-
формацию. Сагг, разумеется, считал, что Паркер вмеша-
ется не в свое дело; более того, он в приятельских
отношениях с лордом Питером Уимзи, а отношение ин-
спектора Сагга к вмешательству лорда Питера немыслимо
описать словами. Однако, отвечая на прямой вопрос,
Сагг не мог скрыть, что слушание состоится именно в три
часа, и не мог лишить Паркера удовольствия воспользо-
ваться неотъемлемым правом любого заинтересованного
британца присутствовать на слушании. Таким образом,
незадолго до трех часов Паркер уже был на месте и с ин-
тересом наблюдал за попытками припозднившейся пуб-
лики проникнуть в зал и с помощью хитрости или силы
занять место получше.

Коронер — человек с педантичными манерами и
строгим выражением лица — прибыл вовремя и, обведя
собравшихся не слишком дружелюбным взглядом, велел

открыть окна, позволив влажному туману опуститься на головы несчастных, сидевших вдоль выходящей на улицу стены. Это вызвало некоторое беспокойство и неодобрительные реплики, тут же, впрочем, решительно подавленные коронером, который сказал, что по причине новой волны инфлюэнцы непроветриваемое помещение представляет собой большую опасность, что любой возражающий против открытия окон волен покинуть зал, а если будет нарушаться порядок, то он велит очистить помещение.

Затем коронер проглотил таблетку от кашля и после обычного вступления призвал четырнадцать добропорядочных и законопослушных граждан принести присягу, прилежно рассмотреть все факты и заявления, которые будут представлены по делу, касающемуся смерти джентльмена в пенсне, вынести законный вердикт на основании свидетельств и да поможет им Бог. Робкое замечание одного из членов жюри присяжных — дамы в возрасте, в очках, владелицы кондитерской, пожелавшей вернуться к своим более привычным обязанностям — было без долгих рассуждений отвергнуто, после чего жюри отправилось осматривать тело.

Мистер Паркер осмотрелся и заметил, как в соседнюю комнату в сопровождении полиции вошли бедный мистер Типпс и бледная Глэдис. Вскоре в зал вошла сухонькая старушка в капоре и накидке, а за ней, в меховом пальто и замысловатой *автомобильной* шляпке, герцогиня Довагер Денверская. Она быстрым движением темных глаз оглядела зал, тут же заметила Паркера, бывавшего несколько раз в ее доме, кивнула ему и заговорила с оказавшимся рядом полисменом. Сразу, как по волшебству, образовался проход, и в следующий момент мистер Паркер уже сидел рядом с герцогиней. Та приветствовала его очаровательной улыбкой и спросила:

— А что случилось с Питером?

Паркер начал объяснять, коронер бросил в их сторону раздраженный взгляд, но тут к нему подошел помощник и начал что-то шептать на ухо, после чего коронер отвел взгляд, откашлялся и проглотил еще одну таблетку.

— Мы приехали на *авто*, — сказала герцогиня, — и ужасно устали, в Денвере такие плохие дороги. Ко мне на ланч должны были быть гости, но пришлось отменить приглашение, не могла же я отпустить старую леди одну, правда? Да, вы знаете, какая странная вещь произошла? Фонд реставрации церкви, то есть викарий... О смотрите, они возвращаются, я расскажу вам потом... Вы только взгляните на эту женщину — она просто в шоке! А девушка, ну та, которая в твидовом пальто, пытается выглядеть так, как будто каждый день видит раздетых джентльменов, нет, я, конечно, имею в виду *тела*, мертвые тела. Какой неприятный тип этот коронер, вы не находите? Как он на меня посмотрел! Как вы думаете, он может вывести меня отсюда или привлечь за что-то там к суду?

Первая часть свидетельских показаний не представляла для Паркера большого интереса. Несчастный мистер Типпс, который вдобавок простудился в тюрьме, хриплым голосом засвидетельствовал, что обнаружил тело в ванной, когда вошел туда утром, около восьми часов. Он был так потрясен, что вынужден был присесть и послать служанку за бренди. Раньше он никогда не видел *потерпевшего* и понятия не имеет, как он там появился. Да, предыдущий день он провел в Манчестере. Да, он прибыл на вокзал Сент-Панкрас в десять часов и сдал свой саквояж в камеру хранения. Говоря об этом, Типпс покраснел, смущенно обвел глазами зал и потупился.

— А теперь, мистер Типпс, — сказал коронер, оживившись, — мы хотели бы точно знать ваши дальнейшие действия. Вы должны понимать важность этого. Вы согласились дать показания, хотя по закону могли и отказаться, и теперь вам лучше быть предельно откровенным.

— Да, — еле слышно ответил Типпс.

— Вы предупредили свидетеля, инспектор? — строго спросил коронер Сагга.

Инспектор подтвердил, что сказал мистеру Типпсу, что «все, что он скажет, может быть использовано против него в суде». Услышав это, Типпс побледнел и проблеял, что он «не хо... не хотел сделать ни-ничего плохого».

Это вызвало некоторое волнение в зале, и коронер спросил еще более строгим тоном:

— Кто-нибудь представляет мистера Типпса? Нет? Разве вы не объяснили свидетелю, что он может — что он *должен* — иметь представителя? Нет, инспектор? Вы знаете, мистер Типпс, о том, что у вас есть право на законного представителя? — Мистер Типпс схватился за спинку стула и еле слышным голосом выдохнул «нет». — Невероятно, сказал коронер, — что так называемые образованные люди могут быть столь несведущими в законах своей страны. Это ставит нас в затруднительное положение. Я сомневаюсь, инспектор, что вообще могу позволить мистеру Типпсу давать показания. Очень деликатная ситуация!

На лбу мистера Типпса выступили бисеринки пота.

— Боже, избави нас от друзей, — прошептала герцогиня на ухо мистеру Паркеру. — Если это чудовище, глотающее таблетки, захотело бы дать прямое указание присяжным — вы только посмотрите на их лица! — обвинить бедного коротышку в умышленном убийстве, вряд ли это можно было сделать яснее.

— Он не может позволить Типпсу свидетельствовать против себя, — объяснил Паркер.

— Чушь! — сказала герцогиня. — Как может человек дать показания *против* себя, если он не сделал в своей жизни ничего предосудительного? У вас, мужчин, какая-то странная логика!

Между тем мистер Типпс, вытерев лоб платком, сумел справиться с волнением. Он выпрямился, пытаясь

выглядеть достойно, но это походило на достоинство кролика, загнанного в угол.

— Я, пожалуй, скажу вам все, хотя это очень неприятно для человека в моем положении, — начал он. Но я не могу ни на мгновение допустить, чтобы обо мне думали как о преступнике. Я этого не вынесу, джентльмены. Нет, я расскажу вам правду, хотя она, боюсь, поставит меня... в общем, я расскажу.

— Вы полностью осознаете серьезность подобного заявления, мистер Типпс? — спросил коронер.

— Вполне, — ответил тот. — Я... я могу выпить глоток воды?

— Сделайте одолжение. — Коронер нетерпеливо взглянул на часы, вероятно, намекая тем самым, что с «одолжением» следует поторопиться.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Типпс. — Значит, так. Это правда, что я приехал на Сент-Панкрас в десять вечера. Но в вагоне вместе со мной был один человек, он вошел в Лейстере. Сначала я не узнал его, но потом оказалось, что это мой старинный школьный приятель.

— Как зовут этого джентльмена? — спросил коронер, подняв карандаш.

Мистер Типпс вздрогнул и съежился.

— Боюсь, что не могу назвать вам его имени. Видите ли, это поставит его в очень трудное положение, чего я не могу допустить. Нет, в самом деле не могу, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Нет! — добавил он, когда зловещий смысл фразы дошел до него. — Уверен, что не смог бы.

— Ну-ну, — произнес коронер.

Герцогиня снова наклонилась к Паркеру и взволнованно прошептала:

— Я начинаю восхищаться этим маленьким человеком!

— Когда мы приехали на вокзал, — продолжал мистер Типпс, — я собирался направиться домой, но прия-

тель отговорил меня. Мы не виделись столько лет и просто обязаны отметить нашу встречу, «хорошо кутнуть», как он выразился. Я, наверное, проявил слабость и позволил ему убедить меня заглянуть с ним в «одно местечко». Я намеренно употребляю эти слова, сэр, — сказал Типпс, — потому как если бы я знал, что имеется в виду, и близко бы не подошел к этому месту.

— Я сдал багаж в камеру хранения, потому как мой приятель сказал, что он будет нас стеснять, мы взяли такси и поехали на угол Тоттенхэм Корт-роуд и Оксфорд-стрит. Потом мы еще немного прошли пешком и свернули в переулок, не помню, который. Над открытой дверью горел фонарь, и мы вошли. За стойкой стоял человек, и мой приятель купил у него билеты. Я еще слышал, как человек за стойкой сказал что-то вроде «ваш друг», имея в виду меня, и мой приятель ответил: «Да, конечно, он бывал здесь и раньше, верно, Альф?» — так меня звали в школе. Но уверяю вас, сэр, — тут мистер Типпс стал очень серьезным, — я никогда раньше там не был, и ничто на свете не заставит меня пойти туда снова!

Значит, мы спустились вниз, в зал; там был бар, и мой приятель выпил несколько коктейлей. Он и меня уговорил выпить один-другой, хотя обычно я не употребляю алкоголя. Он перекинулся парой слов с несколькими мужчинами и девушками — очень вульгарная публика, должен вам сказать, сэр, хотя некоторые девушки выглядели достаточно мило. Одна из девушек уселась на колени к моему приятелю и назвала его «несносный душка», а потом сказала «пойдем», и мы перешли в другой зал, где было много народу и все танцевали эти новомодные танцы. Мой приятель с девушкой пошли танцевать, а я присел на кушетку. Ко мне подошла какая-то молодая леди и спросила, не танцую ли я. Я сказал «нет», и тогда она спросила, не угощу ли я ее стаканчиком чего-нибудь. «Ты должен угостить меня стаканчиком, дорогой!» — именно так она сказала. Я ответил, что уже,

наверное, одиннадцать часов и выпивку больше не продают, но она заявила, что *здесь* это не имеет значения. Поэтому я заказал коктейль — это был джин с чем-то горьким, я подумал, что если молодая леди ожидает от меня, что я ее угощу, то было бы не по-джентльменски ей отказать. Мне все это было не по душе — такая юная леди, знаете ли... А потом она обняла меня за шею и поцеловала так, как будто расплачивалась за коктейль, и это мне уже совсем не понравилось, — сказал мистер Типпс не очень внятно, но с большим чувством.

В этот момент кто-то в задних рядах громко сказал «да...» и смачно причмокнул.

— Вывести из зала того, кто нарушает порядок столь неподобающими звуками! — гневно распорядился коронер. — Прошу вас, продолжайте, мистер Типпс.

— Примерно в половине первого стало слишком шумно, и я начал искать своего приятеля, чтобы попроситься, не хотел дольше оставаться в этом заведении, как вы понимаете. Я увидел его вместе с одной из молодых леди, и мне показалось, что они увлечены обществом друг друга, если можно так выразиться. Мой приятель развязывал какие-то ленточки на ее плече, а она смеялась, ну и все такое, — мистер Типпс торопливо кашлянул, — поэтому я подумал, что будет лучше уйти незаметно. Но тут раздался какой-то шум и крики и, прежде чем я успел что-нибудь понять, в зал ворвались полицейские, их было не меньше полудюжины. Свет погас, все куда-то побежали, суeta, ужас! Меня сбили с ног, и я сильно ударился головой о стул — вот откуда появилась эта ссадина на лбу, о которой меня спрашивали. Я очень испугался, что не смогу выбраться и все выплывет наружу: фотографии в газетах и тому подобное... Но тут кто-то схватил меня за рукав — думаю, что это была та молодая леди, которую я угостил коктейлем, — и сказал: «Сюда!» Меня вытолкнули в коридор и через задний выход на улицу. Я побежал и пришел в себя только на Гудж-стрит. Там я взял такси и

поехал домой. Потом я читал в газетах про эту облаву и понял, что моему приятелю удалось сбежать. А поскольку я думаю, что о таких вещах не говорят во всеуслышание и не хотел доставить ему неприятности, то ничего не рассказал об этом в полиции. Но все это чистая правда, сэр.

— Ну что же, мистер Типпс, — сказал коронер, — нам предстоит подтвердить доказательствами многое из вашего рассказа. Имя вашего приятеля...

— Нет, — перебил его мистер Типпс, — ни в коем случае.

— Хорошо, — сказал коронер. — Тогда не сообщите ли нам, в котором часу вы вернулись домой?

— Около половины второго, как я полагаю. Но, честно говоря, я был настолько не в себе...

— Понимаю. Вы сразу отправились спать?

— Да, но сначала съел сэндвич и выпил стакан молока. Я думал, что так успокою свои внутренности, — извиняющимся тоном добавил Типпс, — я не привык к алкоголю, тем более в такое время и на пустой желудок...

— Понимаю. Кто-нибудь из домашних ждал вас?

— Нет, никто не ждал.

— Сколько времени заняло у вас съесть сэндвич и лечь в постель?

Подумав, Типпс ответил, что это заняло примерно полчаса.

— Вы заходили в ванную, перед тем как лечь спать?

— Нет.

— Вы слышали что-нибудь ночью?

— Нет. Я чувствовал себя очень взволнованно, принял таблетку снотворного и почти сразу уснул, а проснулся, когда Глэдис разбудила меня.

Дальнейшие расспросы мало что добавили к сказанному мистером Типпсом ранее. Да, окно в ванной комнате было открыто, когда он вошел туда утром. Он уверен в этом, он еще очень серьезно *выговорил* за это служанке. Да, он готов ответить на другие вопросы, он будет только

счастлив — да-да, счастлив, — когда все это ужасное дело прояснится.

Свидетель Глэдис Хоррокс показала, что работает у мистера Типпса около трех месяцев и что отзывы о ее личности и характере можно получить у предыдущих хозяев. В ее обязанности входит вечерний осмотр квартиры, она также помогает миссис Типпс укладываться в постель в десять часов. Да, она помнит, что делала это и в *тот* вечер, она заглянула во все комнаты. — Не припомнит ли свидетель, закрывала ли она в тот вечер окно ванной комнаты? — Нет, она не может в этом поклясться, но когда мистер Типпс позвал ее утром в ванную, то окно, безусловно, было открыто. Она не заходила в ванную до того, как ее позвал мистер Типпс. Да, раньше случалось, что она оставляла окно открытым, когда кто-либо принимал ванну вечером и опускал занавеску. Да, в тот вечер миссис Типпс принимала ванну, понедельник — один из ее «ванных» дней. Очень может быть, что она забыла закрыть окно именно в понедельник, и лучше бы ей заранее отрубили голову, чтобы не быть такой забывчивой.

На этом месте свидетельница расплакалась, и ей дали выпить воды, а коронер воспользовался заминкой и освежил свое горло третьей таблеткой.

Придя в себя, свидетель подтвердила, что осмотрела все комнаты, прежде чем пойти спать. Нет, совершенно невозможно, чтобы тело было спрятано в квартире, а она его не заметила. Она почти весь вечер провела в кухне, а в ней мало места даже для того, чтобы устроить хороший обед, не говоря уже о теле. Старая миссис Типпс сидела в гостиной. Да, она уверена, что заходила в столовую. — Почему? — Потому что она оставила там приготовленные для мистера Типпса сэндвичи и молоко. Нет, ничего в столовой не было, она готова поклясться в этом. И в ее собственной спальне ничего не было, и в холле тоже. — Не проверяла ли она шкаф в спальне и кладовку? — Нет,

не проверяла, она не привыкла каждый вечер проверять шкафы в порядочном доме в поисках мертвецов. — Значит, человек мог бы спрятаться в кладовке или в гардеробе? — Она полагает, что мог бы.

На вопрос женщины — члена жюри присяжных свидетель подтвердила, что у нее есть молодой человек по фамилии Вильямс, Билл Вильямс, — ну да, Вильям Вильямс, если вы настаиваете. По профессии он стекольщик. Да, он бывал иногда в квартире. Можно сказать, что он был знаком с квартирой. — Не была ли она... — Нет, не была, и если бы она предполагала, что такой вопрос может быть задан порядочной девушке, то не согласилась бы давать показания. Ее репутацию может подтвердить викарий церкви Святой Марии. И репутацию мистера Вильямса тоже. В последний раз мистер Вильямс был в квартире примерно две недели назад. Если говорить точно, это не был последний раз, когда она видела мистера Вильямса. В последний раз это было в понедельник, да, в понедельник вечером. Что ж, если нужно говорить правду, она скажет правду. Да, офицер предупредил ее. Нет, ничего такого не было, но она скорее готова потерять место, чем быть повешенной, хотя это и очень обидно, что девушка не может немного повеселиться, без того чтобы в окно не влезли ужасные мертвецы и не навлекли на нее подозрения и неприятности.

После того как она уложила миссис Типпс в кровать, она вышла из дома, чтобы пойти на вечеринку водопроводчиков и стекольщиков в «Черном Баране». Мистер Вильямс встретил ее, и он же проводил ее домой. Он может подтвердить, что она там была и что там не было ничего плохого. Они ушли еще до конца вечеринки. Было, наверное, около двух часов, когда она вернулась. Она незаметно взяла ключи от квартиры из комода миссис Типпс. Она спрашивала разрешения отлучиться, но не получила его, поскольку мистера Типпса в тот вечер не

было дома. Она очень сожалеет, что поступила так скверно, и уверена, что заслуживает наказания. Нет, когда она вернулась, она не слышала ничего подозрительного. Она сразу пошла спать, не обходя квартиру. Она желает помереть, и как можно скорее. Нет, к мистеру и миссис Типпс очень редко заходили посетители, они живут уединенно и тихо. В то утро входная дверь была заперта на засов, как обычно. Она никогда не поверит, что мистер Типпс мог сделать что-нибудь плохое.

— Благодарю вас, мисс Хоррокс. Вызовите миссис Джорджиану Типпс, — сказал коронер. — Хорошо бы включить газовые обогреватели.

Допрос миссис Типпс был скорее зрелищем, чем поиском истины, явив собой яркий образчик игры под названием «перекрестные вопросы и уклончивые ответы». После пятнадцати минут пыток, сопровождавшихся громким голосом и тихим бешенством, коронер сдался, оставив последнее слово за леди.

— Вам не следует пытаться запугать меня, молодой человек, — сказала с достоинством восьмидесятилетняя дама, — а свой желудок вы точно испортите этими вашими дурацкими таблетками!

После этого поднялся молодой человек и заявил о своем желании дать показания. Назвав себя Вильямом Вильямсом, стекольщиком, он был приведен к присяге и подтвердил сказанное Глэдис Хоррокс относительно ее присутствия в «Черном Баране» ночью в понедельник. Они вернулись, скорее всего, раньше двух часов, но уж точно после половины второго. Он сожалеет, что уговорил мисс Хоррокс пойти с ним на вечеринку, тогда как ей следовало быть дома. Он не заметил ничего особенного на Принс Уэльс-роуд ни когда они уходили, ни когда вернулись.

Инспектор Сагг засвидетельствовал, что его вызвали около половины девятого утра во вторник. Поведение девушки показалось ему подозрительным, и он арестовал ее. Позже он получил сведения, которые навели его

на подозрение, что потерпевший мог быть убит той ночью, и на основании этих сведений он арестовал мистера Типпса. Он не обнаружил каких-либо следов взлома. На раме окна ванной комнаты, точнее на подоконнике, были следы, указывающие на то, что кто-то мог проникнуть в квартиру этим путем. Во дворе не было следов ног или лестницы — двор покрыт асфальтом. Да, он осматривал крышу, но ничего там не обнаружил. По его мнению, тело было внесено в квартиру заранее и спрятано там до вечера кем-то, кто затем вышел ночью через окно ванной при попустительстве или при соучастии девушки. — В таком случае, почему бы девушке не выпустить этого «кого-то» обычным путем, через дверь? — Да, могло быть и так. — Обнаружил ли инспектор следы человека, или тела, или того и другого, спрятанного в квартире? — Он не обнаружил ничего, что указывало бы на то, что они *не могли* быть спрятаны в квартире. — Какие факты привели инспектора к предположению, что смерть потерпевшего наступила в ту ночь? — Здесь инспектор Сагг несколько смутился, но вынужден был признать, что таких фактов у него нет.

Вопрос одного из присяжных: Оставил ли преступник отпечатки пальцев?

Инспектор Сагг: Несколько следов были найдены на бортике ванны, но преступник был, очевидно, в перчатках.

Коронер: Сделали ли вы на основании этого факта какое-либо заключение об опытности преступника?

Инспектор Сагг: Выглядит так, что это не новичок в таких делах, сэс.

Член жюри: Это согласуется с обвинением против Альфреда Типпса, инспектор?

Инспектор промолчал.

Коронер: В свете только что выслушанных свидетельств вы продолжаете настаивать на обвинении против Альфреда Типпса и Глэдис Хоррокс?

Инспектор Сагг: Я считаю все весьма подозрительным. История Типпса не подтверждена, а что касается девицы Хоррокс, то, как знать, может быть, этот Вильямс тоже замешан?

Вильям Вильямс: Эй, вы это бросьте, инспектор! Я могу представить сотню свидетелей...

Коронер: Прошу соблюдать спокойствие! Я удивлен, инспектор, что вы делаете подобные предположения в такой манере. Это в высшей мере неуместно. Кстати, не можете ли вы сообщить нам, проводился ли в действительности полицейский рейд в понедельник ночью в каком-либо ночном клубе в районе Сент-Джилс Серкус?

Инспектор Сагг (мрачно): Полагаю, что-то в этом роде происходило.

Коронер: Вы, без сомнения, выясните подробности этого рейда. Кажется, в газетах что-то об этом было. Благодарю вас, инспектор, этого достаточно.

Было вызвано еще несколько свидетелей, давших характеристику мистеру Типпсу и Глэдис Хоррокс, после чего коронер заявил о своем намерении заслушать показания медицинских экспертов.

— Сэр Джулиан Фрэк!

Пока эксперт шел к свидетельскому месту, в зале возникло некоторое движение. Этот известный человек обладал внушительной внешностью: широкие плечи, прекрасная осанка и похожая на львиную голова. С достоинством и едва уловимой иронией он поцеловал протянутую ему помощником коронера Библию.

— Я всегда считала его очень привлекательным, — прошептала герцогиня Паркеру. — Какая буйная грива и борода. А какие выразительные глаза! Такие люди всегда бывают верными и преданными своему делу или своим близким, но порой им приходится так трудно в жизни, вам не кажется?.. Если бы у меня хватило духа, я бы посетила сэра Джулиана, просто чтобы посмотреть на него — такие

глаза заставляют задуматься, а это именно то, что нужно большинству людей... Но у меня никогда не хватит духа.

— Вы — сэр Джулиан Фрэк, — сказал коронер, — и проживаете в доме при больнице Святого Луки на Принс Уэльс-роуд, Баттерси, где вы осуществляете общее руководство хирургическим отделением этой больницы?

Сэр Джулиан согласился с таким определением его персоны.

— Вы были первым врачом, осмотревшим потерпевшего?

— Да, это был я.

— После этого вы проводили исследование тела в сотрудничестве с доктором Гримболдом из Скотленд-Ярда. Вы пришли к согласию относительно причин смерти?

— В целом — да.

— Не изложите ли вы ваши наблюдения и выводы господам присяжным?

— Приблизительно в девять часов утра, когда я работал в секционной больницы Святого Луки, мне неожиданно сообщили, что меня срочно хочет видеть инспектор Сагг. Он рассказал мне, что в доме номер 59 по Квин Кэролайн при загадочных обстоятельствах обнаружен труп мужчины. Инспектор спросил, не могло ли это быть чьей-либо шуткой, устроенной кем-то из студентов-медиков из больницы. Я заверил его, просмотрев больничные книги, что из секционного зала не пропало ни одного... гм... объекта.

— Кто отвечает за тела в секционной?

— Ординатор Уильям Уаттс.

— Присутствует ли на заседании Уильям Уаттс? — спросил коронер у помощника.

Уильям Уаттс присутствовал и готов был дать показания, если коронер сочтет это необходимым.

— Полагаю, что ни одно мертвое тело не может поступить в больницу без вашего на то ведома, сэр Джулиан?

— Абсолютно верно.

— Благодарю вас, продолжайте.

— Затем инспектор Сагг спросил, не могу ли я направить кого-либо из врачей осмотреть тело. Я сказал, что пойду сам.

— Почему вы так решили?

— Признаюсь, из простого человеческого любопытства, господин коронер.

В зале раздался смех студентов-медиков с задних рядов.

— Прибыв на место, я обнаружил потерпевшего лежащим на спине в ванне. Я осмотрел его и пришел к выводу, что смерть наступила в результате удара по шее сзади, сместившего четвертый и пятый шейные позвонки, повредившего спинной мозг и вызвавшего внутреннее кровоизлияние и частичный паралич головного мозга. Я сделал заключение, что на момент осмотра потерпевший был мертв уже по меньшей мере двенадцать часов, возможно, дольше. Я не обнаружил каких-либо других следов насилия на теле. Покойный был крепким, хорошо упитанным мужчиной в возрасте примерно пятидесяти — пятидесяти пяти лет.

— По вашему мнению, мог ли потерпевший нанести сам себе такой удар?

— Разумеется, нет. Удар был нанесен тупым тяжелым предметом, сзади, с большой силой и достаточно точно. Совершенно невозможно нанести такой удар себе самому.

— Могло ли это быть результатом несчастного случая?

— Такая возможность, конечно, существует.

— Если, предположим, потерпевший неосторожно выглядывал из окна, а рама неожиданно сорвалась и ударила его?

— Нет, в таком случае на горле остались бы следы удушения и ссадина.

— Но потерпевший мог быть убит тяжелым предметом, случайно упавшим на него?

— Мог.

— Была ли смерть мгновенной, по вашему мнению?

— Трудно сказать. Такой удар вполне способен вызвать мгновенную смерть, но пострадавший может некоторое время оставаться в частично парализованном состоянии. В данном случае я склонен полагать, что потерпевший мог находиться в таком состоянии несколько часов. Это заключение основывается на состоянии головного мозга, которое показало вскрытие. Должен, однако вам сказать, что мы с доктором Гримболдом не пришли к единому мнению в этом вопросе.

— Насколько я понимаю, высказывалось предположение относительно идентификации личности потерпевшего. Вы не смогли опознать его?

— Конечно, нет. Я никогда не видел его раньше. Предположение, о котором вы упомянули, нелепо и не должно было высказываться. До сегодняшнего утра я вообще ничего не знал, что подобное предположение уже выдвигалось. Если бы я услышал об этом раньше, то, конечно же, знал бы, как поступить в таком случае. Я хотел бы выразить резкое неодобрение по поводу бесцельной и достойной сожаления душевной травмы, нанесенной леди, с которой я имею честь быть хорошо знакомым.

Коронер: Это не моя вина, сэр Джулиан, и я согласен, что следовало проконсультироваться с вами.

Репортеры усердно заскрипели перьями, в публике расспрашивали друг друга, что бы это значило, а присяжные старались выглядеть так, как будто они все уже поняли.

— По поводу очков, найденных на теле, сэр Джулиан. Могут ли они навести на какую-либо версию?

— Это несколько необычные очки; врач-окулист даст более подробное объяснение, но я скажу, что очки

должны были бы принадлежать человеку много старше по возрасту, нежели потерпевший.

— Как врач, постоянно изучающий человеческое тело, можете ли вы, сэр Джулиан, исходя из внешности покойного, сделать какие-либо заключения относительно его привычек или образа жизни?

— Могу сказать, что это человек достаточно обеспеченный, но богатство он обрел относительно недавно. Зубы у него в довольно плохом состоянии, а на руках сохранились следы физического труда.

— Например, получивший солидное наследство или каким-то иным образом разбогатевший австралийский колонист?

— Да, что-то в этом роде, хотя я, конечно, не стал бы этого утверждать.

— Благодарю вас, сэр Джулиан.

Вызванный затем доктор Гримболд подтвердил практически все, сказанное его досточтимым коллегой, за исключением того, что, по его мнению, смерть несчастного могла наступить даже спустя несколько дней после рокового удара. Это трудно установить, но в любом случае к моменту осмотра тела потерпевший был мертв уже, как минимум, сутки.

Снова был вызван инспектор Сагг.

— Не расскажете ли вы жюри, какие необходимые меры были предприняты для установления личности покойника?

— Описание было послано во все полицейские участки и помещено почти во всех газетах.

— Учитывая предположение, сделанное сэром Джулианом Фрэком, были ли собраны сведения в морских портах? Были? И каковы результаты? Никаких результатов? Никто не явился, чтобы опознать тело? — Явилось достаточно много желающих, но никто не смог его опознать. — Были ли предприняты усилия, чтобы выяснить происхождение такой улики, как очки? — Инспек-

тор Сагг заявил, что, учитывая интересы следствия, хотел бы уклониться от ответа на данный вопрос. — Могут ли присяжные взглянуть на очки? — Очки были представлены жюри для расследования.

Вызванный Уильям Уаттс подтвердил показания сэра Джулиана относительно секционного зала. Он объяснил систему учета, согласно которой регистрируются поступающие тела. Обычно они поступают из рабочих домов и бесплатных больниц для бедных. Да, телами ведает исключительно он сам. Студенты и прочий персонал не могут получить ключи в свое распоряжение. — Имеет ли сэр Джулиан или кто-либо из хирургов свои ключи? — Нет, даже у сэра Джулиана нет ключей. — Оставались ли ключи в распоряжении господина Уаттса в ночь понедельника? — Да, оставались. — Не выявило ли расследование случаев пропажи тела? — Ни одного. — Свидетель может быть свободен.

После этого коронер обратился к присяжным, напомнив им в достаточно строгих выражениях, что их задача — не предаваться досужим рассуждениям о том, кем мог и кем не мог быть потерпевший, а дать свое заключение о причине смерти. Он напомнил также, что они должны справедливо решить, принимая во внимание медицинские свидетельства, была ли смерть следствием несчастного случая, самоубийства или умышленного убийства. Если же присяжные посчитают представленные доказательства недостаточными, они вправе вынести открытый вердикт. В любом случае их решение не может касаться кого-либо, кроме потерпевшего; если они сочтут, что имело место убийство, то все свидетельства будут вновь рассмотрены в суде. Затем присяжные были отпущены, причем выражение лица coronera недвусмысленно говорило о том, что он не советует им затягивать с вынесением решения.

Сэр Джулиан Фрэк подошел к герцогине и приветствовал ее вежливым поклоном.

— Я не видела вас вечность, — сказала она, — как ваши дела?

— Совсем заработался, — ответил доктор. — Только что выпустил новую книгу, а знаете, сколько времени отнимает эта писанина... Вы еще не виделись с леди Леви?

— Нет. Бедняжка! Я как раз собиралась повидать ее сегодня. Мы приехали сюда вместе с миссис Типпс, она сейчас живет у меня — эти, знаете ли, *эксцентричные* поступки Питера... Бедная Кристина! Обязательно навещу ее. Ах да, позвольте представить вам мистера Паркера. Он занимается расследованием этого дела.

— О! — сказал сэр Джулиан. — Очень рад с вами познакомиться! Вы уже виделись с леди Леви?

— Да, я видел ее сегодня утром.

— Она просила вас продолжать расследование?

— Да, — ответил Паркер, — она полагает, что сэр Рубен мог попасть в руки финансовых конкурентов, а может быть, какие-то мерзавцы удерживают его ради выкупа.

— А ваше мнение? — спросил сэр Джулиан.

— Полагаю, это вполне вероятно, — честно признался Паркер.

Помолчав, сэр Джулиан тихо сказал:

— Я хотел бы пройтись с вами немного, когда все это закончится. — Он указал в сторону зала.

— С большим удовольствием, — ответил Паркер.

В эту минуту вернулись присяжные и после некоторой суеты заняли свои места. Коронер обратился к старшине с вопросом, вынесли ли они свой вердикт на счет потерпевшего:

— Мы пришли к согласию, господин коронер, что потерпевший умер в результате удара сзади в область шеи, но мы считаем, что достаточных свидетельств относительного того, как этот удар был нанесен, представлено не было.

Мистер Паркер и сэр Джулиан Фрэк шли по улице от зала суда по направлению к больнице Святого Луки.

— Вы знаете, до сегодняшнего утра, когда я встретился с леди Леви, — сказал доктор, — я не имел ни малейшего понятия о том, что есть предположение, связывающее этот труп в ванне с исчезновением сэра Рубена. Совершенно невероятное предположение; оно могло возникнуть лишь в голове этого недалекого полицейского инспектора. Знай я об этой идее заранее, я мог бы развеять эти глупые измышления и избежать всего этого. — Доктор сделал неопределенное движение рукой.

— Я старался сделать все, что в моих силах, — заверил Паркер, — как только занялся делом Леви...

— А можно узнать, кто попросил вас заняться этим делом? — поинтересовался сэр Джулиан.

— Ну, сначала это были домашние сэра Рубена, а потом я получил официальное письмо от его дяди, мистера Леви; он просил меня незамедлительно продолжить расследование.

— А теперь, когда вернулась леди Леви, она подтвердила эту просьбу?

— Разумеется, — ответил Паркер, слегка удивившись. Сэр Джулиан промолчал.

— Боюсь, что именно я первым подбросил эту идею Саггу, — извиняющимся тоном продолжал Паркер. — Когда сэр Рубен исчез, моим первым действием было проверить все несчастные случаи на улицах, убийства и самоубийства, происшедшие в ту ночь. Естественно, я побывал и в квартире Типпсов, чтобы взглянуть на тело в ванной. Я, конечно, сразу понял, что тут совсем другая история. Но инспектор Сагг прямо-таки вцепился в эту версию, хотя справедливости ради следует признать, что между внешностью покойного и теми портретами сэра Рубена, которые я видел, действительно много общего.

— Да, поверхностное сходство, безусловно, есть, — сказал сэр Джулиан. — Верхняя часть лица принадлежит к часто встречающемуся типу, а поскольку сэр Рубен носит густую бороду, то не было возможности сравнить форму подбородка. Понятно, что такая идея могла возникнуть у кого угодно, но лишь ненадолго. Очень жаль, — добавил он, — что все это так больно отразилось на леди Леви. Вы, вероятно, знаете, мистер Паркер, что я старый, хотя и не смею сказать, что «близкий», друг семьи Леви.

— Я приблизительно так себе это и представлял.

— Да, так вот, в молодости... короче говоря, мистер Паркер, когда-то я надеялся жениться на нынешней леди Леви. — Паркер сочувственно хмыкнул. — Я так и не женился, как вы знаете, но мы остались добрыми друзьями, и я всегда делал для нее все, что было в моих силах.

— Поверьте, сэр Джулиан, — сказал Паркер, — я разделяю ваши чувства и чувства леди Леви; я пытался убедить инспектора Сагга в его заблуждении, но, к сожалению, тот факт, что сэра Рубена видели вечером в районе Баттерси Парк-роуд...

— О, да, — согласился сэр Джулиан. — Кстати, мы уже пришли! Не загляните ли, мистер Паркер, ко мне? Мы могли бы выпить по чашке чая, по глотку виски или что вам будет угодно.

Паркер почувствовал, что сэр Джулиан еще не все рассказал, и поэтому сразу принял любезное предложение.

Они вошли в большой, красиво обставленный квадратный холл. Камин находился на той же стороне, что и входная дверь, напротив него была лестница наверх, а с правой стороны через открытую дверь можно было хорошо видеть всю столовую. Сэр Джулиан позвонил в колокольчик, и в дальнем конце холла быстро появился слуга.

— Что можно вам предложить? — спросил сэр Джулиан.

— После такого холода, — сказал Паркер, — я, наверное, предпочел бы галлон горячего чая, если вы, как специалист, не возражаете.

— Полагаю, что хорошая китайская смесь вам не повредит, — в том же тоне ответил сэр Джулиан и распорядился: — Чай в библиотеку, и поживее!

— Я мало пользуюсь нижними комнатами, — объяснил сэр Джулиан, когда они поднимались вверх, — кроме столовой. Библиотека находится рядом с моей спальней, тут намного удобнее. Вообще-то я не слишком много времени провожу дома, в основном — в больнице. Понимаете, мистер Паркер, для теоретика губительно пренебрегать практической работой, ведь вскрытия и патолого-анатомические исследования — это основа и для уточнения теорий, и для расстановки правильных диагнозов. Нужно поддерживать и руку и глаза, так сказать, в форме. Наверное, я когда-нибудь оставлю консультативную практику и займусь только исследованиями. Постепенно приходишь к мысли, что многое в жизни оказывается лишь пустой тратой времени...

Мистер Паркер был полностью с этим согласен.

— Очень часто выходит так, — продолжал сэр Джулиан, — что настоящую работу, требующую сосредоточенности и методичности, приходится делать ночью, при искусственном свете, который гораздо более утомителен для глаз, чем дневной. Но, без сомнения, ваша собственная работа проходит иногда в еще более тяжелых условиях, не так ли?

— Да, случается, — ответил Паркер, — но в нашем деле это, так сказать, часть самой работы.

— Совершенно с вами согласен, — сказал сэр Джулиан. — Вы хотите сказать, что взломщик, к примеру, не демонстрирует методы своей... гм... работы при свете дня и не оставляет четких следов, чтобы облегчить ваш труд?

— Как правило, именно так и бывает, — сказал детектив. — Но я абсолютно уверен, что многие болезни действуют так же коварно и очень скрытно, как взломщик или вор.

— Точно! — усмехнувшись, подтвердил сэр Джулиан. — Моя задача состоит в том, чтобы выявить их и обезвредить на благо общества. А неврозы, знаете ли, очень хитрые преступники, они принимают такие разные обличья, как...

— Как Леон Кестрел, «Король лицедеев», — предположил Паркер, читавший по выходным детективные романы, чтобы отвлечься от основной работы.

Сэр Джулиан согласился, хотя детективов вовсе не читал.

— Самое интересное — как они маскируют свои следы. Но если вы, мистер Паркер, умело проводите исследование — мертвого, а иногда живого — тела, то всегда найдете следы, оставленные болезнью, пьянством или другой подобной причиной. Трудность же заключается в том, чтобы проследить их происхождение, имея перед собой лишь поверхностные симптомы: истерию, страх, застенчивость, муки совести, религиозный фанатизм или даже преступление. Как вы, обнаруживая кражу или убийство, ищете следы преступника, так и я, наблюдая истерический припадок или вспышку благочестия и набожности, начинаю искать механические раздражители, вызвавшие их.

— Вы считаете, что причины могут быть чисто физическими?

— Несомненно. Я, конечно, знаком с другими школами и взглядами, мистер Паркер, но их представители по большей части либо шарлатаны, либо жертвы самообмана. Хотел бы я получить для исследования кусочек их мозгов, тогда я показал бы вам мелкие дефекты и повреждения клеток, разрыв контактов или короткое замыкание в нервных волокнах — все то, что порождает такие

взгляды. Если я не смогу этого сделать сегодня, — добавил доктор, хмуро взглянув на своего гостя, — то, может быть, завтра или через год... в общем, раньше, чем умру.

Несколько минут доктор сидел неподвижно, глядя на огонь в камине, а Паркер, наблюдая за ним, пил чай. В принципе Паркера мало интересовали причины неврозов, и постепенно его мысли переключились на лорда Питера, который в данный момент противостоял грозному Кримплшэму в Солсбери. Лорд Питер хотел, чтобы Паркер присоединился к нему, а это означало бы, что либо Кримплшэм оказался человеком упрямым, либо ниточка продолжала разматываться. Но Бантер сказал, что «завтра вполне устроит», и это несколько успокаивало. В конце концов, дело в Баттерси не касалось его, Паркера, напрямую. Он и так потерял много времени на это слушание, а ему следовало бы заняться своей работой. Нужно было повидать секретаря Леви и разобраться с перуанскими нефтяными делами. Паркер посмотрел на часы.

— Боюсь, что... — пробормотал он, — надеюсь, вы извините меня...

Сэр Джулиан с видимым усилием возвратился к реальности.

— Дела зовут? — улыбаясь, сказал он. — Что ж, понимаю, не смею задерживать. Но я хотел бы сказать вам кое-что по поводу вашего расследования, правда, не знаю, как бы это точнее... вряд ли я...

Паркер снова откинулся в кресле, стерев с лица какой-либо намек на торопливость.

— Я буду крайне признателен за любую помощь, — произнес он.

— Боюсь, что скорее создам вам помеху, чем окажу помощь, — заметил сэр Джулиан, невесело усмехнувшись. — Для вас это будет исчезновением улики, а для меня — нарушением профессиональной этики. Но поскольку — случайно — кое-что уже стало известно, думаю, лучше сказать все.

Мистер Паркер произнес нечто нечленораздельное — в устах священника это означало бы примерно «Итак, сын мой!..»

— Свой вечерний визит в понедельник сэр Рубен Леви нанес мне, — сказал сэр Джулиан. — У него появились причины серьезно обеспокоиться своим здоровьем. — Сэр Джулиан говорил медленно, как бы взвешивая, какую часть тайны можно раскрыть постороннему. — Он пришел ко мне, а не к своему врачу, поскольку очень не хотел, чтобы эти сведения стали известны его жене. Как я вам уже говорил, мы с ним хорошо знакомы, да и леди Леви консультировалась у меня этим летом по поводу нервов...

— Вы условились о своем визите заранее? — спросил Паркер.

— Прошу прощения? — сказал доктор отсутствующим голосом.

— Вы договаривались о своем визите? — повторил Паркер.

— Договаривались? О, нет. Он появился совершенно неожиданно, вечером, после обеда. Я принял его здесь, осмотрел, и он ушел около десяти часов.

— Можно спросить, каков был результат его осмотра?

— А почему вас это интересует?

— Это позволит пролить свет или по крайней мере сделать какие-то предположения о его дальнейших действиях в тот вечер. — Паркер старался быть осторожным. Эта новость показалась ему мало связанной с остальными событиями, но было ли это простым совпадением, что сэр Леви исчез в тот вечер, когда посетил доктора.

— Понимаю, — ответил сэр Джулиан, — и, думаю, должен сообщить вам — доверительно! — о том, что нашел веские основания для беспокойства. Но пока ничего фатального.

— Благодарю вас. Вы сказали, что сэр Рубен ушел от вас в десять часов?

— Да, что-то около десяти. Я поначалу не упомянул об этом, поскольку сэр Рубен хотел сохранить в тайне свой визит ко мне. И потом, ведь не было никаких несчастных случаев на улице, он благополучно добрался до дома.

— Именно так, — подтвердил Паркер.

— Иначе это было бы расценено как нарушение профессиональной тайны. Я рассказал вам все это лишь потому, что сэра Леви случайно увидели, и потому, что я предпочел сделать это *приватно*, а не заставлять вас ходить по домам и расспрашивать прислугу, мистер Паркер. Надеюсь, вы извините меня за откровенность.

— Разумеется, я тоже не всегда бываю в восторге от своей профессии, — поддержал сэра Джулиана Паркер. — Поэтому я очень признателен вам за все, что вы мне сейчас рассказали. В противном случае я потратил бы много времени впустую, идя, так сказать, по ложному следу.

— Уверен, нет необходимости просить вас соблюдать необходимую конфиденциальность, — сказал доктор. — Вынести это дело на свет божий — значит лишь навредить сэру Леви и причинить боль его жене, не говоря уже о том, что и я буду выглядеть перед пациентами не лучшим образом.

— Обещаю держать все сведения при себе, — ответил Паркер, — но должен буду посвятить в это одного моего коллегу.

— У вас есть коллега в этом деле? И что это за человек?

— Это в высшей степени благоразумный и осторожный человек, сэр Джулиан.

— Он полицейский?

— Уверяю вас, вам не следует бояться того, что ваши секреты попадут в протоколы Скотленд-Ярда, сэр Джулиан.

— Вижу, что вы тоже умеете быть осторожным и благоразумным, мистер Паркер.

— У нас тоже есть своя профессиональная этика, сэр Джулиан.

Вернувшись домой, Паркер обнаружил телеграмму, гласившую: «Не беспокойтесь приездом. Все порядке. Возвращаюсь завтра. Уимзи».

ГЛАВА 7

На следующий день лорд Питер вернулся домой незадолго до ланча, после вполне результативных поисков в Бэлхеме и в окрестностях вокзала Виктория. Его ждал Бантер, отправившийся домой прямо в вокзала Ватерлоо и с укоризной сообщивший о телефонном звонке.

— Позвонила леди Суофхэм, милорд, и выразила надежду, что вы, ваша светлость, не забыли об обещании быть у нее на ланче.

— Забыл, Бантер, и забыл намеренно. Полагаю, вы сообщили ей, что я скончался от внезапного летаргического энцефалита, и передали, что цветов не требуется?

— Леди Суофхэм сказала, милорд, что рассчитывает на ваше присутствие. Вчера она встретилась с герцогиней Денверской...

— Если там будет моя невестка, я не поеду категорически, — заявил лорд Питер.

— Прошу прощения, милорд, я имел в виду герцогиню Довагер.

— А она-то что делает в городе?

— Думаю, что она приехала на слушание дела, милорд.

— О да, мы упустили это из виду, Бантер.

— Да, милорд. Ее светлость тоже будет на ланче у леди Суофхэм.

— Не могу, Бантер, в самом деле не могу! Скажите, что я лежу в постели с коклюшем и умоляю мамочку захватить после ланча навестить меня.

— Хорошо, милорд. У леди Суофхэм будут еще миссис Томми Фрэйл и мистер Миллиган...

— Мистер *кто*?

— Мистер Джон П. Миллиган, милорд...

— Боже милостивый, Бантер, почему же вы сразу этого не сказали? Я успею доехать к этой леди раньше него? Отлично, меня уже нет, где такси?!

— Только не в этих брюках, милорд. — Бантер прекрыл путь к двери с почтительной решительностью.

— Бантер, — взмолился милорд, — прошу вас, только не сейчас! Вы не представляете, насколько это сейчас важно.

— Ни за что, милорд. Я не хочу лишиться места.

— Это же нормальные брюки, Бантер!

— Только не для леди Суофхэм, милорд. Кроме того, ваша светлость, вы должно быть забыли, что на вас налетел тот джентльмен с молочным бидоном в Солсбери.

И Бантер указал обвиняющим перстом на небольшое жирное пятно на легкой ткани.

— Господи, Бантер, вас следовало бы выгнать давным-давно, — жалобно проговорил лорд Питер, ставя свою трость на стойку для зонтиков. — Вы не представляете, каких ошибок может наделать моя матушка!

Бантер сурово улыбнулся и увел свою жертву переодеваться.

Когда же лорд Питер, безупречно выглядевший, но слегка запоздавший к ланчу вошел в гостиную леди Суофхэм, герцогиня Довагер Денверская сидела на софе, поглощенная дружеской беседой с мистером Джоном П. Миллиганом из Чикаго.

— Я очень рад познакомиться с вами, герцогиня, — подал первую реплику финансист, — и поблагодарить вас за чрезвычайно любезное приглашение. Уверяю вас, что это честь для меня, которую я очень высоко ценю.

Герцогиня ослепительно улыбнулась, одновременно напрягая все свои интеллектуальные силы и интуицию.

— Прошу вас, мистер Миллиган, садитесь и поговорите со мной, — сказала она. — Мне так нравится разговаривать с такими, как вы, крупными людьми бизнеса! Постойте, вы ведь король железных дорог, кажется? Помню, была такая игра в карты¹, там еще было что-то с быком и медведем... или это была лошадь?.. Нет, точно, медведь! Его надо было обязательно скинуть, и карты становились такие мятые и рваные, что их было уже не разглядеть и приходилось покупать новую колоду... Вам, конечно, эта игра может показаться глупой забавой — вы-то знаете *настоящую* железную дорогу, — очень шумно бывает, но с другой стороны, очень помогает рубить лед в отношениях между незнакомыми людьми... Очень жаль, что сейчас эту игру почти забыли!

Мистер Миллиган сел.

— Видите ли, — сказал он, — для нас, людей бизнеса, тоже очень интересно встретиться и поговорить с британскими аристократами, наверное, даже интереснее, чем британцу — с американским королем железных дорог. Боюсь, что в разговоре с вами допущу не меньше ошибок, чем допустили бы вы, пытаясь сделать корнер² на пшеницу на Чикагской бирже. Кстати, я вчера звонил этому вашему замечательному парню, лорду Уимзи, так он решил, что я ошибся и принял его за брата, мне было так неловко!..

Это уже была неожиданная подсказка. Герцогиня осторожно двинулась дальше.

— О это очень милый мальчик, — сказала она. — Я так рада, что вы познакомились с ним, мистер Миллиган. Знаете ли, оба моих сына — такое утешение в старости! Хотя, конечно, Джеральд более консервативен, — но именно таким и должен быть член палаты лордов, а еще он замечательный фермер. Вот Питера я вижу в Денвере

¹ Имеется в виду игра «chemin de fer», по-французски «железная дорога», или просто «железка».

² Корнер — здесь: спекулятивная сделка.

гораздо реже, но у него всегда бывают такие интересные дела в Лондоне, правда, иногда такие трудные! Бедняжка...

— Я был очень благодарен лорду Питеру за его предложение, — продолжал мистер Миллиган. — Как я понял, за этим стоите вы, и буду весьма рад приехать в любой удобный для вас день, хотя и считаю, что вы мне слишком льстите.

— Мистер Миллиган, — заметила герцогиня, — разумеется, я совершенно не разбираюсь в бизнесе, очевидно, я несколько старомодна, понимаете ли, и не могу притворяться, что способна на что-то большее, чем просто *распознать* хорошего человека, когда встречу его. Во всем остальном я полагаюсь на своего сына.

Приняв замечание о «хорошем человеке» на свой счет, мистер Миллиган чуть не замурлыкал в слух и продолжил:

— Мне кажется, что леди с чудесной старомодной душой всегда будет иметь преимущество перед этими молодыми плутовками и вертихвостками; очень немногие способны *не быть* хорошими людьми по отношению к ней — она просто видит их насквозь!

«Это не дало мне ничего», — подумала герцогиня и продолжила вслух:

— Полагаю, что должна поблагодарить вас от имени нашего викария за необыкновенно щедрый чек, который он получил вчера в фонд реставрации. Он был так удивлен и растроган, наш милый викарий!

— Пустяки, — сказал Миллиган. — На нашем берегу океана нет таких старинных зданий, как у вас здесь, поэтому я считаю за честь, что мне позволили, так сказать, капнуть немного керосина в червоточины ваших древних бревен, чтобы спасти их от гибели. Когда ваш младший рассказал мне о проблемах с крышей церкви, я решил сделать взнос, не дожидаясь базара.

— Это чрезвычайно любезно с вашей стороны. Значит, вы будете присутствовать на базаре? — спросила

герцогиня, с надеждой заглядывая в глаза мистеру Миллигану.

— Разумеется, — быстро ответил он. — Лорд Питер сказал, что вы сообщите мне дату, а я всегда готов уделить время даже самому малому доброму делу. Надеюсь, что смогу воспользоваться вашим любезным приглашением и задержаться в ваших краях, но даже если буду очень занят, постараюсь найти возможность подъехать, чтобы прочитать свою, с позволения сказать, лекцию и быстро отбыть.

— Я так надеюсь на это, — сказала герцогиня. — Я должна сама заняться этим и наметить дату, хотя и не могу обещать...

— Нет-нет, — с чувством подхватил мистер Миллиган, — я прекрасно знаю, как трудно планировать такие дела. И потом, не только я один — ведь приглашены и другие, действительно крупные персоны европейского уровня, как упомянул ваш сын.

Герцогиня слегка побледнела при мысли о том, что кто-нибудь из этих «крупных персон» вдруг войдет в гостиную, но к этому моменту она уже чувствовала себя в безопасности и даже начала проявлять инициативу.

— Не могу выразить, как мы благодарны вам, — сказала она, — это будет настоящий праздник. Расскажите же мне, о чем вы собираетесь говорить!

— Э... — начал было Миллиган.

В этот момент все обратили свои взоры к двери, откуда донесся донельзя виноватый голос:

— Очень виноват перед вами, леди Суофхэм, надеюсь, вы простите меня! Разве я мог забыть о вашем приглашении? Дело в том, что мне надо было повидать одного человека в Солсбери, право слово, и он никак не хотел отпускать меня. Я падаю ниц, леди Суофхэм, нет мне прощения! Мне подадут ланч в углу на кухне?

Леди Суофхэм великодушно простила кающегося лорда:

— Ваша дорогая матушка уже здесь!

— О, неужели? Привет, мама! — сказал лорд Питер, чувствуя себя на краю если не пропасти, то глубокой ямы.

— Здравствуй, дорогой! — ответила герцогиня. — Как ты не вовремя, мистер Миллиган собирался рассказать мне о том, какую увлекательную речь он подготовил для нашего базара, а ты перебил его!

За ланчем разговор, естественно, повернул в сторону слушания по делу в Баттерси, и герцогиня представила в лицах диалог коронера с миссис Типпс.

— Вы слышали ночью какой-нибудь шум или нет? — спрашивает этот коронер, наклонившись вперед и крича почти в самое ухо миссис Типпс, — лицо красное, уши торчат, как... как у херувима в поэме Теннисона, или нет, херувим, кажется, голубого цвета, наверное, я имела в виду серафима, — ну, в общем, вы поняли, кого я имела в виду — такого глазастого, с крылышками на голове. Так вот, миссис Типпс ему отвечает: «Конечно, всегда, все эти восемьдесят лет!» Тут, конечно, все застыли в недоумении, а потом выяснилось, что ей послышалось: «Тушите ли вы ночью свет?» Все, естественно, рассмеялись. А коронер достаточно внятно сказал: «Черт бы ее побрал», а миссис Типпс это услышала, не могу понять почему, и ответила: «Не ругайтесь, молодой человек, Господь вас накажет! Ну что за молодежь нынче пошла...» — а коронеру-то уже за шестьдесят, представляете?

Когда разговор коснулся молодых (и не очень) людей, миссис Томми Фрэйл вспомнила о мужчине, которого повесили за убийство в ванной трех своих невест.

— Мне всегда это казалось очень *изобретательным*, — сказала она, с чувством глядя на лорда Питера. — Когда это случилось, мой муж просто заставил меня застраховать свою жизнь. Я была так сильно напу-

гана, что перестала принимать ванны по утрам и перенесла их на после полудня, когда мужа не было дома...

— Моя дорогая леди, — ответил лорд Питер с укоризной в голосе, — я абсолютно точно помню, что все эти невесты были совсем не привлекательны. А замысел действительно очень оригинален, только ему не следовало повторяться...

— Нынешняя жизнь требует от всех, даже от убийц, большей изобретательности и оригинальности, — заметила леди Суофхэм. — Драматургам, к примеру, было гораздо проще творить во времена Шекспира, не правда ли? В пьесе всегда присутствовала девица, переодетая в мужское платье, да и этот прием позаимствован у Боккаччо, Данте или кого-то там еще. Будь я героиней пьесы Шекспира, стоило бы увидеть тонконового юного пажа, я бы сразу воскликнула: *«О боже! Снова та девица!»*

— Совершенно с вами согласен, — сказал лорд Питер. — Видите ли, дорогая леди, если вы когда-нибудь задумаете совершить убийство, вы должны действовать так, чтобы люди не могли связать воедино свои мысли по этому поводу. Большинство вовсе не умеют этого делать: их мысли крутятся, как сухие горошины на тарелке, производя много бестолкового шума; но если кто-то сообразит нанизать эти горошины на нитку логики, то получится петля, достаточно прочная для того, чтобы человека можно было на ней повесить.

— Боже! — воскликнула миссис Томми Фрэйл, — какое счастье, что у многих моих друзей вообще нет никаких мыслей!

— Понимаете, — лорд Питер наколол на вилку кусочек утки, — это только в рассказах про Шерлока Холмса люди мыслят логично. А в жизни бывает так: вы услышите что-то необычное, скажете «Бог мой!» или «Как жаль!» и в большинстве случаев тут же забудете об этом, если только не произойдет нечто, что заставит вас *вспомнить*. К примеру, леди Суофхэм, помните, когда я вошел, я

сказал, что был в Солсбери. Это чистая правда, но я не думаю, что она произвела на вас какое-то впечатление. Не думаю я, что на вас произведет впечатление, если в завтрашней газете вы прочитаете о том, что в Солсбери обнаружен мертвым некий адвокат. Но если я снова отправлюсь в Солсбери через неделю, а на следующий день найдут умершим тамошнего доктора, то вы, наверное, подумаете, что мой приезд — дурное предзнаменование для жителей этого местечка. Если же я вновь поеду туда, а назавтра внезапно освободится место епископа Солсберийского, то, вполне вероятно, начнете задавать себе вопрос, что мне понадобилось в Солсбери и почему я никогда не упоминал о том, что у меня там есть друзья. Более того, вам может прийти в голову съездить туда и порасспросить местных жителей, не видели ли они случайно молодого человека в носках лилового цвета, бродившего вокруг дворца епископа.

— Полагаю, что именно так я бы и поступила, — признала леди Суофхэм.

— Охотно верю. А если вдобавок ко всему вы узнаете, что и адвокат и доктор когда-то имели практику, скажем в Погглтоне, а ныне покойный епископ был тогда викарием в том же Погглтоне, то вы, возможно, и припомните, что вроде бы я давным-давно ездил в этот самый Погглтон. Вы можете заинтересоваться регистрационными книгами погглтонского прихода и выясните, что викарий обвенчал меня под вымышленным именем с вдовой богатого фермера, которая вскоре внезапно скончалась от перитонита. Это было удостоверено доктором, после того как адвокат засвидетельствовал ее завешание, по которому все ее деньги доставались мне. И вот *тогда* вы подумаете, что у меня могли быть очень веские причины, для того чтобы избавиться от таких потенциальных шантажистов, как адвокат, доктор и епископ. Но если бы я не вызвал у вас *ассоциаций*, избавившись от всех троих в одном месте и почти в одно и то же время, вы никогда бы не

додумались поехать в Погглтон и не вспомнили бы о том, что я когда-то там был.

— А вы там *были*, лорд Питер? — с тревогой спросила миссис Томми Фрэйл.

— Не думаю, — ответил лорд Питер, — название мне ничего не говорит. Но как знать...

— Однако если бы вы расследовали преступление, — заметила леди Суофхэм, — думаю, вы бы начали с самых обычных вещей: выяснили, чем человек занимался, нашли бы тех, с кем он встречался, определили бы мотив и так далее, верно?

— Совершенно верно, — подтвердил лорд Питер, — но у большинства из нас найдется десяток мотивов, чтобы убить самого безобидного человека... Я, например, хотел бы кое-кого убить, а вы?

— Целую кучу, — ответила леди Суофхэм. — Например, этого ужасного... Нет, наверное, мне лучше не говорить, а то, боюсь, вы потом вспомните!

— Пожалуй, на вашем месте я бы тоже не сказал, — понимающе произнес лорд Питер. — Кто знает! Ведь было бы ужасно неудобно, умри этот человек завтра...

— Мне кажется, — вступил в разговор мистер Миллиган, — трудность в деле Баттерси заключается в том, что ни у кого не возникает никаких *ассоциаций* с джентльменом в ванне.

— Бедный инспектор Сагг! — сказала герцогиня. — Я так сочувствовала ему, когда он стоял перед коронером и вынужден был выслушивать вопросы, на которые ему абсолютно нечего было ответить!

Получив небольшую передышку, лорд Питер вернулся к утке. Но через минуту он вдруг услышал, как кто-то задал герцогине вопрос, встречалась ли она с леди Леви.

— Она очень расстроена, — продолжала вопрошавшая, миссис Фримантл, — хотя и не теряет надежды на то, что ее супруг вернется. Я полагаю, вы знали его,

мистер Миллиган? О, я хотела сказать «знаете его», я тоже надеюсь, что он жив, где бы он ни был.

Миссис Фримантл, жена крупного железнодорожного управляющего, была известна своей крайней неосведомленностью в вопросах финансов. Но этот ее недостаток искупался чаепитиями, которые она устраивала для жен городских сановников.

— Да, я как-то обедал с ним, — добродушно ответил мистер Миллиган. — Думаю, что и он и я приложили массу усилий к тому, чтобы разорить друг друга, миссис Фримантл. Если бы это происходило в Штатах, — добавил он, — то я начал бы подозревать самого себя в том, что упрятал сэра Рубена в «надежное место». Но вести бизнес такими методами в доброй старой Англии мы не можем, нет, мэм.

— Должно быть, это очень интересное занятие — вести бизнес в Америке, — задумчиво сказал лорд Питер.

— Действительно так, — отозвался Миллиган. — Надеюсь, мои братья не теряют сейчас времени даром. Я собираюсь вскоре присоединиться к ним — после того, как закончу кое-какие дела на этом берегу.

— О, мистер Миллиган, вы не должны уехать раньше, чем состоится базар, — сказала герцогиня.

Послеполуденное время лорд Питер провел в тщетных поисках Паркера. Нашел он его только к вечеру, дома, на Грейт Ормонд-стрит.

Паркер, расслабившись и положив ноги на приступку камина, сидел в старом, хорошо сохранившемся кресле с томом современных комментариев к Новому Завету — он остановился на «*Послании к Галатам*». Он встретил лорда Питера без восторженного энтузиазма, но вполне приветливо, смешав для гостя виски с содовой. Питер взял отложенную другом книгу и перелистал страницы.

— Все ваши люди, дорогой друг, действуют предвзято, — рассеянно сказал лорд Питер, как будто продолжая

только что прерванный диалог. — Они находят именно то, что ищут.

— Верно, но я научился не принимать их выводы на веру. Когда я учился в колледже, я думал совсем по-другому, — нас учили Конибер, Робертсон, Дрюс, вы, верно, слышали о них, — пока не понял, что они настолько увлекаются поиском преступника, которого никто никогда не видел, что не способны распознать даже следы, оставленные домашней прислугой. Два года я учился осмотрительности и осторожности.

— Хм, — лорд Питер приподнял книгу, — наверное, теология — прекрасная гимнастика для ума, поскольку вы, несомненно, самый осмотрительный и осторожный парень, которого я знаю. Но прошу, продолжайте чтение, мне, право, очень неловко, что я притащился так некстати и краду ваше свободное время.

— Да ладно вам, старина, все в порядке, — ответил Паркер.

Оба немного помолчали, потом лорд Питер спросил:

— Вам нравится ваша работа?

— Да. Вы знаете, да! — сказал Паркер. Я уверен, что моя работа приносит пользу и что я подхожу для нее. Я делаю ее довольно неплохо, может быть, и без вдохновения, но так, что ею можно гордиться. Она полна разнообразия, заставляет тебя «держаться марку» и не позволяет раскисать, а потом — у нее есть будущее. Да, она мне нравится. А почему вы спросили?

— Просто так. Для меня это лишь хобби, вы же знаете. Я занялся расследованиями, когда потерял почву под ногами, а это показалось мне дьявольски увлекательным; хуже всего, что я нахожу в этом удовольствие, правда, до определенного предела. Будь оно на бумаге — я бы любил это занятие целиком и полностью. Мне нравится самое начало, когда никого и ничего еще не знаешь и все так захватывающе интересно. Но когда дело доходит до погоны за живым человеком, когда беднягу приговаривают к

повешению или сажают в тюрьму, начинает казаться, что у меня не было никаких причин влезать в дело — ведь *я не зарабатываю этим на жизнь*. Начинаешь даже сожалеть о том, что поначалу находил это интересным, но тем не менее...

Паркер внимательно выслушал этот монолог:

— Я понимаю, что вы имеете в виду.

— Взять, например, этого Миллигана, — продолжал лорд Питер. — Теоретически было бы очень заманчиво поймать его на чем-нибудь, но когда с ним разговариваешь, он кажется вполне добропорядочным. Матушке он понравился, а ему, похоже, понравился я. Было очень забавно плести ему всякую чепуху про благотворительный базар, но когда он принял все так близко к сердцу, я почувствовал себя скверно. Если предположить, что старина Миллиган перерезал Леви глотку и сбросил его в Темзу, то меня это уже не касается.

— Это касается вас так же, как и любого другого, — ответил Паркер, — и заниматься этим за деньги ничуть не лучше, чем за просто так.

— Нет, лучше, — упрямо повторил лорд Питер. — Зарабатывать на жизнь — единственное оправдание для того, кто этим занимается!

— Пусть так! Но взгляните с другой стороны. Если Миллиган перерезал глотку бедному старому Леви только ради того, чтобы самому стать богаче, я не понимаю, зачем ему откупаться подачкой в тысячу фунтов на ремонт какой-то церковной крыши и почему его нужно прощать только потому, что он по-детски тщеславен.

— Да, — согласился лорд Питер, — это было бы отвратительно.

— И даже при том, что вы ему понравились. Послушайте, Уимзи, вы действительно считаете, что он убил Леви?

— Вообще-то он мог бы.

— Мог бы, да, но убил ли?

— Мне не хотелось бы так думать.

— Потому что вы ему понравились?

— Это тоже влияет...

— И это, должен сказать, вполне естественно! Вы думаете, что не можете понравиться бездушному убийце, так?

— Пожалуй... Кроме того, он мне тоже понравился.

— И это понятно. Вы наблюдали за ним и из своих наблюдений сделали подсознательное заключение, что он *этого* не делал. Почему нельзя принять такой ход рассуждений?

— А если я ошибаюсь и он *это* сделал?

— Зачем же тогда позволять своему тщеславию и самоуверенности в собственной способности правильно оценить чью-то личность встать на пути раскрытия хладнокровного убийства невинного — и очень симпатичного — человека?

— Понимаю, но не могу отделаться от ощущения, что играю в какую-то игру...

— Послушайте, Питер, — сказал Паркер, — попробуйте наконец избавиться от комплекса «честного игрока», приобретенного на площадках Итона. Признайтесь, не приходится сомневаться в том, что с сэром Леви случилась большая неприятность, в худшем случае — убийство. О какой игре может идти речь? Можно ли *считать* все это игрой?

— Мне стыдно признаться, Паркер, но для меня дело начиналось как игра. Я вышел «на поле» в бодром настроении, но вдруг понял, что для кого-то все может кончиться очень плохо. Поэтому я хочу выйти из игры.

— Понимаю, но причина — в вашем отношении к происходящему. Вы хотите быть последовательным, выглядеть достойно, хотите гордо и независимо пройти мимо разыгрывающейся рядом с вами человеческой драмы. Это наивно, Питер! Если вы можете послужить обществу, разузнав правду об убийце, вы должны это

сделать, каким бы ни было ваше личное отношение к происходящему. Желаете быть элегантным и беспристрастным — отлично, если это поможет вам в поисках истины. Но сама по себе такая беспристрастность ничего не стоит. Хотите выглядеть достойным и ответственным? А как быть с убийцей? Вы поймаете его ради спортивного интереса, а потом пожмете ему руку и скажете: «Вы хорошо играли, но вам не повезло, приятель; завтра можете попробовать взять реванш!» Нет, вы не можете так поступить, жизнь — не футбольный матч. Вы хотите быть спортсменом? Но в данном случае это невозможно. Вы ответственный человек.

— Не думаю, что вам стоит так много читать по теологии, — сказал лорд Питер. — Она вас очень ожесточает.

Он встал, прошелся по комнате, рассеянно посмотрел на книжные полки, затем сел, закурил трубку:

— Пожалуй, мне следует рассказать вам об ужасном и свирепом Кримплшэме.

И лорд Питер поведал о результатах поездки в Солсбери: после того как недоразумение прояснилось, мистер Кримплшэм в деталях рассказал ему о своем визите в Лондон.

— Я все проверил, — тяжело вздохнул лорд Питер. — Если только Кримплшэм не подкупил половину Бэлхема, то нет никакого сомнения, что он провел вечер именно там. А после полудня он действительно встречался с банкирами. Половина жителей Солсбери видела, как он уезжал в понедельник. И никто, кроме его семьи или молодого Вика, ничего не выиграет в случае его смерти. Но даже если Викс и хотел бы убрать старика, трудно было предположить, что он с этой целью поедет в Лондон и положит в ванну мистера Типпса неизвестного, только для того, чтобы нацепить ему на носочки Кримплшэма. Это было бы слишком...

— Где был молодой Викс в понедельник?

— На репетиции церковного хора в присутствии двух десятков хористов, регента и, надеюсь, всемогущего Господа.

Наступила небольшая пауза.

— Расскажите мне о слушании, — попросил лорд Питер.

Паркер пересказал вкратце, что происходило в зале.

— Вы верите, Уимзи, — спросил он, — что тело могло быть спрятано в квартире? Мы, конечно, все осмотрели, но могли что-то упустить.

— Мы — могли, но ведь Сагг тоже смотрел.

— Сагг! — хмыкнул Паркер.

— Вы несправедливы к старине Саггу. Если бы там были признаки соучастия Типпса в преступлении, Сагг обязательно нашел бы их.

— Почему?

— Да потому что он их искал. Он вроде вашего интерпретатора *Галатов*. Поскольку он полагает, что преступление совершили либо Типпс, либо Глэдис Хоррокс, либо ее приятель, то находит следы на окне, через которое приятель Глэдис мог войти или передать ей что-то. Он не нашел никаких следов на крыше, потому что не искал их!

— Но он был на крыше еще до меня.

— Был, но только для того, чтобы убедиться, что там *нет* следов. Он рассуждает примерно так: молодой приятель Глэдис — стекольщик. У стекольщиков всегда под рукой лестницы, следовательно, у приятеля Глэдис лестница была. Поскольку он залез по лестнице, должны быть отпечатки на окне и не должно быть на крыше. Поэтому он находит отпечатки на окне и не находит на крыше. Он, правда, не обнаруживает следов и во дворе, но уверен, что нашел бы их, не будь двор заасфальтирован. Подобным же образом он полагает, что мистер Типпс мог спрятать тело в кладовке или где-то еще, поэтому можете быть уверены, что он тщательнейшим образом

осмотрел и кладовку, и все остальные закоулки квартиры в поисках следов пребывания там тела. Если бы они были, он бы их непременно обнаружил, потому что искал. Следовательно, если он их не нашел, то по одной простой причине: их там не было.

— Хорошо, достаточно, я вам верю. — И Паркер продолжил рассказ о показаниях медиков.

— Кстати, если на мгновение переключиться на какое-нибудь другое дело, — прервал его лорд Питер, — вам не приходило в голову, что в понедельник вечером Леви собирался встретиться в Фрэком?

— И собирался и встретился, — ответил Паркер и описал свою беседу во всех подробностях со специалистом по неврозам.

— Хм! Очень странно, Паркер, вам не кажется? Похоже, любая ниточка обрывается. Интересно и многообещающе до какого-то момента, а потом — ничего. Как река, теряющаяся в песке.

— Верно, — сказал Паркер. — Сегодня утром я потерял еще одну. Я разговаривал с секретарем Леви о его бизнесе. Не узнал ничего, что могло бы показаться важным, кроме некоторых подробностей об аргентинских делах. Тогда я решил навести справки в Сити о перуанских нефтяных акциях, но и там выяснилось, что Леви о них ничего не знал. Я обошел брокеров, выведал много тайного и скрытого, что всегда можно найти, когда кто-то пытается *поиграть* на рынке, и за всем этим я обнаружил одно интересное имя. Но это не был Леви.

— Не Леви? А кто тогда?

— Очень странно, но это Фрэк. Ситуация выглядит загадочно: на прошлой неделе он скрытно приобрел кучу акций, некоторые на свое имя, а во вторник спокойно продал их с небольшой выгодой, несколько сотен фунтов, которая явно не стоила того, чтобы ради нее затевать подобное дело.

— Вот никогда бы не подумал, что он будет так играть!

— А он, как правило, и не играет. В том-то и заключается загадка.

— Кто знает? — сказал лорд Питер. — Иногда люди совершают сделки только ради того, чтобы доказать себе или кому-то другому, что могут, если захотят, заработать таким путем состояние. Я раз-другой тоже играл по маленькой.

Он выбил трубку и поднялся с кресла, собираясь уходить.

— А знаете, старина, — обратился он к Паркеру, провожавшему его до дверей, — не кажется ли вам, что история Фрэка совсем не согласуется с тем, что рассказал Андерсон? Помните, он говорил, что Леви был весел и оживлен за обедом в понедельник? Вы бы веселились, думая о предстоящей встрече с врачом, которая не сулит ничего хорошего?

— Я бы — нет, — сказал Паркер и добавил с привычной осторожностью: — Но некоторые будут шутить в приемной у дантиста, вы, например.

— Это точно, — признал лорд Питер и стал спускаться по лестнице.

ГЛАВА 8

До дома лорд Питер добрался только к полуночи, чувствуя себя на удивление бодро. В голове у него тревожно роились мысли, словно кто-то разворотил пчелиный улей. Чувство было очень странное: казалось, он смотрит на сложную головоломку, решение которой ему когда-то подсказали, он его забыл, но уже почти нашел снова.

— Где-то, — сказал лорд Питер сам себе, — у меня был ключ к этим двум загадкам. Точно был, только никак не могу вспомнить, как он выглядит и где я его видел не могу себе представить. Кто-то что-то сказал, может быть, даже я сам. Был, был ключик! Бантер, идите спать, я еще посижу немного, вот только надену халат.

Питер уселся поудобнее у камина с трубкой во рту, окруженный разноцветными павлинами. Выбрав в уме сначала одну, потом другую ниточку, он попытался проследить их — увы, реки уходили в глубокий песок. Беря начало от Леви, в последний раз виденного в десять вечера на Принс Уэльс-роуд, и от зловещей загадочности мертвеца в пенсне в ванной комнате мистера Типпса, они скользили по крыше и терялись — терялись в песке множества отрывочных фактов. Они уходили куда-то вглубь, под песок, в никуда. Склонив голову, лорд Питер, казалось, слышал где-то в темноте их едва уловимый тихий плеск. Но где? Он был абсолютно уверен, что кто-то однажды подсказал ему ответ, только он его позабыл.

Питер встал, подбросил в камин полено и взял книгу, которую неумолимый Бантер (одному Богу известно, как он ухитрялся сочетать свои обычные ежедневные труды с необычными особыми обязанностями) принес из книжного клуба «Таймс». Это был труд «Физиологические основы совести» сэра Джулиана Фрэка, рецензию на который лорд Питер видел несколько дней назад.

«Это наверняка нагонит сон, — подумал Питер. — Если я не смогу загнать все эти проблемы в подсознание, то завтра буду как тряпка».

Он медленно раскрыл книгу и пробежал глазами вступление.

«Интересно, правда ли это — насчет болезни Леви. — Книга вернулась на стол. — Не очень-то похоже. А теперь еще... К черту все это, надо как-то отвлечься!»

Он вновь решительно открыл книгу и начал читать.

«Не думаю, что матушка много общалась с семейством Леви, — так началась следующая череда назойливых мыслей. — Отец всегда не любил выскочек и не принимал их в Денвере, а братец Джеральд продолжил традицию. Интересно, хорошо ли матушка знала Фрэка в те годы.... А с Миллиганом она неплохо поладила, все-таки ее суждению о людях можно доверять. И с базаром у нее просто отлично получилось. Как же это я не предупредил ее! Как-то однажды она сказала...»

Лорд Питер еще несколько минут пытался следовать за ускользающей змейкой воспоминаний, пока она не исчезла в темноте, насмешливо махнув хвостом. Он вернулся к чтению.

Вскоре еще одна мысль отвлекла его от книги, где он в этот момент рассматривал фотографию какой-то хирургической операции: «Если бы не столь убедительные свидетельства Фрэка и его ассистента Уаттса, то я наверняка занялся бы теми обрывками ткани, что были найдены на трубе...»

Питер потряс головой и снова попытался сосредоточиться на книге. Сознание и материя суть одно целое — таков был главный постулат автора. Материя способна трансформироваться в мысли, а чувства можно, словно резцом по дереву, вырезать скальпелем на мозге. Лекарства могут устранять мысленные образы, устаревшие понятия и условности — лечить, как болезнь. Утверждение «способность различать добро и зло есть лишь видимый результат определенного состояния клеток мозга, которое можно изменить» показалось Питеру необычайно примечательным, как и еще одна фраза, привлекавшая его внимание: «Человеческая совесть, в сущности, сравнима с пчелиным жалом, которое ни коим образом не способствует благоденствию его обладателя и не может функционировать иначе, чем оказываясь причиной его неминуемой смерти. Ценность жизни каждого индивида становится, таким образом, понятием чисто социальным; если человечество когда-нибудь перейдет от нынешней стадии общественного развития на стадию большего индивидуализма, как осмеливаются утверждать некоторые философы, то конечно можно предположить, что этот интересный психический феномен постепенно куда-то исчезнет, подобно нервам и мускулам, которые некогда управляли движением ушей или кожи на голове наших предков. Встречающиеся иногда проявления атавизма не в счет; они могут интересовать разве только физиологов».

«Боже мой! — устало подумал лорд Питер. — Вот готовая идеальная доктрина для преступника. Человек, который полагает, что никогда...»

И тут *оно* случилось — то, чего лорд Питер полубессознательно ожидал. Оно случилось внезапно и неотвратимо, как восход солнца. Он *вспомнил* — не одно, другое или третье и не логическую последовательность элементов — все сразу, целиком и полностью, во всех деталях, как бы оглядев предмет со стороны, *со всех сторон*. Ему

больше не нужно было спорить или даже думать об этом. Он знал.

Есть такая игра, когда из кучи букв нужно сложить слово, например: COSSSSRI.

Медленный путь решения задачи — это последовательный перебор всех возможных комбинаций, отбрасывание бессмысленных или невозможных сочетаний, таких как: SSSIRC или SCSRSO.

Другой путь состоит в том, чтобы просто смотреть на разрозненные элементы до тех пор, пока в результате некоего мыслительного процесса, который не поддается никакой логике, или под случайным внешним воздействием комбинация SCISSORS¹ не предстанет ясно и отчетливо, как единственно возможная. После этого буквы даже не надо расставлять — задача будет решена.

Точно так же отдельные кусочки двух головоломок, разбросанные в беспорядке в голове лорда Питера, соединились и больше не требовали разъяснений. Стук на крыше последнего в ряду дома — Леви, разговаривающий под дождем с проституткой на Баттерси Парк-роуд, — единственный светлый волос — куски материи — инспектор Сагг, вызывающий знаменитого хирурга из больницы прозекторской, — леди Леви с нервным приступом — запах карболового мыла — голос герцогини: «не то чтобы помолвка, а что-то вроде договоренности с ее отцом» — перуанские нефтяные акции — мозоли на руках и грубый профиль мужчины в ванной — свидетельство доктора Гримболда, что, по его мнению, «смерть могла наступить через несколько суток после удара» — резиновые перчатки — и даже такая мелочь, как слова мистера Эпплдора «он зашел с петицией против вивисекции», — все это и еще многое другое слилось в едином колокольном аккорде, перекрывшем другие звуки и шумы, с пронзительной нотой:

¹ Scissors (англ.) — ножницы.

«Способность различать добро и зло есть состояние мозга, которое при необходимости можно изменить... удалить... Способность различать добро и зло можно удалить...»

Лорд Питер Уимзи не был юнцом, которому каждая собственная идея представляется ценной и важной, но на этот раз открывшаяся истина потрясла его. «Этого не может быть», — тихо говорил здравый смысл; «*stedo quia impossibile*»¹ — такова была абсолютная внутренняя уверенность. «Ладно, — сказала сознание, безоговорочно принимая сторону слепой веры, — и что теперь будешь делать?»

Лорд Питер встал и зашагал по комнате.

— О господи, — воскликнул он, — о *господи!* — Он взял том «Кто есть Кто» с маленькой полки, висевшей над телефоном, и попытался успокоиться, отыскав нужную страницу.

«Фрэк, сэр Джулиан, рыцарь (1916); кавалер ордена Королевы Виктории II степени (1917) и I степени (1919); кавалер ордена Бани II степени (1918); доктор медицины; член Королевского общества терапевтов; член Королевского общества хирургов; кавалер ордена Святого Иоанна Иерусалимского; консультирующий хирург больницы Святого Луки, Баттерси. Родился в Гриллингхэме 16 марта 1872 года единственный сын Эдварда Керзона Фрэка, эсквайра. *Образование* — школа в Харроу, колледж Святой Троицы, Кембриджский университет. Полковник военно-медицинской службы, затем — член консультативного совета при военно-медицинской службе. *Публикации*: «Некоторые заметки о патологических аспектах гениальности», 1892; «Функциональные расстройства нервной системы», 1899; «Пограничная область безумия», 1906; «Исследование лечения психозов у нищих в Соединенном Королевстве», 1906; «Сов-

¹ Верую, потому что невозможно (*лат.*).

ременное развитие психотерапии, критика», 1910; «Психозы преступников», 1914; «Применение психотерапии в лечении военных неврозов», 1917; «Ответ профессору Фрейду с описанием опытов, проведенных в армейском госпитале в Амьене», 1919; «Структурные изменения, сопровождающие наиболее важные неврозы», 1920. *Клубы*: Уайт'с, Оксфорд и Кембридж, Альпин и др. *Увлечения*: шахматы, альпинизм, рыбная ловля. *Адрес*: 282, Харли-стрит и больница Святого Луки, Принс Уэльс-роуд, Баттерси-парк, 11.

Лорд Питер отбросил книгу и простонал:

— Подтверждается! Как я и предполагал...

Он опять сел в кресло и спрятал лицо в ладонях. Совершенно неожиданно к нему пришло воспоминание о том, как однажды в далеком детстве он стоял у стола в замке Денвер — маленький, худой, в синих коротких брючках до коленей — и слушал свое громко колотившееся сердце. Семья еще не спустилась к завтраку; стол был уже накрыт, а на спиртовке разогревался кофейник. Маленький Питер зажал в кулаке угол скатерти и потянул его: кофейник поехал по столу, чашки зазвякали. Он потянул скатерть изо всех сил, ощутив восторженный ужас, когда кофейник, спиртовка и весь набор северского фарфора со страшным грохотом обрушились на пол. Питер ясно вспомнил и испуганное лицо лакея, и крик какой-то дамы...

Полено в камине разломилось пополам и упало, подняв небольшое облачко пепла. За окном прогрехотал поздний грузовик. Мистер Бантер, спавший праведным сном честного и преданного слуги, был разбужен хриплым шепотом:

— Бантер!

— Да, милорд, — ответил Бантер, садясь на постели и зажигая лампу.

— Выключите свет, черт побери! — приказал лорд Питер. — Слушайте! Там, внизу — слышите?

— Нет, милорд, ничего не слышу, — ответил Бантер, поспешно вставая и беря под руку своего хозяина. — Все в порядке, ложитесь спать, милорд, а я накапаю вам чего-нибудь успокоительного. Да вы весь дрожите, милорд, вы слишком засиделись.

— Тише! Нет-нет, это вода, — лорд Питер стучал зубами, — она им почти до пояса... Неужели вы не слышите? Тук, тук, тук — они закладывают мины, а я не знаю, где! Я не слышу... Ага, вот опять! Мы должны найти, нужно остановить их!.. Слушайте! О боже, я ничего не слышу из-за этих пушек! Они что, не могут прекратить огонь?!

— Бог мой, — сказал себе Бантер. — Ничего, все в порядке, майор, не беспокойтесь.

— Но я же слышал их! — протестующе обратился к нему Питер.

— И я слышал, — сказал Бантер, — у вас очень хороший слух, милорд. Это *наши* саперы, они сейчас работают в коммуникационной траншее, не беспокойтесь, сэр.

Лорд Питер горячей рукой схватил Бантера:

— Наши саперы? Вы уверены?

— Совершенно, — бодро сказал Бантер.

— Они собираются разрушить башню? — спросил лорд Питер.

— Непременно, сэр, эти ребята знают свое дело. Вы бы немного поспали, сэр, пока они дойдут до нашего сектора.

— Вы уверены, что их можно оставить на короткое время?

— Конечно, сэр, — уверял его Бантер, крепко беря хозяина за плечи и не спеша препровождая его в спальню.

Лорд Питер позволил уложить себя, больше не сопротивляясь. Бантер, в полосатой пижаме, с всклокоченными волосами сел у его постели, грустно вглядываясь в за-

острившиеся скулы и лиловые круги под глазами своего хозяина.

— Значит, наступление закончено, — задумчиво проговорил он, — и командир может поспать. Чертов мальчишка! — с ноткой восхищения в голосе добавил сержант Бантер.

ГЛАВА 9

Мистер Паркер, появившийся на следующее утро в доме номер 110-А на Пиккадилли, был встречен очаровательной улыбкой герцогини Довагер, принявшей командование на себя.

— Я собираюсь забрать этого глупого мальчика на уик-энд в Денвер, — сказала она, указав на Питера. Тот что-то писал и лишь кивком головы дал Паркеру понять, что заметил его. — Он так много работал в последние дни, — продолжала герцогиня, — ездил в этот Солсбери и еще куда-то, ночами не спал. Очень скверно, что вы его поощряете, мистер Паркер! А потом он будил бедного Бантера и пугал его германцами, как будто мало лет прошло с тех пор, как война закончилась. Ведь у него уже давно не было этих ужасных приступов — и вот вам! Нервы — такая странная вещь, а у Питера они с детства слабые; правда, тогда достаточно было дать ему на ночь маленькую таблетку. А в 1918 году он был очень плох, вы же знаете! Думаю, память о такой ужасной войне не исчезнет за год или два, но я должна быть очень благодарна, что оба моих мальчика остались живы. Я уверена, что немного тишины и покоя в Денвере пойдут Питеру на пользу.

— Очень жаль, старина, что все так обернулось, — сочувственно сказал Паркер. — Выглядите вы в самом деле не лучшим образом.

— Чарльз, — обратился к нему лорд Питер невыразительным голосом, — я уеду на пару дней, потому как

не смогу быть вам полезен здесь, в Лондоне. То, что осталось сделать, вы сделаете гораздо лучше меня. Возьмите это. — Он сложил написанное и засунул в конверт. — Немедленно отправьте в Скотленд-Ярд и разошлите во все рабочие дома, больничные приюты, полицейские участки, отделения ХАМЛ¹ и тому подобные организации по всему Лондону. Это описание покойника, чье тело оказалось у Типпса, как он выглядел до того, как его помыли и побрили. Я хочу знать, не находили ли за последние две недели человека с такой внешностью, живым или мертвым. Зайдите к сэру Эндрю Макензи лично и попросите его распорядиться сейчас же разослать эту бумагу. Скажите ему, что вы раскрыли тайну убийства Леви и решили загадку Баттерси. — Здесь мистер Паркер издал удивленный возглас, на что его друг не обратил внимания. — Пусть он держит наготове своих людей с ордером на арест важного и опасного преступника: их нужно будет послать тотчас, как только от вас поступит информация. Когда придут ответы на эту бумагу, — лорд Питер потряс конвертом, — проверьте, будет ли в них какое-нибудь упоминание о больнице Святого Луки или о ком-нибудь, связанном с этой больницей, и тогда сразу посылайте за мной. Тем временем вы должны завязать знакомство — меня не интересует каким образом — с одним из студентов-практикантов в больнице Святого Луки. Только не стоит сразу громко заявлять об убийцах или ордере на обыск — вы попадете в затруднительное положение. Я вернусь в город, как только получу от вас известие, и ожидаю, что меня встретит наш милый добродушный костоправ. — Лорд Питер еле заметно улыбнулся.

— Вы хотите сказать, что добрались до истины? — спросил Паркер.

¹ ХАМЛ — Христианская ассоциация молодых людей.

— Да. Я могу ошибаться, я надеюсь, что ошибаюсь, но знаю, что прав.

— Не просветите ли меня?

— Честно говоря, не хотелось бы. Я сказал, что *могу* ошибиться, и тогда я буду чувствовать себя, как будто оклеветал архиепископа Кентерберийского.

— Скажите мне по крайней мере: это одна загадка или две разных?

— Одна.

— Вы говорили об убийстве Леви. Он что — мертв?

— Бог мой, да! — сказал Питер, содрогнувшись.

Герцогиня, занятая чтением «Тэтлер», подняла глаза.

— Питер, — спросила она, — у тебя опять началась лихорадка? Я не знаю, о чем вы там говорите, но думаю, что лучше это прекратить, тебе нельзя волноваться. Да и уже пора ехать!

— Хорошо, мама, — ответил Питер и обернулся к Бантеру, стоявшему у двери с пальто и саквояжем в руках. — Вы поняли, что вам нужно будет сделать, Бантер, не так ли?

— Вполне, милорд. Авто только что прибыло, ваша светлость, — добавил он, обратившись к герцогине.

— Вместе с миссис Типпс, как я полагаю, — сказала герцогиня. — Она будет очень рада снова увидеть тебя, Питер, ты так напоминаешь ей мистера Типпса.

Паркер проводил всех до авто, а когда оно отъехало, озадаченно взглянул на зажатый в руке конверт. Затем, вспомнив, что сегодня суббота и следует поспешить, поймал такси и распорядился:

— В Скотленд-Ярд!

Утро вторника застало лорда Питера и человека в бархатной куртке бодро шагающими по полю репы, ботва которой уже немного пожелтела от ранних заморозков. Чуть впереди странное волнистое движение листьев, сопровождавшееся не менее странным пофыркиванием,

выдавало невидимое присутствие одного из герцогских сеттеров. Минуту спустя вспорхнула испуганная куропатка, и лорд Питер выстрелил навскидку с реакцией, похвальной для человека, который несколько ночей назад прислушивался к действиям воображаемых вражеских саперов. Сеттер бросился вприпрыжку сквозь листья и вскоре притащил в зубах трофей.

— Хорошая собака! — похвалил щенка лорд Питер.

Обрадованный похвалой, пес подпрыгнул, крутанулся в воздухе и залаял от избытка чувств.

— Негодник! — строго сказал человек в бархатной куртке. Щенок пристыженно уселся на землю. — Молодой еще, не может вести себя тихо, милорд. Это один из щенков Черной Лэсси, если помните такую.

— Что вы говорите! — удивился Питер. — Неужели старушка Лэсси все еще...

— Нет, милорд, Лэсси мы усыпили еще весной...

Питер всегда заявлял, что ненавидит сельскую жизнь, и был доволен, что ему не приходится возиться с семейным поместьем. Однако этим утром он искренне радовался и низкому солнцу, и свежему морозному воздуху, и мокрой листве, налипшей на его блестящие башмаки. Жизнь в Денвере текла спокойно и размеренно, никто не умирал внезапной и насильственной смертью, кроме старых сеттеров. Ну и куропаток, конечно. С удовольствием вдыхая ароматы сельской осени, лорд Питер вспомнил про письмо, которое с утра лежало в его кармане и которое он не собирался читать прямо сейчас. Телеграммы или звонка от Паркера еще не поступало, а значит, и торопиться было некуда.

Лорд Питер распечатал письмо только после ланча, в курительной комнате. Там же сидел его брат, подремывавший над свежим номером «Таймс», крепкий мужчина в расцвете лет, чисто выбритый и хорошо одетый, настоящий англичанин, немного похожий на Генриха VIII в

молодости, — Джеральд, шестнадцатый герцог Денверский. Герцог считал своего младшего брата слегка испорченным, а его любовь к полицейско-судебной хронике — дурным вкусом.

Письмо было от Бантера.

«110-А Пиккадилли

Милорд,

я пишу (Бантер был достаточно грамотным и воспитанным, чтобы не избегать начинать письмо с местоимения первого лица единственного числа), как *Вы, Ваша светлость, велели, чтобы проинформировать о результатах моих расследований.*

Я не испытал затруднений в знакомстве с камердинером сэра Джулиана Фрэка. Он состоит в том же клубе, что и слуга distinguished Фредерика Арбутнота, мой приятель, который нас охотно познакомил. Он взял меня в клуб вчера (в воскресенье) вечером, и мы пообедали все вместе, с Джоном Каммингсом. После обеда я пригласил Каммингса в нашу (то есть Вашу) квартиру, предложив опрокинуть по стаканчику и выкурить сигару. Надеюсь, ваша светлость простит мне эту вольность, зная, что я такой привычки не имею, но поверьте моему опыту: лучший способ завоевать доверие человека — это позволить ему предположить, что ты злоупотребляешь расположением своего хозяина. («Всегда подозревал Бантера в постоянном изучении человеческой природы», — прокомментировал лорд Питер.)

Я угостил его лучшим старым портвейном («Как бы не так!» — подумал лорд Питер), поскольку слышал, как Вы одобрили его в разговоре с мистером Арбутнотом. Результат вполне отвечал моим ожиданиям, что касается основного предмета моего интереса, однако с большим сожалением должен констатировать, что этот человек настолько не понял и не оценил того, что ему было предложено, что стал курить сигару, одну из «Вильяр-и-Вильяр» Вашей светлости, вместе с портвейном. Вы понимаете, что я не стал комментировать

этот поступок вслух, но надеюсь, что Ваша светлость разделяет мои чувства. Могу ли я воспользоваться случаем, чтобы выразить свое почтительное одобрение великолепному вкусу Вашей светлости в еде, напитках и одежде? Это больше, чем удовольствие служить Вашей светлости, это, если позволите так выразиться, образование».

Лорд Питер покачал головой.

— Черт возьми, Питер, что ты там сидишь, киваешь и улыбаешься, как бог знает кто? — спросил старший герцог, внезапно проснувшись. — Кто-то сообщил тебе хорошие вести?

— Замечательные, — ответил Питер.

Старший герцог с сомнением оглядел младшего.

— Надеюсь, ты не собираешься жениться на хористке, — пробормотал он себе под нос и вернулся к «Таймс».

«За обедом, — продолжал Бантер, — я постарался объяснить вкусы Каммингса и нашел, что они имеют направлением подмостки мюзик-холла. За первым стаканом я сумел вызвать его на откровенный разговор, а поскольку Вы, милорд, любезно предоставили мне возможность посмотреть почти все премьеры в Лондоне, то я беседовал на данную тему весьма свободно и, надеюсь, предстал приятным собеседником. Могу сказать, что вкусы Каммингса в отношении женщин и сцены оказались именно такими, какие можно было ожидать от человека, который сопровождает сигарой портвейн Вашей светлости.

За вторым стаканом я затронул предмет интереса Вашей светлости. В целях экономии времени я передам наш разговор в форме диалога, по возможности почти дословно.

Каммингс: Похоже, у вас была возможность повидать жизнь, мистер Бантер.

Бантер: Всегда есть возможность, особенно если знаешь, как ею воспользоваться.

Каммингс: Вам хорошо говорить, мистер Бантер. Вы, например, не женаты, как некоторые.

Бантер: Я благоразумен, мистер, Каммингс.

Каммингс: Я тоже — *теперь*, когда уже слишком поздно. (Здесь он тяжело вздохнул, и я наполнил его стакан).

Бантер: Миссис Каммингс живет с вами в Баттерси?

Каммингс: Да, она и я, мы вместе служим у моего хозяина, и работы всегда бывает много, да еще Баттерси далековато от центра...

Бантер: Тут лишний раз в мюзик-холл не сходишь, верно?

Каммингс: Это точно! Другое дело — тут у вас, на Пиккадилли, самое место, можно сказать. Да и ваш хозяин, видимо, часто отлучается на всю ночь?

Бантер: Очень часто, мистер Каммингс.

Каммингс: И вы тоже, видать, частенько пользуетесь случаем *ускользнуть*. А, мистер Бантер?

Бантер: А как *вы* думаете, мистер Каммингс?

Каммингс: Вот то-то и оно! А что делать человеку с ворчливой женой-дурой и чертовым научным доктором хозяином, который ночи напролет режет мертвецов или ставит опыты над лягушками?

Бантер: Неужели он никогда не уходит?

Каммингс: Не часто. И всегда возвращается до двенадцати. А если он позвонит в колокольчик и тебя не окажется на месте, о, мистер Бантер!..

Бантер: Что, злится?

Каммингс: Нет, но так посмотрит на тебя, вернее — *сквозь* тебя, что становится просто жутко, вроде как лежишь на операционном столе, а он собирается тебя разрезать и только выбирает, с какой стороны начать. И вы знаете, мистер Бантер, пожаловаться не на что: просто смотрит на тебя, и становится страшно. А так-то он очень вежливый, извиняется, если был невнимателен... Но что мне его извинения, если он пришел и ушел, а у тебя весь сон пропал!

Бантер: Как это так? Он что, заставляет сидеть допоздна и ждать его?

Каммингс: Нет, ничего подобного; дверь на засов, а прислуга — по койкам в половине одиннадцатого — такое наше маленькое правило. Я совсем не против жить по правилам, хотя это бывает и скучно. Но уж если я ложусь в кровать, значит, я собираюсь спать!

Бантер: А что же происходит? Он что, бродит по ночам по дому?

Каммингс: В том-то и дело! Всю ночь! И не только по дому, но и в больницу и обратно — у него там есть своя *личная* дверь.

Бантер: Не хотите ли вы сказать, мистер Каммингс, что такой знаменитый специалист, как сэр Джулиан Фрэк, работает по ночам в больнице?

Каммингс: Конечно, нет! То есть да, работает, но это его *собственная* работа, он ведь исследователь, режет покойников. Говорят, что он очень умный, сэр Джулиан. Может разобрать, скажем, меня или вас, мистер Бантер, на части, как часы, а потом снова сложить.

Бантер: Вы что, спите внизу, что он вам так сильно мешает?

Каммингс: Нет, наша спальня наверху, но от этого не легче. Боже, он так хлопает дверью, что весь дом трясется!

Бантер: И я много раз говорил лорду Питеру то же самое... А еще он иногда разговаривает сам с собой по ночам или принимает ванну.

Каммингс: И не говорите, мистер Бантер! Наша спальня — через стенку от баков с водой, и шум бывает такой, что мертвого подымет. В любое время! В понедельник он вообще мылся то ли ночью, то ли уже утром...

Бантер: Я слышал, что некоторые любят принимать ванну в два часа пополудни, мистер Каммингс.

Каммингс: В два часа, да? Так в тот раз это было в три! В три часа ночи, клянусь, мистер Бантер!

Бантер: Не может быть, мистер Каммингс!

Каммингс: Видите ли, мистер Бантер, он режет мертвецов, а потом не ложится спать, пока не смоет с себя *бациллы*, понимаете? Это, конечно, правильно, но я хочу сказать, что середина ночи — не больно подходящее время для джентльмена, чтобы возиться с мертвецами.

Бантер: Эти великие люди часто поступают, гм, своеобразно!

Каммингс: Ну, я только и могу сказать, что мне это не по душе.

(Я этому поверил, Ваша светлость. Мистер Каммингс не обладает чертами величия, и его брюки — совсем не то, что я хотел бы видеть на человеке его должности и положения.)

Бантер: И что, это обычное дело для вашего хозяина — ходить в ванную по ночам?

Каммингс: Я бы так не сказал, мистер Бантер. Утром он, правда, извинился и заговорил о том, чтобы вызвать водопроводчика, по моему мнению, это надо сделать уже давно: воздух так свистит и рычит в трубах, что просто ужас. Как Ниагара, мистер Бантер, это я вам говорю.

Бантер: Согласен с вами, мистер Каммингс, но что поделать? В сущности, можно многое простить джентльмену, который способен извиниться. А иногда, наверное, бывает, что он и не виноват вовсе? Ну, скажем, гость пришел или пациент засиделся допоздна. Так?

Каммингс: Это вы точно сказали, мистер Бантер! Я вот сейчас припоминаю, что в понедельник вечером, точно, приходил один джентльмен. Нет, он пришел не поздно, но оставался около часа, вот он, видимо, и задержал сэра Джулиана.

Бантер: Похоже на то. Позвольте налить вам еще портвейна, мистер Каммингс. Или, может быть, немного старого бренди лорда Питера?

Каммингс: Да, пожалуй, немного бренди, спасибо, мистер Бантер. Кажется, у вас тут неплохой подвальчик, а? (Тут он мне подмигнул.)

— Есть немного, — сказал я и налил ему «Наполеона». Уверяю Вашу светлость, что мне было крайне обидно тратить ваше бренди на такого человека, как он. Однако, полагая, что нащупал верную тропинку, я решил, что оно того стоит.

Хотел бы я, чтобы сюда по ночам приходили только джентльмены, — сказал я. (Ваша светлость, надеюсь, простит мне такое пожелание.)

«Бог мой, — подумал лорд Питер, — ну и методы у Бантера!»

Каммингс: Ах, вот он каков, «его светлость»!

Тут он громко прищелкнул языком и погрозил пальцем. Я опускаю некоторую часть его высказываний, которая была бы столь же оскорбительной для Вашей светлости, сколь для меня.

Каммингс: Нет, сэр Джулиан не такой. Ночью у него редко бывают посетители, и всегда только джентльмены. Как правило, они уходят рано, не как тот, в понедельник.

Бантер: Это хорошо, мистер Каммингс. По-моему, нет ничего хуже, чем сидеть и ждать, пока нужно будет провожать гостей.

Каммингс: Нет, этого я не провожал, сэр Джулиан сам его проводил часов в десять или около того. Я еще слышал, как тот сказал перед своим уходом «Спокойной ночи!»

Бантер: Неужели сэр Джулиан всегда сам провожает поздних посетителей?

Каммингс: Когда как. Если он принимает их внизу, то провожает сам, а если наверху, в библиотеке, то звонит мне.

Бантер: А в понедельник они сидели внизу?

Каммингс: Ну да! Сэр Джулиан сам открыл ему дверь, я помню. Он как раз работал в холле. Хотя подождите, кажется, они поднялись в библиотеку. Точно, я еще принес уголь для камина в холле и слышал, как они

разговаривали наверху. А потом сэр Джулиан позвонил, чтобы я поднялся к нему в библиотеку. Но я точно слышал, как этот джентльмен уходил около десяти, ну, может, чуть раньше. Он провел с сэром Джулианом примерно три четверти часа... Но, как я уже сказал, сэр Джулиан ходил всю ночь туда-сюда и все время стучал своей дверью, а потом решил помыться в три часа, а в восемь утра я должен был подать ему завтрак! Будь я проклят, если б при таких деньгах я стал бы резать мертвецов по ночам. Нашел бы занятие получше, ей-богу, мистер Бантер.

Не буду дальше пересказывать речь мистера Каммингса, ибо она стала невнятной и непоследовательной, и мне не удалось вернуть ход его мыслей к событиям понедельника. Я также не смог проводить его ранее трех часов пополудни. Он плакал у меня на плече, говорил, что я хороший парень и что он хотел бы иметь такого хозяина, как Вы. Он также сказал, что сэр Джулиан был бы очень недоволен поздним его возвращением, но в воскресенье по вечерам хозяина не бывает дома, а если что и было бы нужно, то сэр Джулиан предупредил бы заранее. Когда мистер Каммингс уходил, я заметил, что каблук его ботинок слегка стоптаны. В целом же у меня сложилось впечатление, что на месте сэра Джулиана я не дал бы мистеру Каммингсу хороших рекомендаций.

Считаю необходимым добавить, чтобы отдать должное погребу Вашей светлости: хотя мне и пришлось употребить достаточно большое количество портвейна «Кокберн» шестьдесят восьмого года и бренди «Наполеон», я не почувствовал утром ни головной боли, ни каких-либо других неприятных последствий.

Надеюсь, что сельский воздух будет весьма полезен Вашей светлости и что та скудная информация, которую я сумел получить, удовлетворит Вас.

Остаюсь, свидетельствуя почтение Вашему семейству, Ваш покорный слуга

Мервин Бантер».

— Иногда мне кажется, — задумчиво проговорил сам себе лорд Питер, — что Мервин Бантер морочит мне голову. Что это, Сомс?

— Телеграмма, милорд.

— Это Паркер, — сказал лорд Питер, вскрывая телеграмму. Она гласила:

«Описание опознано работном доме Челси. Неизвестный бродяга ранен уличном происшествии среду прошлой недели. Скончался работном доме понедельник. Доставлен Св. Луки вечером распоряжению Фрэка. Весьма озадачен. Паркер».

— Ура! — радостно воскликнул лорд Питер, — наконец мне удалось озадачить Паркера. Это придает уверенность. Чувствуешь себя Шерлоком Холмсом: «Это же элементарно, Ватсон!», то есть Паркер.

— В чем дело? — спросил, поднимаясь с кресла и зевая, старший герцог.

— Приказ выступать, — ответил Питер, — назад, в город. Огромное спасибо за гостеприимство, братец, чувствую себя гораздо лучше. Готов схватиться с профессором Мориарти, Леоном Кестрелом или с обоими сразу.

— Как бы мне хотелось, чтоб ты держался подальше от всех этих полицейских дел! — проворчал братец. — Иногда из-за тебя я попадаю в очень неловкое положение...

— Прости меня, Джеральд, — ответил лорд Питер, — знаю, что я — пятно позора на фамильном гербе!

— Почему бы тебе не жениться, не остепениться и не заняться чем-нибудь полезным? — спросил старший брат с прежним неодобрением.

— Потому что это было бы равносильно признанию себя неудачником, и ты прекрасно это знаешь. Кроме того, — добавил Питер весело, — я очень полезен. Возможно, даже ты когда-нибудь обратишься ко мне, кто знает? Если, например, кто-нибудь осмелится шантажировать тебя, Джеральд, или твоя первая жена вдруг вернется из

Вест-Индии... Тогда ты осознаешь, какое это преимущество — иметь в семье частного детектива: «Тактичное и аккуратное решение деликатных личных проблем. Расследования. Специализация по разводам. Абсолютная гарантия!» — Заходите, ваша светлость!

— Балбес! — сказал лорд Денвер, швыряя газету на кресло. — Когда тебе нужна машина?

— Прямо сейчас. Да, Джерри, я заберу матушку с собой.

— А ее зачем во все это втягивать?

— Мне будет нужна ее помощь.

— Я бы назвал это очень неподходящим.

Однако сама герцогиня Довагер не возражала.

— Я хорошо знала ее, — сказала она, — когда она была еще Кристиной Форд. А что случилось?

— Очень плохие новости о ее муже, — ответил Питер.

— Он мертв?

— Да, и ей придется опознать его.

— Бедная Кристина!

— И умер он при очень неприятных обстоятельствах, мама.

— Я еду с тобой, дорогой!

— Спасибо, мама, ты настоящее чудо! Что ж, одевайся! Я постараюсь рассказать тебе все по дороге.

ГЛАВА 10

Мистер Паркер сумел обеспечить в нужное время наличие студента-медика — здорового парня, немного похожего на щенка-переростка, со светлыми добрыми глазами и веснушчатым лицом. Он сидел на старинной кушетке перед камином в библиотеке лорда Питера, в равной степени озадаченный своей миссией, людьми, сидевшими рядом с ним, и напитком, который ему был предложен. Вкусом студент обладал хотя и не слишком искусственным, но достаточно хорошим, и вкус подсказывал ему, что называть жидкость в его стакане «напитком» — словом, которое он обычно использовал для обозначения дешевого виски, послевоенного пива или сомнительного кларета в ресторанах Сохо, — кощунственно: это явление, выходило за рамки привычного, и студент назвал его для себя «джинном в бутылке».

Человек по имени Паркер, с которым студент познакомился накануне вечером в одном из пабов на углу Принс Уэльс-роуд, оказался неплохим парнем. Он действительно приглашал зайти к одному своему другу, который жил рядом, на Пиккадилли, в роскошных апартаментах. Самого Паркера студент почти сразу признал за государственного служащего или какого-нибудь клерка средней руки из Сити. Друг же просто приводил в замешательство: для начала он оказался *лордом*, и его одежда выглядела скромным упреком остальному миру. Говорил он вроде бы сухую ерунду, смущая, однако, собеседника своими, казалось бы, совершенно нелепыми высказываниями.

Шутил как-то вскользь, мимоходом, меняя предмет разговора, прежде чем до тебя доходил смысл шутки. У него был ужасный слуга — не то камердинер, не то секретарь, — такой, о каких студенту приходилось только в книгах читать. От одного его молчаливо-критического взгляда кровь стыла в жилах, но Паркер, судя по всему, отлично его переносил, что заставляло пересмотреть первое впечатление о Паркере в лучшую сторону. Видимо, Паркер был более привычен к обществу знаменитостей, чем это могло показаться сначала. «Интересно, — подумал студент, — сколько стоит ковер, на который Паркер так беспечно стряхивает пепел своей сигары»? Отец студента, мистер Пигготт, был обивщиком мебели (фирма «Пигготт и Пигготт», Ливерпуль), и студент достаточно хорошо разбирался в коврах, чтобы понять: о цене этого ковра можно лишь почтительно догадываться.

Повернув голову в сторону лежавшей на кушетке шелковой подушки, студент подумал, что впредь, наверное, стоит бриться чаще и тщательнее. Сама кушетка казалась непомерно большой, но была тем не менее очень уютной. Станным образом кушетка гармонировала со своим хозяином: лорд Питер был человеком невысоким, скорее даже ниже среднего роста, но каким-то очень *соразмерным*, и студент со своими шестью футами тремя дюймами чувствовал себя вульгарно напористым, как слишком пышные гардины в гостиной его матери. Но никакого неудобства студент не испытывал: с ним были очень доброжелательны, никто не умничал и не смеялся над ним. Огромные книжные полки по стенам библиотеки поначалу напугали студента, а на столе он увидел настоящий средневековый том Данте *in-folio*, но хозяин и мистер Паркер с интересом и без всякого высокомерия поговорили со студентом и о тех книгах, которые (когда удавалось) читал он сам, — ему нравились любовные романы и детективные истории, — и внимательно выслушали его. Правда, и о книгах лорд Питер говорил как-то

насмешливо, будто автор рассказал ему все, когда книга еще не была закончена, но слушать его было очень интересно. Такая манера разговора почему-то напомнила студенту, как старый Фрэк, его профессор, разбирает по частям тело умершего.

— Что мне не очень нравится в детективах, — сказал мистер Пигготт-младший, — это как свидетели припоминают каждую мелочь, которая случилась с ними в последние полгода. Они всегда помнят, что и во сколько случилось, шел дождь или нет и что они сами делали в тот момент... Рассказывают, как будто читают наизусть стихотворение. Но в реальной жизни так не бывает, верно, лорд Питер? — Лорд Питер улыбнулся, а молодой Пигготт, смутившись, обратился за поддержкой к более старому знакомому: — Вы понимаете, о чем я, Паркер? Ведь правда, один день бывает так похож на другой. Я, например, еще могу вспомнить вчерашний, но не сумею даже под угрозой расстрела рассказать, что делал на прошлой неделе!

— Разумеется, — ответил Паркер. — Показания в полицейских протоколах тоже выглядят абсолютно невероятно. Но записывают их, по правде говоря, не совсем так, как произносят. Думаю, что человек никогда сразу не скажет следующее: «В прошлую пятницу я вышел из дома в 10 часов утра, чтобы купить баранью отбивную. Поворачивая на Мортимер-стрит, я заметил девушку приблизительно двадцати двух лет, с черными волосами и карими глазами, одетую в зеленый джемпер, клетчатую юбку, соломенную шляпку и черные туфли. Она ехала на велосипеде марки «Роял Санбим» со скоростью около десяти миль в час и на углу, у церкви Святого Симона и Святого Иуды, совершила запрещенный поворот в сторону рыночной площади». В сущности, все совершенно правильно, но представьте себе, сколько вопросов пришлось задать свидетелю чтобы вытянуть из него полезные сведения.

— А в коротких рассказах, — сказал лорд Питер, — ход событий нужно передать в еще более сжатой форме, потому как реальные разговоры и диалоги столь скучны и утомительны, что ни у кого не хватит терпения прочитать их до конца. Если писатель хочет, чтобы у него были читатели, нужно учитывать их психологию, понимаете?

— Конечно, — согласился Пигготт, — но я уверен, что большинству людей очень трудно вспомнить какое-нибудь событие подробно, даже если задавать «правильные» вопросы. Свидетели — это же не детективы, они обычные средние люди, не особенно умные, вроде меня или вас.

— Совершенно верно, — сказал лорд Питер, улыбаясь и наблюдая, как двусмысленность последней фразы постепенно доходит до сознания ее автора. — И вы хотите сказать, что если я буду задавать вам вопросы о том, что вы делали, ну, скажем, неделю назад, то почти ничего не сможете вспомнить?

— Да, уверен, что почти ничего! — Пигготт немного подумал. — Нет, подождите. Я, видимо, как обычно, был в больнице. Если это был вторник, то по вторникам у нас бывают лекции, по какому предмету была лекция в тот вторник — убейте меня, если я помню. Вечером я гулял с Томми Принглом. Хотя нет, это было, наверное, в понедельник. Или в среду? Говорю вам, что не могу с уверенностью вспомнить все это!

— Вы несправедливы к себе! — веско сказал лорд Питер. — Я не сомневаюсь, что вы способны очень подробно вспомнить, например, какую работу выполняли в секционной в прошлый вторник.

— Бог мой, да нет же! Вообще-то я, может, кое-что и вспомню, если буду долго думать, но поклясться в этом уж точно не смогу.

— Ставлю полкроны против шестипенсовика, — заявил лорд Питер, — что вы вспомните все за пять минут.

— Не может быть!

— Посмотрим. Вы ведете дневник ваших работ в секционной? Какие-нибудь схемы, рисунки, наброски?

— Конечно!

— Подумайте про этот дневник. Какую последнюю запись вы сделали?

— Ну, это легко! Сегодня утром я занимался мышцами ноги.

— Хорошо, ну а кто был, гм... объектом?

— Какая-то старушка из бедняков, умерла от воспаления легких.

— Ладно. Теперь мысленно перелистайте страницы вашего дневника назад. Что было до этого?

— Перед этим были животные, тоже ноги — я сейчас занимаюсь двигательными мышцами. Так, значит, это было демонстрационное занятие старого Каннингэма по сравнительной анатомии. Я сделал неплохую работу по ноге зайца, лягушки и рудиментам ног у змеи.

— Отлично. По каким дням мистер Каннингэм проводит занятия?

— По пятницам.

— Пятница? Хорошо, листаем дальше назад. Что было еще раньше?

Мистер Пигготт покачал головой.

— Ваши зарисовки ног начинаются на правой или левой странице? Попытайтесь вспомнить, где находится самая первая?

— Да, точно! Я даже вспомнил дату на самом верху страницы! Это участок мышцы задней ноги лягушки, нарисованный на правой стороне!

— Хорошо. Теперь представьте себе дневник, раскрытый на этой странице. А что напротив, на левой половине тетради?

Этот вопрос потребовал некоторых размышлений, но через пару секунд Пигготт сказал:

— Это что-то круглое, нарисовано цветным карандашом... это кисть руки!

— Отлично. Значит, вы работали последовательно над мышцами кистей и рук, а потом ног и стопы?

— Точно! Там еще есть зарисовки мышц предплечья!

— Так вы сделали их в четверг?

— Нет! По четвергам у нас нет занятий в анатомичке.

— Значит, это было в среду?

— Да, наверное, в среду. Точно, в среду! Мы еще перед этим занятием, утром, наблюдали больных столбняком. Я сделал эти зарисовки в среду после полудня, помню даже, что вернулся, чтобы закончить их. Не очень часто случается, чтобы приходилось так много работать, поэтому я и запомнил.

— Значит, вы вернулись, чтобы закончить эти рисунки, в среду. Тогда когда же вы их начали?

— Накануне, конечно!

— Накануне? То есть это был вторник?

— Дайте сообразить.... Ну да, перед средой всегда бывает вторник, значит — во вторник.

— Чудесно. Это была мужская или женская рука?

— Мужская!

— Итак, в прошлый вторник, неделю назад, вы занимались в анатомичке препарированием мужской руки. Гоните шесть пенсов, приятель!

— Боже правый! Вот это да!

— Подождите, это еще не все. Вы помните о том дне еще многое, даже представить себе не можете, как много вы помните. Вы знаете, что за человек был обладателем руки.

— Да я никогда не видел его... э... целиком, понимаете? Я еще в тот день немного опоздал. Я просил, чтобы мне специально оставили руку, я не очень хорошо разобрался с мышцами руки. Ну и Уаттс, наш ассистент, обещал отложить для меня одну.

— Хорошо. Вы немного опоздали и увидели, что ваша... то есть не ваша, а предназначенная для вас рука уже дожидается вас. Вы начинаете работать: берете нож-

ницы, разрезаете кожу, отворачиваете и фиксируете ее. Какая это была кожа — молодая, здоровая?

— О нет, совсем нет. Обычная кожа, думаю, с темными волосками, точно помню — с волосками!

— Так. Крепкая, жилистая рука с небольшим количеством жира?

— Нет! Я еще, помню, был недоволен: мне была нужна действительно крепкая рука с развитой мускулатурой, а та оказалась, напротив, слабая, и жира было достаточно много.

— Значит, рука мужчины, который мало занимался физическим трудом?

— Получается, что так.

— Вы разрезали руку и сделали зарисовку, правильно? А вы не заметили, скажем, мозолей?

— Нет, ничего похожего на мозоли не было.

— А как по-вашему, это была рука молодого человека? С плотными тканями и необыкновенно подвижными суставами?

— Нет.

— Может быть, рука старика — вялая и с плохой подвижностью?

— Нет, я бы сказал, рука человека среднего возраста, с признаками ревматизма — в суставах были такие, знаете, отложения, и пальцы немного опухшие.

— Значит, мужчина лет пятидесяти.

— Да, что-то около этого.

— Так, другие студенты тоже работали с этим телом?

— Да, конечно.

— Ну и, как водится, отпускали разные шуточки, верно?

— Да уж, это как всегда!

— Не вспомните ли какую-нибудь? Кто у вас, так сказать, главный шутник?

— Томми Прингл.

— А чем занимался Томми Прингл?

— Не помню.

- А где было его рабочее место?
- Рядом со шкафом с инструментами, за столом «С».
- Хорошо. Представьте себе мысленно Томми

Прингла...

Пигготт внезапно рассмеялся:

— Я вспомнил: Томми Прингл сказал, что старый Абрам...

- Почему он назвал его «Абрамом»?
- Не знаю. Но он так сказал, я точно помню!
- Может, он был похож на еврея? Вы видели его голову?

— Нет.

— А кто работал с головой?

— Не знаю. Хотя нет, стойте, знаю! Старый Фрэк схватил голову и сам с ней возился, а Попрыгунчик Бинн обиделся, потому что раньше старый жмот обещал голову ему.

— Понятно. Ну и что сэр Джулиан делал с головой?

— Он подозревал нас и продемонстрировал кровоизлияние и нервные поражения.

— Ясно. Вернемся к Томми Принглу.

Шутка Томми была повторена, хотя и с некоторым смущением.

— Это все? — спросил лорд Питер.

— Нет. Приятель, который работал вместе с Томми, сказал что-то о последствиях переедания.

— Значит, можно сделать вывод, что напарник Томми интересовался пищеварительным трактом.

— Да, и еще Томми сказал, что если бы он знал, что его будут так кормить, он сам попросился бы в рабочий дом.

— Этот человек был бедняком из рабочего дома?

— Да, получается, что так.

— Бедняки из рабочего дома обычно хорошо упитанные?

— Нет, конечно же нет!

— Значит, Томми Прингла и его приятеля удивил тот факт, что мужчина из работного дома не соответствовал, так сказать, обычным представлениям о бедняках?

— Да.

— Если пищеварительный тракт привлек такое внимание этих двух джентльменов, могу ли я предположить, что смерть субъекта наступила вскоре после плотной еды?

— Да, конечно! Он, наверное, хорошо поел, правда?

— Не знаю, — ответил лорд Питер, — это уж вам, медикам, судить. Вы делаете умозаключения, исходя из того, что слышали от своих приятелей.

— Ну конечно, без сомнения!

— Вы не ожидали бы от них таких замечаний, если бы субъект, к примеру, долго болел или питался какой-нибудь дрянной похлебкой?

— Конечно, нет.

— Вот видите, вы действительно много вспомнили. Итак: во вторник на прошлой неделе вы препарировали мышцы предплечья ревматика-еврея среднего возраста, который вел сидячий образ жизни и умер вскоре после того, как плотно поел, в результате травмы, вызвавшей кровоизлияние, нервные повреждения и так далее, и который предположительно поступил в больничный морг из работного дома?

— Да.

— И вы могли бы изложить все эти факты под присягой, если потребуется?

— Если вы таким образом ставите вопрос... да, полагаю, мог бы.

— Конечно, могли бы.

Некоторое время мистер Пигтотт размышлял, а потом неуверенно произнес:

— Вы хотите сказать, что я все это знал, верно?

— Без сомнения, знали, и очень даже хорошо, как раб Сократа.

— А кто это?

— Герой книжки, которую я читал в детстве.

— Это случайно не «Последние дни Помпеи»?

— Нет, это другая книжка, вы, верно, ее не читали, и очень хорошо — она страшно скучная.

— Я вообще-то не очень много читал, кроме, пожалуй, Фенимора Купера в школе. А выходит, что у меня очень хорошая память?

— У вас память гораздо лучше, чем вы сами об этом думаете.

— Тогда почему я плохо запоминаю медицинские предметы? Сведения просто куда-то исчезают, как сквозь дырявое сито.

— Действительно, почему? — Лорд Питер повторил вопрос, стоя на коврике у камина и улыбаясь своему гостю.

— На экзаменах вопросы задают совсем по-другому, не так, как вы.

— В самом деле?

— Ну да, они требуют, чтобы я сам все вспомнил. А это чертовски трудно. Просто зацепиться не за что, понимаете? Но послушайте, откуда вы знаете, что Томми Прингл — шутник и что...

— Я понятия не имел, пока вы мне это сами не сказали!

— Нет, я о том, почему вы спросили, был ли он там? То есть я хочу сказать... — Мистер Пигготт явно терял логическую нить событий. — Слушайте, это вы такой умный или я такой глупый?

— Нет-нет, — сказал лорд Питер, — это моя дурная привычка задавать такие глупые вопросы, что все начинают думать: «Что он хочет этим сказать?»

Для мистера Пигготта это оказалось даже слишком сложным.

— Не обращайтесь внимания, — мягко заметил ему Паркер, — он всегда такой, просто не умеет по-другому. Это проявления раннего старческого маразма, часто наб-

людаемого в семьях потомственных законодателей. Уимзи, вы бы лучше сыграли нам что-нибудь из оперы!

— Неплохо, правда? — сказал лорд Питер, когда мистер Пигготт убыл домой после приятно проведенного вечера.

— Боюсь, что так, — ответил Паркер. — Хотя выглядит это абсолютно невероятным.

— Нет ничего невероятного в человеческой натуре, по крайней мере в образованной человеческой натуре. Вы уже получили ордер на эксгумацию?

— Получу завтра утром. А после полудня я собираюсь съездить в рабочий дом — повидаться и поговорить с людьми.

— Вы правы. А я, пожалуй, поделюсь новостью с матушкой.

— Я начинаю чувствовать себя подобно вам, Уимзи. Мне не нравится эта работа.

— А мне она теперь нравится гораздо больше, чем раньше.

— Вы уверены, что мы не совершаем ошибки?

Лорд Питер подошел к окну и задумчиво посмотрел на освещенную Пиккадилли сквозь щель в неплотно задернутых занавесках. Повернувшись к Паркеру, он проговорил:

— Если мы ошибаемся, то узнаем об этом уже завтра и никому не причиним вреда. Но я думаю, что вы получите достаточно подтверждений уже сегодня по пути домой. Послушайте, Паркер, на вашем месте я бы остался ночевать здесь. У меня есть свободная спальня, и я запросто могу приютить вас.

Паркер посмотрел на него с удивлением:

— Вы думаете, что на меня могут напасть?

— Считаю весьма вероятным.

— Кто-то стоит на улице?

— Сейчас нет, но полчаса назад стоял.

— Когда уходил Пигготт?

— Да.

— Надеюсь, что парню ничего не угрожает.

— Хотелось бы надеяться на лучшее. Во всяком случае, я не думаю, что кто-нибудь может предположить, сколько всего порассказал нам Пигготт. Но и вы и я в опасности. Вы остаетесь?

— Черта с два! Уимзи, почему я должен прятаться?

— Паркер, вы должны были спрятаться, если бы поверили мне, а вы не верите. Вы до сих пор сомневаетесь, на правильном ли я пути, поэтому Бог с вами, *ступайте с миром*, но потом не говорите, что я вас не предупредил.

— Не скажу и, умирая, успею прошептать, что вы меня убедили.

— Ладно, только не идите пешком, возьмите такси.

— Хорошо, именно так я и сделаю.

— И не берите никого в попутчики.

— Никого!

Паркер вышел в сырую неуютную ночь. На углу квартала остановилось такси, и из него вышла компания, очевидно, вернувшаяся из театра. Паркер помахал рукой, такси подъехало, но не успел он продиктовать шоферу адрес, как из переулка торопливо вышел мужчина в вечернем костюме и плаще и, увидев такси, отчаянно замахал руками.

— Сэр, подождите, умоляю вас! О боже, это вы, мистер Паркер, какая удача! Будьте столь любезны — меня вызвали из клуба — больной приятель — такси не поймать — все едут домой после театра — если позволите, с вами — вы же в Блумсбери? — мне нужно на Расселсквер — вопрос жизни и смерти...

Он говорил, еле переводя дыхание, как будто прибежал издалека. Паркер тут же вышел из машины.

— Очень рад, что могу оказать вам услугу, сэр Джулиан, — сказал он, — берите такси. Я дойду до Крэйвен-

стрит пешком, я не тороплюсь. Пожалуйста, воспользуйтесь моим такси.

— Это так любезно с вашей стороны, мне, право, так неудобно...

— Все в порядке, — подтвердил Паркер. — Я могу подождать. — Он помог Фрэку сесть в такси. — Как вы сказали? Шофер, Рассел-сквер, 24, и будьте осторожны!

Такси отъехало, а Паркер поднялся по ступеням и позвонил в дверь лорда Питера.

— Спасибо за приглашение, старина. Пожалуй, я все же останусь.

— Заходите, — сказал Уимзи.

— Вы все видели? — спросил Паркер.

— Кое-что. А что именно произошло?

Паркер рассказал.

— Честно говоря, я поначалу думал, что вы немного сошли с ума, но теперь я уже не столь уверен в этом.

Питер рассмеялся:

— *Благословенны те, кто не видел, но уверовал*, — сказал он. — Бантер! Мистер Паркер остается на ночь.

— Послушайте, Уимзи, давайте посмотрим на все это с другой стороны. Где письмо Бантера?

Лорд Питер протянул Паркеру листки с диалогом в изложении Бантера. Паркер несколько минут молча перечитывал их.

— Знаете, Уимзи, у меня куча возражений по поводу этой идеи.

— У меня тоже, старина! Именно поэтому я хочу раскопать историю этого бедняка из Челси. Но начнем с вас — выкладывайте ваши возражения.

— Ну...

— Послушайте, я не хочу притворяться, что могу заполнить все пробелы. Но у нас есть два загадочных происшествия, случившиеся в одну ночь, и длинная цепь, связывающая оба эти происшествия через конкретное лицо. Это чертовски странно, но не невозможно.

— Согласен. Но есть и пара крупных камней, о которые можно здорово споткнуться.

— Есть, но смотрите: с одной стороны, Леви исчез после того, как его видели в девять часов, когда он искал Принс Уэльс-роуд. С другой стороны, в восемь утра следующего дня мертвый мужчина, на первый взгляд похожий на Леви, обнаруживается в ванной дома на Квин Кэролайн. Леви, по собственному признанию Фрэка, собирался его, Фрэка, навестить. По сообщению, полученному из рабочего дома в Челси, мертвый мужчина, соответствующий описанию исходной внешности трупа из ванной, был доставлен в понедельник вечером тому же Фрэку. У нас есть Леви с прошлым, но без будущего, есть неизвестный бродяга с будущим (на кладбище), но без прошлого, и есть Фрэк, который стоит как раз между их прошлым и будущим.

— Выглядит вполне логично...

— Да, теперь дальше: у Фрэка есть мотив, чтобы убрать Леви — старая ревность.

— Очень старая — сомнительный мотив.

— Люди иногда способны и на такое. Вы думаете, что человек не может таить ревность двадцать лет? Но давайте отвлечемся от примитивной, грубой ревности, вспышка которой вызывает необдуманный поступок. Представим себе незаживающую рану уязвленного самолюбия или унижения, кровоточащую годами. У каждого из нас есть болевая точка, которую лучше не трогать. Есть у меня, есть и у вас. Какой-то умник сказал, что нет ничего страшнее отвергнутой женщины. Интересно, с чего вдруг бедняга решил приклеить ярлык к женщинам? Секс — вот самое уязвимое место любого мужчины — и не надо ерзать, вы знаете, что я прав; он способен выдержать разочарование, но не унижение. Когда-то я знал парня, отвергнутого (и довольно безжалостно) девушкой, с которой он был обручен. Он вроде бы пережил это несчастье и никогда не говорил о ней худого слова. Как-то раз я

спросил его, как сложилась ее судьба. «Она вышла замуж за другого. — И тут он буквально взорвался в истерике: — Боже мой! Только подумать — она бросила меня ради шотландца!» Я не знаю, почему он не любил шотландцев, но именно это постоянно подсыпало соли на душевную рану.

Но вернемся к Фрэку. Я читал его книги, со своими оппонентами он расправляется безжалостно. Он ученый, но не терпит оппонентов даже в своей сфере деятельности, где специалист его уровня просто обязан быть разумным и непредубежденным. Как вы думаете, способен такой человек признать поражение от мужчины по жизненно важному вопросу вне профессиональной области? Более того, в особо чувствительной для любого мужчины сфере. Как известно, люди бывают очень упрямыми в таких делах. Я, например, прихожу в ярость, когда кто-то оспаривает мое мнение о книге. А Леви, который был никем двадцать лет назад, врывается ниоткуда и с легкостью уводит девушку из-под самого носа Фрэка. И вовсе не из-за девушки будет переживать Фрэк, а из-за собственного аристократического носа, по которому так больно ударил этот выскочка, сын Авраама.

Далее. У Фрэка есть еще одна чувствительная область. Ему нравятся преступления. В своей книге по криминологии он торжествует, рассуждая о законченном убийце. Я читал и видел, как между строк проглядывает подлинное восхищение хладнокровным удачливым преступником. Он презирует и жертв, и раскаивающихся, и совершивших ошибку и пойманных на этом. Его герои — Эдмон де ла Поммерэ, убедивший любовницу стать соучастницей ее собственного убийства, и Джордж Джозеф Смит, скандально известный «убийца невест», который мог страстно любить молодую жену ночью, а утром привести в исполнение замысел убийства. Короче говоря, он считает, что совесть — своего рода червеобразный отросток, аппендикс. Отрежь его — и почувствуешь

себя гораздо лучше, никакие общепризнанные добродетели не будут тебя ограничивать или сдерживать.

Идем дальше: человек, приходивший в дом Леви под видом его самого, знал дом. Фрэк бывал в доме и знал его. Человек был светловолос и ниже ростом, чем Леви, но не намного, поскольку мог носить его одежду и не выглядеть при этом нелепо. Вы видели Фрэка и, полагаю, знаете его рост — около пяти футов одиннадцати дюймов, и помните его рыжеватую шевелюру. Он, вероятно, был в хирургических перчатках, Фрэк — хирург. Преступник был методичен и смел — хирург просто обязан быть и методичным и смелым. Теперь возьмем другой наш случай. Человек, засунувший тело в ванну мистера Типпса, должен был иметь доступ к мертвым телам — Фрэк, очевидно, имеет такой доступ. Он должен был быть хладнокровным, решительным и быстрым в своих манипуляциях с мертвецами — именно таковы хирурги. Он должен был быть сильным физически, чтобы пронести тело по крыше и спустить его в окно квартиры Типпса. Фрэк — мужчина крепкий, член клуба альпинистов. Убийца, вполне вероятно, был в хирургических перчатках и использовал для спуска тела с крыши хирургические перевязочные материалы; это опять указывает на хирурга. Этот человек, без сомнения, живет поблизости — Фрэк живет совсем рядом. Девушка-служанка слышала стук на крыше последнего дома. Этот дом — соседний с домом Фрэка. Всякий раз, как мы обращаем взгляд на Фрэка, он нас куда-то ведет, в то время как и Миллиган, и Типпс, и Кримплшэм, и все прочие, кого мы удостоили подозрением, не приводят нас никуда.

— Боюсь, все не так просто, — заметил Паркер. — Что, например, делал Леви у Фрэка в понедельник вечером?

— У вас же есть объяснение Фрэка.

— Чепуха, Уимзи! Вы же сами сказали, что оно ничего не проясняет.

— Отлично! Не проясняет, следовательно, Фрэк лжет. Зачем, если ему нечего скрывать?

— Но почему тогда он вообще поднимал эту тему?

— Потому, что Леви, против всех ожиданий, видели на углу улицы. Эта случайность таила в себе серьезную угрозу для Фрэка, поэтому он предпочел заранее дать объяснение — пусть и довольно туманное. Конечно, он рассчитывал на то, что никому в голову не придет связать Леви и Баттерси-парк.

— Мы опять возвращаемся к тому же вопросу, Уимзи: зачем Леви туда пошел?

— Не знаю, но так или иначе он там оказался. А зачем Фрэк покупал перуанские нефтяные акции?

Теперь наступила очередь Паркера сказать «не знаю».

— В любом случае, — продолжал лорд Питер, — Фрэк ожидал его и сделал все, чтобы самому встретить его и чтобы Каммингс не увидел посетителя.

— Но посетитель ушел в десять часов.

— О, Чарльз, от *вас* я этого не ожидал. Это же чистой воды иллюзия! Кто видел посетителя уходящим? Кто-то сказал «спокойной ночи» и пошел вдоль по улице, и вы полагаете, что это был Леви, потому что Фрэк не соблаговолил признать, что это был *не* Леви?

— Вы думаете, что Фрэк бодро вышел из дома и отправился на Парк-Лэйн, оставив Леви — живым или мертвым, — чтобы его нашел Каммингс?

— Каммингс сказал, что он ничего больше не видел и никого не нашел. Через несколько минут после того, как шаги на улице стихли, Фрэк позвонил из библиотеки в колокольчик и велел Каммингсу запирать дом на ночь.

— Тогда....

— Тогда в доме есть, полагаю, запасной выход (или вход) — да вы же знаете, что он есть, Каммингс говорил о нем, — в больницу.

— Но где же был Леви?

— Леви поднялся в библиотеку и больше *не спускался*. Вы были в библиотеке у Фрэка, Паркер? Куда бы вы поместили Леви?

— В спальню — она рядом с библиотекой.

— Вот там Леви и был.

— А если предположить, что может войти слуга, что-бы приготовить постель?

— Постель готовила горничная, и раньше десяти часов.

— Так... Но Каммингс слышал, как Фрэк ходил по дому всю ночь.

— Он слышал, как Фрэк входил и выходил два или три раза, и это было обычным делом.

— Вы хотите сказать, Уимзи, что Фрэк ухитрился проделать все это до трех часов утра?

— А почему нет?

— Очень быстрая работа.

— Что ж, назовем это так. Между прочим, почему именно до трех? Каммингс не видел его до тех пор, пока не подал ему завтрак в восемь часов.

— Но он принимал ванну в три часа.

— Я не говорю, что он не возвращался с Парк-Лэйн до трех часов. Но не думаю, что Каммингс заглядывал в замочную скважину ванной, чтобы посмотреть, кто там моется.

Паркер еще немного подумал.

— А что насчет пенсне Кримплшэма? — спросил он.

— Это действительно непонятно, — ответил лорд Питер.

— А почему именно ванная Типпса?

— В самом деле, почему? Возможно, просто случайность, а возможно — дьявольское коварство.

— Вы думаете, Уимзи, что вся эта сложная схема могла быть осуществлена за одну ночь?

— Вовсе нет. Она зародилась в тот момент, когда человек, похожий на Леви, попал в работный дом. У исполнителя было несколько дней в запасе. Фрэк выдал себя во время слушаний. Он и Гримболд разошлись

во мнениях по поводу того, как долго потерпевший был жив после травмы. Если обычный врач, в нашем случае Гримболд, решается открыто не согласиться с таким авторитетом, как Фрэк, это значит, что он абсолютно уверен в своей правоте.

— Если верить вашей теории, Фрэк совершил ошибку?

— Да, правда, очень незначительную, — подтвердил лорд Питер. — Он с излишней предосторожностью старался не допустить, чтобы некая последовательность мыслей и выводов пришла кому-нибудь в голову, скажем, доктору работного дома. Он рассчитывал на то, что люди обычно не задумываются во второй раз о том (в данном случае об умершем), что уже рассмотрено и объяснено.

— Что же заставило его потерять голову?

— Цепь непредвиденных случайностей. Леви случайно увидели; сын моей матушки по глупости объявил через «Таймс», что связан с загадкой в Баттерси; инспектор Паркер, чья фотография позже появилась на страницах прессы, был замечен сидящим рядом с герцогиней Денверской на слушании... Для Фрэка задачей жизненной важности было не допустить соединения двух линий дела. А они проходили очень близко друг от друга, буквально бок о бок. Многие преступники погорели на излишней предусмотрительности.

Паркер молчал.

ГЛАВА 11

— Господи, ну и туман! — сказал лорд Питер.

Паркер, надевая плащ, проворчал что-то в ответ.

— Мне доставляет огромное удовлетворение, — продолжал его светлость, — что при нашем сотрудничестве вся неинтересная рутинная работа достается вам.

Паркер хмыкнул.

— Каких-нибудь трудностей с ордером на арест не ожидается?

Паркер снова хмыкнул.

— Полагаю, вы побеспокоились о том, чтобы держать все в секрете?

— Конечно.

— И убедили молчать тех, в работном доме?

— Конечно.

— И полицию?

— Да.

— Если вы этого не сделали, некого будет арестовывать.

— Дорогой мой Уимзи, вы на что намекаете, что я дурак?

— На это я вовсе не надеюсь.

Паркер хмыкнул в последний раз и поспешно отбыл по своим делам.

Лорд Питер уселся поудобнее и попытался углубиться в чтение Данте, но успокоения это ему не принесло. В карьере частного детектива лорду почему-то мешало образование, полученное им в закрытых частных шко-

лах. Несмотря на нравоучения Паркера, он не всегда мог сбросить это со счетов. Еще в ранней юности его разум был испорчен «Рассказами о Шерлоке Холмсе» и теми чувствами и принципами, которые они утверждали. Кроме того, он принадлежал к семейству, которое никогда не подстрелило ни одной лисы.

— Я любитель! — вздохнул лорд Питер.

Тем не менее общение с Данте помогло ему составить план дальнейших действий.

После полудня лорд Питер оказался на Харли-стрит. Сэр Джулиан Фрэк консультировал по поводу нервных заболеваний по вторникам и пятницам с двух до четырех. Лорд Питер решительно нажал на звонок.

— Вам назначено, сэр? — спросил привратник, открывший дверь?

— Нет, но не передадите ли вы сэру Джулиану мою карточку? Возможно, он примет меня без предварительной договоренности.

Лорд Питер вошел в большую красивую приемную, где в ожидании целительной консультации расположились пациенты сэра Джулиана. Народу было много. Три модно одетые дамы уютно устроились в углу, обсуждая одновременно магазины и прислугу и поддразнивая комнатного грифона. Рядом с ними сидел крупный, чем-то озабоченный джентльмен, который очень нервничал и поминутно смотрел на часы. Лорд Питер узнал его — это был мистер Уинtringтон, миллионер, пытавшийся покончить с собой несколько месяцев назад. Он контролировал финансы пяти стран, но никак не мог справиться с собственными нервами, и теперь судьба финансов пяти стран оказалась в ловких руках сэра Джулиана. У камина сидел молодой человек с военной выправкой, примерно одних лет с лордом Питером. Неестественно выпрямившись, он бросал беспокойные взгляды в направлении даже самого легкого

шума. Лицо молодого человека было изборозжено ранними морщинами и выглядело очень усталым. На диванчике сидела скромно одетая женщина средних лет с маленькой девочкой, вялой, безразличной и молчаливой. Женщина смотрела на нее с почти безнадежной жалостью. Рядом с лордом Питером устроилась другая женщина, помоложе, и тоже с девочкой. У обеих были красивые, одинаково серые глаза и немного выступающие скулы славянского типа. Девочка, крутившаяся вокруг матери, случайно наступила лорду Питеру на ногу, и женщина, сделав дочке замечание по-французски, извинилась перед соседом.

— Mais je vous en prie, madame¹, — ответил лорд Питер, — ничего страшного.

— Она у меня очень нервная, pauvre petite², — сказала молодая женщина.

— Вы пришли проконсультироваться по этому поводу?

— Да, он замечательный, этот доктор. Представляете, месье, бедное дитя никак не может забыть свое прошлое. — Женщина придвинулась как можно ближе, чтобы девочка не слышала ее слов. — Мы бежали из голодной России всего шесть месяцев назад. Я вам не могу передать, — не дай бог, она нас услышит, и опять — крик, плачь, судороги — все снова. Когда мы приехали, мы были похожи на скелеты, но теперь нам уже гораздо лучше. Видите, она худенькая, но уже не умирает с голоду. Она выглядела бы еще лучше, но нервы — из-за них она не может как следует есть. Мы, кто постарше, забываем, enfin, on apprend a ne pas y penser³ — но дети, месье! Когда ты молодой, tout ça impressionne trop⁴.

¹ Прошу вас, мадам (франц.).

² Бедная малышка (франц.).

³ В конце концов, мы приучаемся не думать об этом (франц.).

⁴ Все слишком впечатляет (франц.).

Лорд Питер с удовольствием ответил ей на французском, на языке, который позволяет выразить сочувствие не только молчанием.

— Но сейчас ей намного лучше, — сказала женщина, — гораздо лучше! Прекрасный доктор, он творит чудеса!

— C'est un homme précieux¹, — согласился с ней лорд Питер.

— Ah, monsieur, c'est un saint qui opère des miracles! Nous prions pour lui, Natasha et moi, tout les jours. N'est-ce pas, chérie?² И представьте себе, месье, что он, cet grand homme, cet homme illustre³ все делает бесплатно. Когда мы приехали сюда, мы были полураздетые, нищие и умирали с голода. Et avec ça que nous sommes de bonne famille — mais hélas! monsieur, en Russie, comme vous savez, ça ne vous vaut que des insultes — des atrocités. Enfin!⁴ замечательный сэр Джулиан увидел нас и сказал: «Мадам, ваша малышка представляет собой очень интересный случай. Не говорите мне ничего, я буду лечить ее и не возьму с вас ни пенни, просто pour ses beaux yeux, — a-t-il ajouté en riant. Ah, monsieur, c'est un saint, un véritable saint⁵ и сейчас Наташе гораздо, гораздо лучше!

— Madame, je vous en félicite⁶.

— А вы, месье? Вы молоды и выглядите здоровым — что с вами случилось? Вы, наверное, воевали?

— Да, мадам, небольшие последствия контузии, — ответил лорд Питер.

¹ Чудесный человек (*франц.*).

² О месье, это святой, который творит чудеса! Мы молимся за него, Наташа и я, каждый день, правда, дорогая? (*франц.*).

³ Этот великий, выдающийся человек (*франц.*).

⁴ А ведь мы из хорошей семьи, но — увы! месье, в России, как вы знаете, это причина для оскорблений и жестокости. Наконец! (*франц.*).

⁵ Эти бедные красивые глазки стали радостными. О месье, он святой, настоящий святой! (*франц.*).

⁶ Мадам, очень рад за вас (*франц.*).

— О, я понимаю! Как жаль, столько молодых, храбрых мужчин...

— Сэр Джулиан может уделить вам несколько минут, милорд, прошу вас, — сказала медсестра.

Лорд Питер поклонился своей соседке и пересек приемную. Когда дверь кабинета закрылась за ним, он вдруг вспомнил, как вошел однажды, в чужом обличье, в штабную комнату германского офицера. Сейчас его охватило такое же паническое чувство — ощущение, что ты попал в ловушку и смесь осторожности и бравады.

Лорд Питер несколько раз видел сэра Джулиана издалека, но никогда — вблизи. И сейчас, подробно и честно излагая ему все обстоятельства последнего нервного приступа, лорд Питер одновременно внимательно изучал сидящего перед ним человека. Сэр Джулиан был выше ростом, чем Питер, очень широкоплечим, с удивительно длинными руками. Светлые пышные волосы, светлая борода. Лицо красивое, бесстрастное, даже безразличное, но с повелительным и фанатичным взглядом ярко-голубых глаз. Это не были спокойные и добрые глаза семейного врача, это были глаза вдохновенного ученого, видевшие все насквозь.

«Что ж, — подумал лорд Питер, — по крайней мере не нужно стараться быть слишком откровенным».

— Понятно, — сказал сэр Джулиан, — вы слишком напряженно работали, ломая голову над очень трудными задачами. Я бы даже сказал, перегружая свой мозг.

— Я столкнулся с необычайно трудными обстоятельствами.

— Эти возникшие обстоятельства были для вас неожиданными?

— Да, весьма неожиданными.

— И они следовали за периодом умственного и физического напряжения?

— Пожалуй, так, но ничего сверхъестественного и необычного.

— Ясно. Эти неожиданные обстоятельства носили... э... личный характер?

— Они требовали от меня немедленных решений и незамедлительных действий — в этом смысле их можно считать личными.

— Так. И вы, несомненно, должны были принять на себя некую ответственность?

— Да, очень серьезную ответственность.

— Ответственность за многих других, не только за себя?

— Это имело жизненно важное значение для одного человека, а косвенное — ко многим другим.

— Ясно. Это было как-то ночью, вы сидели в темноте?

— Сначала — нет, я думаю, что выключил свет гораздо позже.

— Вполне естественное действие. Вам было уютно и тепло?

— Кажется, огонь постепенно погас. Мой слуга сказал мне, что у меня стучали зубы, когда я вошел к нему.

— Понятно. Вы живете на Пиккадилли?

— Да.

— Наверное, шум транспорта мешает вам ночью?

— Да, очень часто.

— То решение, о котором вы говорите, — вы приняли его?

— Да.

— Вы осознавали это?

— Да.

— Вы решили предпринять действия, какими бы они ни были?

— Да.

— Полагаю, был какой-то период вашего бездействия?

— Относительного бездействия — да.

— Можно сказать, неопределенности?

— Да, конечно, неопределенности.

— Вероятно, этот период был связан с некоей опасностью?

— Нет, вряд ли, я тогда не думал об опасности.

— Это была одна из тех ситуаций, которые вы не могли применить к себе?

— Пожалуй, можно так сказать.

— Ясно. Часто ли повторялись подобные приступы в тысяча девятьсот восемнадцатом году?

— Да, в течение нескольких месяцев было совсем плохо.

— С тех пор они стали случаться реже?

— Намного реже.

— И когда был последний?

— Примерно девять месяцев назад.

— При каких обстоятельствах?

— Меня очень беспокоили некоторые семейные проблемы. Нужно было принять решение по поводу инвестиций, и ответственность в большой степени лежала на мне.

— Понятно. А в прошлом году вы, как я слышал, занимались какими-то полицейскими расследованиями?

— Да, это было дело о возвращении колье с изумрудами лорда Аттенбери.

— И вам пришлось много работать, так сказать, головой?

— Совершенно верно. Но мне всегда это очень нравилось.

— Не сопровождались ли ваши мозговые усилия какими-либо неблагоприятными последствиями для здоровья?

— Никаких последствий.

— Понятно. Вам было интересно, вы не испытывали особых затруднений?

— Именно так!

— Вам приходилось заниматься другими расследованиями?

— Да, иногда, по мелочи.

— Это не оказывало неблагоприятного влияния на ваше здоровье?

— Нисколько! Напротив, я брался за самые разные эти дела, чтобы как-то отвлечься. У меня случилась серьезная неприятность сразу же после войны, и это никак не повлияло на ухудшение моего состояния, знаете ли.

— Вот как! Вы не женаты?

— Нет.

— Понятно. Вы разрешите мне осмотреть вас? Подойдите поближе к свету и сядьте на стул. Я хочу видеть ваши глаза. Кто из врачей консультировал вас раньше?

— Сэр Джеймс Ходжес.

— Понятно. Это тяжелая утрата для медицины. Замечательный человек, настоящий ученый! Да... Благодарю вас. Теперь я хочу подвергнуть вас одному небольшому опыту.

— А что он даст?

— Он даст мне возможность судить о ваших нервных реакциях. Присядьте вот здесь.

Последовала серия чисто медицинских манипуляций, после чего сэр Джулиан сказал:

— Итак, лорд Питер, сейчас я расскажу вам кое-что о вас самом и постараюсь сделать это понятным языком, без латыни и прочего.

— Это очень любезно с вашей стороны, — сказал пациент. — Я ужасно туп, когда дело касается длинных, непонятных слов.

— М-да... Вы любите свой домашний театр, лорд Питер?

— Не очень, — ответил тот с искренним удивлением. — Как правило, это очень скучное занятие и оно не приносит мне удовлетворение. А почему вы меня спросили?

— Я подумал, что вам это могло бы нравиться, — сухо заметил доктор. — Стало быть, так. Вы, конечно, хорошо знаете, что та перегрузка, которой подверглась ваша

нервная система во время войны, оставила свои следы — я бы назвал их старыми ранами в вашем мозгу. Ощущения, полученные вашими нервными окончаниями, посылали сигналы в мозг и вызывали в нем мельчайшие физические изменения, которые мы только-только стали способны определять даже самыми чувствительными приборами. Эти изменения, в свою очередь, вызывают ощущения; если выразиться точнее, эти ощущения суть названия, которые мы даем изменениям в тканях, когда обнаруживаем их: мы называем их страх, ужас, чувство ответственности и так далее.

— Да, я понимаю вас.

— Отлично. Так вот, если вы вновь воздействуете на эти поврежденные точки в вашем мозгу, вы рискуете тем, что опять могут открыться старые раны. Любые раздражители, вызывающие страх, ужас или чувство ответственности, могут снова оказать разрушающее действие в виде физических изменений, которые будут ассоциироваться у вас с уже знакомыми ощущениями — угрозой немецких мин, ответственности за жизнь ваших солдат, напряженным вниманием, неспособностью различить слабые звуки сквозь грохот выстрелов... Этот эффект могут усиливать побочные обстоятельства, которые вызывают другие привычные ощущения — ночь, холод, грохот транспорта, например.

— Понятно.

— Ваши старые раны еще не полностью залечены. Обычная тренировка умственных способностей не будет иметь никаких отрицательных последствий. Негативный эффект возможен, если возбуждается поврежденный участок мозга. Вам следует избегать подобных ситуаций. И я бы сказал, лорд Питер, что вам следует научиться быть безответственным и быть спокойным в любых ситуациях.

— По мнению моих друзей, я итак слишком безответственный.

— Охотно верю! Чувствительный, нервический темперамент часто проявляет себя таким образом в силу особой живости и гибкости ума.

— Неужели?

— Именно так. А та особая ответственность, о которой вы упоминали, еще лежит на вас?

— Да, все еще лежит.

— Вы еще не завершили те действия, которые решили предпринять?

— Еще нет.

— Вы чувствуете себя обязанным довести начатое дело до конца?

— О да! Я не могу бросить его.

— Вы полагаете, что это потребует от вас дальнейших усилий?

— В какой-то мере да.

— И долго это может продолжаться?

— Думаю, что очень скоро все закончится.

— Это к лучшему, ваши нервы в самом деле не в лучшей форме. Ничего страшного, но вы должны проявлять разумную осторожность. Ну и, конечно, после всего вам нужен будет полноценный отдых. Как насчет Средиземноморья или каких-нибудь Южных Морей?

— Благодарю, я обязательно об этом подумаю.

— А пока, чтобы помочь вам справиться с самыми насущными трудностями, я дам вам кое-что для укрепления нервов. На длительный эффект, понятно, рассчитывать не приходится, но это должно помочь вам пережить трудный момент. Я выпишу вам рецепт.

— Благодарю вас!

Сэр Джулиан направился в хирургический кабинет, примыкавший к консультационному. Лорд Питер видел, как он подогревал что-то на спиртовке и писал. Через минуту он вернулся, держа в руках листок бумаги и шприц.

— Вот ваш рецепт. А если вы закатаете рукав, то я постараюсь облегчить вам напряженность текущего момента!

Лорд Питер послушно закатал рукав, и сэр Джулиан смазал кожу на предплечье йодом.

— Что вы собираетесь в меня вогнать? Какую-нибудь заразу?

Доктор рассмеялся.

— Не совсем, — сказал он, зажав кусочек кожи между указательным и большим пальцем. — Думаю, что вам уже делали такие уколы раньше.

— Делали, — подтвердил лорд Питер. Он заворуженно следил за спокойными пальцами доктора и приближающейся иглой. — Да, делали и раньше, — повторил он, — и меня это не особенно пугало.

Лорд Питер поднял правую руку и, как клещами, сжал запястье доктора.

Наступила тишина. Голубые глаза доктора застыли, затем медленно поднялись и столкнулись со взглядом серых глаз лорда Питера — таких же холодных и спокойных. Несколько секунд, сдерживая дыхание, два человека смотрели в лицо друг другу, затем сэр Джулиан расслабленно опустил руки и вежливым тоном проговорил:

— Разумеется, лорд Питер, как вам будет угодно.

— Боюсь, я поступаю очень глупо, — сказал лорд Питер, — но я никогда не мог спокойно переносить эту штуку. — Он кивнул в сторону руки доктора, все еще державшей шприц. — Однажды мне воткнули ее куда-то не туда, было больно, и я очень долго и отвратительно себя чувствовал. С тех пор я всегда нервничаю при уколах.

— В таком случае, — согласился сэр Джулиан, — лучше, конечно, обойтись без инъекции. Она может спровоцировать как раз те негативные ощущения, которых следует избегать. Вы будете принимать лекарство, которое я вам выписал, и постарайтесь по возможности свести к минимуму нынешнее напряжение.

— Я постараюсь, — пообещал лорд Питер, опуская и поправляя рукав. — Весьма вам признателен, доктор.

Если у меня снова возникнут трудности, я смогу обратиться к вам?

— Разумеется, — ответил сэр Джулиан, — только позвоните мне предварительно, у меня сейчас довольно напряженный режим работы. Надеюсь, ваша матушка хорошо себя чувствует? Я видел ее несколько дней назад на слушании по делу в Баттерси. Жаль, что вас там не было, вы определенно заинтересовались бы этим делом.

ГЛАВА 12

От мерзкого сырого тумана першило в горле при каждом вдохе и слезились глаза. Ноги скользили по мокрой глине, участок кладбища, где покоились останки безвестных бедняков, представлял собой зрелище жуткое и унылое.

Единственным утешением служило тепло старой шинели Паркера. Ему доводилось бывать и в более худших местах. Фигуры людей впереди тоже были в длинных плащах и передвигались, словно привидения.

— Осторожнее, джентльмены, — раздался из желтого полумрака чей-то невыразительный голос, — здесь где-то рядом открытая могила!

Сделав полшага вправо, лорд Питер чуть не упал, споткнувшись о кучу свежей глины.

— Не падайте, старина, — сказал Паркер.

— Где леди Леви?

— В покойницкой, там вместе с ней герцогиня. Ваша матушка просто чудо, Питер.

— Еще бы.

Бледно-голубой фонарь в руке кого-то из идущих впереди качнулся и застыл на месте.

— Пришли! — прозвучал голос.

В неверном свете фонаря замаячили две фигуры, словно сошедшие с иллюстрации к Дантовскому «Аду».

— Вы закончили? — спросил тот же голос.

— Почти, сэр, — демонические фигуры снова принялись за работу.

Кто-то громко чихнул. Паркер подвел лорда Питера к чихнувшему и представил их друг другу:

— Мистер Ливетт, представитель Министерства внутренних дел, лорд Питер Уимзи. Простите, что пришлось вытащить вас из дома в такой день, мистер Ливетт.

— Что поделаешь, работа! — хрипло сказал мистер Ливетт сквозь шарф, в который был закутан по самые глаза.

Привидение с черной бородой, возникшее с правой стороны, представилось само: управляющий работным домом.

— Печальная история, лорд Питер! Надеюсь, вы простите мне надежду на то, что вы и мистер Паркер, возможно, ошибаетесь.

— Я бы тоже хотел на это надеяться!

Что-то очень тяжелое и скрипучее поднималось из земли.

— Ровнее держите! Вот сюда, видите? Осторожно, тут рядом еще две могилы! Готовы?

— Да, сэр! Вы идите вперед с фонарем, а мы — за вами.

Тяжело и неуклюже они двинулись вслед за пятном света. Лорд Питер протянул руку, схватился за рукав плаща:

— Это вы, старина? О, прошу прощения, мистер Ливетт, я думал, что это Паркер.

— Эй, Уимзи, я здесь!

Еще могилы по сторонам, покосившийся надгробный камень, скользкая мокрая трава, хруст гравия под ногами.

— Сюда, джентльмены, прошу осторожно, здесь ступенька!

В покойницкой шипящие газовые фонари тускло освещали мрачные стены темного кирпича, а также присутствующие две женские фигуры в черном одеянии и доктора Гримболда. Гроб поставили на стол с тяжелым стуком.

— Эй, Билл, отвертка у тебя? Давай ее сюда. Да поосторожней ты со своей железкой! Простите, сэр, доски больно тонкие!

Долгий скрипучий звук, еще один, треск. Всхлипывания. Голос герцогини, мягкий, но строгий:

— Тихо, тихо, Кристина! Ты не должна плакать!

Тихое бормотание. Дантовы демоны удаляются, покачиваясь, — добрые славные демоны в вельветовых штанах.

Голос доктора Гримболда — спокойный и бесстрастный, как в кабинете:

— Итак, вы готовы, мистер Уингейт? Благодарю вас, да, лампу сюда, на стол. Мистер Ливетт, не зацепитесь локтем за шнур. Может, вам стать с этой стороны? Очень хорошо!

Яркое пятно света от электрической лампы осветило стол, очки и бороду доктора Гримболда. Мистер Ливетт высморкался, Паркер придвинулся ближе, управляющий работным домом заглянул через его плечо. Газовые фонари тихо шипели.

— Нам очень не хотелось бы, — продолжал доктор Гримболд, — причинять вам лишние страдания, леди Леви. Если бы вы могли указать нам конкретно, *что* искать... Да? Конечно, и что еще? Золотая пломба? Предпоследний справа внизу? Да. Все остальные целы? Так, еще? Какая родинка? На левой стороне груди? Где еще? Под шрамом от аппендицита? Так. Понимаю. Шрам на руке? Да, конечно. Что? Ах, артрит... Благодарю вас, леди Леви, все ясно. Пожалуйста, посидите, пока я не позову вас. Посветите сюда, Уингейт!

Пауза. Бормотание.

— Удален? Полагаете после смерти? Согласен. Где доктор Коулгров? Вы принимали пострадавшего в рабочем доме? Так. Вы узнаете?... Нет? Вы абсолютно уверены в этом? Да, мы не должны допустить ошибки... Да, но есть причины, по которым сэр Джулиан не мо-

жет присутствовать. Я спрашиваю *вас*, доктор Коулгров. Значит, вы уверены? Это все, что я хотел знать. Будьте добры, мистер Уингейт, перенесите лампу вот сюда! Эти скверные гробы так быстро пропускают влагу... А что вы можете сказать об этом? Да, здесь ошибки быть не может... Кто занимался головой? О, сам Фрэк, понятно... Да, они умеют это делать в больнице Святого Луки... Прекрасно, вы не находите, доктор Коулгров? Очень опытный хирург... Да, без сомнения! У вас есть под рукой полотенце? Благодарю вас, сэр... Да, на голову, а другое — сюда... Хорошо. Сейчас, леди Леви, я попрошу вас внимательно взглянуть на шрам и сказать, узнаете ли вы его. Я уверен, что вы сможете помочь нам — не торопитесь, вы не увидите ничего лишнего, только то, что должны увидеть!..

— Люси, пожалуйста, не оставляйте меня!

— Нет-нет, дорогая. Я здесь!

— О, да, да! Нет, я не ошибаюсь, вот этот изгиб... Я же его сотни раз видела... О, Рубен!

— Еще один момент, леди Леви. Родинка...

— Да, я думаю... да, это то самое место!

— Ясно. А шрам — в виде треугольника, чуть выше локтя?

— Да, да!

— Это он?

— Да!

— Я должен задать вам вопрос, леди Леви. Можете ли вы с уверенностью сказать по этим трем... э... деталям, что опознаете тело своего мужа?

— Да, конечно! Ведь ни у кого другого не могло быть точно таких же отметин на тех же самых местах, правда? Это мой муж, это Рубен. О!..

— Благодарю вас, леди Леви, вы очень мужественно держались и очень помогли нам.

— Но я... я не понимаю! Как он мог попасть сюда? Кто это сделал... весь этот ужас?

— Тише, тише, дорогая, успокойся! — увещевала герцогиня. — Его обязательно накажут!

— Но... Боже, какая жестокость! Бедный Рубен! Кто мог сделать такое? Можно я посмотрю на его лицо?

— Нет, дорогая, это невозможно, — сказала герцогиня, — пойдем, не будем отвлекать доктора, поедem домой. Мы вам больше не нужны, доктор Гримболд?

— Нет, герцогиня, хочу вас поблагодарить. Мы очень признательны леди Леви и вам за то, что вы все же смогли прийти.

Паркер, собранный и готовый оказать помощь, проводил женщин до ожидавшего их авто. Когда он вернулся, доктор Гримболд продолжил:

— Полагаю, лорд Питер Уимзи должен знать, что подтвердилась правильность его умозаключений... Очень болезненная сцена. Надо было это видеть... Да, на слушании я испытывал беспокойство... Но леди Леви — абсолютно ясное свидетельство — шокирующий случай... А вот и мистер Паркер. Вы и лорд Питер Уимзи оказались совершенно правы. Не могу поверить! Такой выдающийся человек... Да, как вы говорите, когда могучий ум поворачивается в сторону преступления... Взгляните сюда! Отличная работа, просто отличная! В нынешних обстоятельствах, конечно, производит мрачное впечатление... Вот, посмотрите, левое полушарие — и здесь тоже, через *corpus striatum*... след, абсолютно идентичный удару, наверное, хотел увидеть последствия нанесенного им удара... Желал бы я взглянуть на его мозги, мистер Паркер. Боже, лорд Питер, если б вы только знали, какой урон нанесен всей медицине — всему цивилизованному миру! Что? Можете ли вы просить меня? Разумеется, мой рот будет на замке, у всех у нас...

Обратный путь по кладбищенской земле. Снова туман и хруст мокрого гравия под ногами.

— Ваши люди готовы, Чарльз?

— Я уже отправил их, сразу, как только леди Леви села в машину.

— Кто еще с ними?

— Сагг.

— Сагг?

— Да. Бедняга. Его сегодня вызывали на ковер к начальству за то, что он чуть не провалил все дело. Все показания Типпса подтвердились, про ночной клуб я имею в виду. Даже нашли ту даму, которую он угощал джином, она его опознала. Было решено отпустить Типпса и девушку Хоррокс, а Саггу поставили на вид, что он превысил полномочия и что впредь ему следует быть более вдумчивым. Так что он будет вдумчивым, но не перестанет быть болваном. А вообще мне его жаль, ну не умеет он расследовать убийства...

— Или самоубийства. Ну да ладно, теперь не важно. Кто бы *туда* ни поехал, они не успеют. И Сагг ничем не хуже других.

Но Сагг — редкий случай в его практике — *успел*.

Паркер и лорд Питер сидели в доме номер 110А по Пиккадилли. Лорд наигрывал Баха, а Паркер просматривал томик Оригена¹, когда Бантер доложил о прибытии мистера Сагга.

— Мы взяли его, сэр, — сказал он.

— Боже! — воскликнул Питер. — Живым?

— Мы успели как раз вовремя, милорд. Мы позвонили и, как только дверь открыли, бросились наверх, в библиотеку. Он сидел и что-то писал, а когда мы вошли, то попытался схватить шприц, только мы оказались проворней, милорд. Мы не собирались позволить ему ускользнуть после всего, что он натворил. Его тщательно обыскали и отвели в участок.

¹ Ориген — раннехристианский философ и богослов из Александрии.

— Значит, он действительно в тюрьме?

— Да, милорд. Замки у нас крепкие, и за ним постоянно присматривают двое охранников, чтобы он не сделал чего с собой.

— Вы удивили меня, инспектор. Не хотите что-нибудь выпить?

— Спасибо, милорд. Должен сказать, что я очень благодарен вам: это дело могло кончиться для меня совсем плохо. И если я был невежлив с вашей светлостью....

— Все в порядке, инспектор, — поспешно ответил Питер. — Я вообще не понимаю, как вам все это удалось? Мне-то просто повезло, я узнал кое-что из других источников...

— Вот и Фрэк так же сказал. — Для инспектора знаменитый доктор уже стал обычным преступником — достаточно одной фамилии. — Когда мы взяли его, он писал полное признание на ваше имя, милорд. Полиция его, естественно, заберет, но поскольку оно адресовано вам, я захватил его с собой, чтобы вы его первым прочитали. Вот оно.

Инспектор протянул лорду Питеру объемистый документ.

— Благодарю. Хотите послушать, Чарльз?

— Конечно!

И лорд Питер начал читать вслух.

ГЛАВА 13

«Уважаемый лорд Питер!

В молодости я часто играл в шахматы со старым другом моего отца. Игроком он был очень слабым, не видел, когда мат неизбежен, и настаивал на том, чтобы доиграть партию до конца. У меня на это никогда не хватало терпения, и сейчас я прямо признаю, что эту партию вы выиграли. Я должен или остаться и ждать виселицы, или уехать за границу и жить в праздной и сомнительной безвестности. Предпочитаю признать поражение.

Если вы читали мою книгу *“Криминальное безумие”*, вы, вероятно, помните, что я писал: “В большинстве случаев преступник выдает себя некоторой ненормальностью, сопровождающей патологическое состояние его нервных тканей. Его умственная нестабильность проявляется в различных формах: чрезмерное тщеславие, заставляющее его хвастаться своими деяниями; несообразное ощущение важности совершенного им преступления, обусловленное религиозными представлениями и понуждающее к признанию; самовлюбленность, вызывающая чувство ужаса и сознание совершенного греха, побуждающая к паническому бегству и безразличию к оставленным следам; дерзкая самоуверенность, результатом которой становится пренебрежение самой обычной осторожностью, как, например, в деле Генри Уэйнрайта, который оставил мальчика у тела убитой женщины, а сам пошел искать такси, или же наоборот — нервное недоверие к восприятию событий

прошлого, что заставляет виновного снова возвращаться на место преступления, чтобы убедиться, что все следы, о которых он знает, тщательно уничтожены”. Смее утверждать, что полностью разумный человек, не находящийся в плену религиозных или иных предрассудков, всегда может избежать разоблачения, если, конечно, он не спешил или его расчеты не были нарушены абсолютно случайными совпадениями.

Вы так же хорошо, как и я, знаете, сколь успешно я проверил это утверждение на практике. Те два эпизода, которые подвели меня, не было никакой возможности предусмотреть. Первый — эта девушка, что случайно увидела Леви на Баттерси Парк-роуд, а это, в свою очередь, вызвало предположение о связи между двумя событиями. Второй — это то, что через Типпсов и вашу матушку вы узнали об этом деле еще утром во вторник, до того как полиция забрала тело, и что ваша матушка предположила мотив убийства на основании известных ей фактов моей биографии. Если бы я мог уничтожить эти два случайно возникшие обстоятельства, то, осмелюсь сказать, вы никогда бы не заподозрили меня, и уж давно не нашли каких-либо доказательств для суда.

Из всех человеческих эмоций, исключая, пожалуй, лишь голод и страх, только сексуальное влечение вызывает наиболее сильные и, при определенных условиях, наиболее стойкие реакции. Я думаю, однако, что с полным правом могу утверждать, что в то время, когда писал свою книгу, мой исходный чувственный импульс убить сэра Рубена Леви полностью видоизменился в силу моего образа мыслей. К чисто животному стремлению убить и примитивной человеческой жажде мести добавилось осознанное намерение обосновать свою собственную теорию, как для себя самого, так и для остального мира. Если бы все вышло так, как я планировал, то я поместил бы замечательный отчет о моем опыте в депозитарий Английского банка с указанием моим

душеприказчикам опубликовать его после моей смерти. Теперь, поскольку случайность нарушила совершенство моего доказательства, я вверяю свой отчет вам, кого он наверняка заинтересует, и прошу сделать его доступным для научных кругов, отдав должное моей профессиональной репутации.

Подлинно важным фактором успеха в любом предприятии являются деньги и возможности; как правило, личность, имеющая первое, получает и второе. В начале своей карьеры, будучи вполне обеспеченным, я не мог полностью влиять на обстоятельства. Соответственно, я посвятил себя профессии и удовлетворился поддержанием дружеских связей с сэром Рубеном Леви и его семьей. Это позволило мне постоянно следить за его судьбой и интересами, чтобы к тому моменту, когда придет время действовать, я мог знать, какое оружие выбрать.

Все это время я прилежно изучал криминологию — по детективным историям и по фактам; моя работа по криминальному безумию явилась побочным результатом этих исследований. Я понял, основная проблема любого убийства — как избавиться от тела жертвы. Будучи врачом, я всегда имел под рукой средства причинения смерти, и тут я бы не допустил ошибки. Маловероятно, что я мог бы выдать себя из-за иллюзорного чувства несправедности содеянного. Единственную трудность составляло наличие связи между моей личностью и личностью будущей жертвы. Если помните, Майкл Финсбери, герой одного из занимательных романов Стивенсона, сделал такой вывод: “Людей приводит на виселицу неудачное стечение обстоятельств, подтверждающих виновность”. Мне стало ясно, что само по себе проживание рядом с загадочно появившимся трупом не может быть никому поставлено в вину, при условии, что никто не виновен в отношении *этого конкретного трупа*. Таким путем я уже давно пришел к мысли о замене одного

тела другим, хотя реальная возможность появилась у меня лишь после того, как я занял место в руководстве больницы Святого Луки, где я имел практически неограниченный выбор мертвых тел. С этого момента я тщательно отслеживал весь материал, поступавший в секционную.

Подходящий вариант появился лишь за неделю до исчезновения сэра Рубена, когда врач работного дома в Челси сообщил мне, что в то утро неизвестный бродяга получил травму при обрушении части строительных лесов; в результате этой травмы у него возникли интересные нервные и мозговые реакции. Я отправился туда, осмотрел пострадавшего и был просто поражен внешним сходством этого человека с сэром Рубеном. Удар пришелся по шее несчастного, сзади, сместив четвертый и пятый шейные позвонки и серьезно повредив спинной мозг. Вероятность того, что он выживет и не станет умственно или физически неполноценным, была крайне мала, и мне не представлялось целесообразным длительно поддерживать такое подобие жизни. До недавнего времени этот человек, по-видимому, был неплохо обеспечен, по крайней мере хорошо питался, но состояние его ног и одежды говорило о том, что он потерял работу, а в его нынешнем положении у него не было никакой надежды обрести ее вновь. Я решил, что он очень хорошо подходит для моих целей, и тут же запустил цепь финансовых сделок в Сити, которую давно уже запланировал. Кроме того, реакции пострадавшего, о которых говорил доктор работного дома, оказались действительно интересными. Я их тщательно изучил и организовал доставку пациента в свою больницу, где должны были быть сделаны остальные приготовления.

В четверг и пятницу той недели я приватным образом договорился с несколькими брокерами купить акции некоторых перуанских нефтяных компаний, кото-

рые упали в цене почти до стоимости оберточной бумаги. Эта часть моего эксперимента не стоила мне почти ничего, но я ухитрился вызвать этими действиями сильное любопытство и даже небольшое волнение на бирже. Естественно, я принял меры к тому, чтобы мое имя осталось неизвестным. В субботу и воскресенье у меня появилось опасение, как бы мой пациент не умер раньше, чем я буду к этому готов, но инъекции физиологического раствора помогли ему пережить эти два дня, а в воскресенье вечером у него даже появились симптомы, которые можно было расценить, как частичное возвращение сознания.

В понедельник утром на рынке наметилось оживление вокруг перуанской нефти. Поползли слухи о том, что кто-то что-то знает, и в тот день я оказался не единственным покупателем. Приобретя еще пару сотен акций уже на собственное имя, я оставил ситуацию развиваться дальше, как ей самой будет угодно. Перед полуднем я подготовил неожиданную встречу с Леви на углу у Мэнсон-хаус. Он выразил (как я и ожидал) удивление, встретив меня в этом районе, а я, в свою очередь, изобразил смущение и предложил угостить его ланчем. Затащив его в паб, находившийся несколько на отшибе, я заказал хорошего вина и выпил столько, сколько было, по понятиям Леви, достаточно, чтобы прийти в доверительное настроение. Я спросил его, как идут дела на бирже. Он ответил, что все в порядке, но выглядел не очень уверенно и спросил меня, чем я занимался на торгах. Я ответил, что играю понемногу на курсовой разнице и что кое-кто подсказал мне одну интересную комбинацию. Тут я с опаской оглянулся и подвинул свой стул ближе к нему.

— Думаю, что вы ничего не знаете о перуанской нефти, не так ли? — спросил я, еще раз огляделся кругом и, перегнувшись через стол, сказал почти шепотом: — Честно говоря, я кое-что знаю, но не хочу, чтобы

об этом прослышали. Я собираюсь сыграть на ней по крупному.

— А я слышал, что это пустышка, по ним дивиденды не выплачивали уже тысячу лет!

— Не выплачивали, но собираются, — утверждал я. — У меня есть информация из первых рук.

Он посмотрел недоверчиво, а я допил свой стакан и наклонился почти к самому его уху.

— Послушайте, я не собираюсь рассказывать каждому, что да как, но хочу оказать услугу вам с Кристиной. Вы знаете, Кристина всегда оставалась в моем сердце, еще с тех давних времен. Вы тогда обошли меня, ну а теперь моя очередь — я отплачу вам добром за зло!

Я сказал это возбужденно, и он решил, что я пьян.

— Это, конечно, очень мило, старина, — ответил он, — но я осторожная птица, всегда ею был. Мне нужны доказательства. — Тут он пожал плечами и стал похож на настоящего ростовщика.

— Я представлю вам доказательства, — сказал я, — только не здесь, тут небезопасно. Приходите ко мне сегодня вечером после обеда, и я покажу вам доклад.

— Как он к вам попал? — спросил он.

— Вечером расскажу. Приходите сразу после обеда, в любое время, скажем, после девяти часов.

— На Харли-стрит? — спросил он, и я понял, что он придет.

— Нет, на Принс Уэльс-роуд, в Баттерси; у меня есть кое-какие дела в больнице. И смотрите, — добавил я, — чтоб ни одна живая душа не знала, что вы собираетесь ко мне. Я сегодня купил пару сотен акций на свое имя, и об этом уже пошли слухи. Если вдобавок разнюхают, что мы с вами... В общем, кто-нибудь заподозрит, и тогда... Боюсь, что и здесь-то разговаривать небезопасно.

— Хорошо, — согласился он, — я никому ничего не скажу. Зайду часов в девять. Вы уверены, что это стоящее дело?

— Не сорвется! — твердо заверил я его. Сам я тоже так считал.

Мы распрощались, и я отправился в рабочий дом. Мой бродяга уже успел умереть около одиннадцати часов — я видел его сразу после завтрака и вовсе не удивился такому исходу. С администрацией рабочего дома мы выполнили все необходимые формальности, и я распорядился доставить тело ко мне в больницу около семи вечера.

После этого (в тот день у меня не было приема на Харли-стрит) я зашел к одному приятелю, который живет возле Гайд-парка, и узнал, что он собирается поехать в Брайтон. Мы выпили чаю, и я проводил его на поезд 17.35 с вокзала Виктория. Решив купить вечернюю газету, я пошел к киоску, но попал в толпу пассажиров, которые вышли из метро и спешили на пригородный поезд в 17.45, кажется до Баттерси-парк или Уэндеворт Коммон. Еле выбравшись, я поехал домой на такси и только дома с удивлением обнаружил чье-то пенсне с золотой цепочкой, запутавшейся в каракулевом воротнике моего пальто. С четверти седьмого до семи я просидел за столом, пытаясь состряпать нечто похожее на доклад, который надо было показать сэру Рубену.

В семь часов я пошел в больницу и встретил подъехавший к боковому входу фургон с телом из рабочего дома. Я велел сразу перенести его в секционный зал и сказал ординатору Уильяму Уаттсу, что собираюсь поработать ночью, лично занявшись этим новым телом (инъекции консерванта вызвали бы весьма нежелательные осложнения). Я отослал Уаттса заниматься своими делами, а сам вернулся домой и пообедал. Слуге я сказал, что буду работать вечером в больнице и что он может ложиться спать в половине одиннадцатого, как обычно, потому как я не знаю, сколь долго задержусь, — он привык к такой нерегулярности моей работы. У меня только два человека прислуги в доме на Баттерси: что-то

вроде камердинера и его жена, которая готовит еду. Всю остальную работу по дому выполняет приходящая уборщица. Спальня прислуги находится наверху и выходит окнами на Принс Уэльс-роуд.

После обеда я занялся бумагами в холле, а слуге, который убирал посуду, велел принести вина и сифон с водой и идти к себе. Леви позвонил в девять двадцать, и я сам открыл ему дверь. Слуга заглянул в холл из дальнего конца, но я сказал ему, что все в порядке, я сам займусь гостем. Леви был в пальто и вечернем костюме, с зонтом.

— Почему вы такой мокрый? — спросил я. — Как вы добрались?

— Автобусом, — ответил он, — балбес-кондуктор за-
был высадить меня в конце улицы, а там льет как из ведра и ничего не видно.

Я был рад, что он не приехал на такси, тем не менее слегка попенял ему за это.

— Ваша мелочность однажды погубит вас, — сказал я ему и был прав. В тот момент я еще не знал, что мелочи станут причиной и моей гибели, но, повторяю, я не мог предусмотреть все.

Я усадил Леви у камина и налил ему виски. Он был в хорошем расположении духа, потому что на следующий день собирался совершить какую-то очень выгодную сделку, связанную с Аргентиной. Минут пятнадцать мы поговорили о деньгах, а потом он спросил:

— Так что у вас есть насчет перуанских нефтяных? Какая-нибудь сказка?

— Совсем не сказка, — ответил я. — Пойдемте, сами посмотрите.

Мы поднялись наверх, в библиотеку. Я включил верхний свет и настольную лампу на письменном столе, усадил Леви в кресло, стоявшее спинкой к камину, и достал из сейфа бумаги, сочиненные мною пару часов назад. Он начал их читать, низко склонившись над столом из-за своей близорукости, а я подошел к камину. Когда я уви-

дел, что его голова находится в подходящем положении, я ударил его кочергой по шее, целясь в четвертый позвонок. Это было непростым делом — рассчитать силу удара так, чтобы убить его, не повредив кожу, но моего профессионального опыта оказалось достаточно. Леви издал лишь тяжкий вздох и почти без шума повалился на стол. Я поставил кочергу на место и осмотрел его. Шея была сломана, и он, безусловно, был мертв. Я перенес его в свою спальню и раздел. Закончил я все это приблизительно без десяти минут десять, потом спрятал тело под кровать, уже приготовленную ко сну, и убрал бумаги в библиотеке. Я спустился вниз, взял зонт Леви и вышел через дверь холла, крикнув «Доброй ночи!» настолько громко, чтобы прислуга обязательно услышала. Быстро пройдя по улице, я завернул за угол, через боковую дверь вошел в больницу и бесшумно вернулся в дом через свой личный коридор, соединяющий дом с больницей.

Нельзя было допустить, чтобы кто-нибудь заметил меня в этот момент, но я подкрался к черной лестнице и услышал, как кухарка разговаривает с мужем на кухне. Я прошел в холл, поставил зонт на место, поднялся в библиотеку и позвонил в колокольчик. Когда мой слуга пришел, велел ему закрыть дом на ночь, кроме двери, ведущей непосредственно в больницу. Пока он закрывал двери, я сидел в библиотеке, а в половине одиннадцатого услышал, как он вместе с женой поднялся наверх, в спальню. Подождав еще минут пятнадцать, я прошел в секционную, взял каталку, провез ее по проходу до двери дома и отправился за Леви. Конечно, было неудобно тащить его вниз, но я не мог рисковать, оставив его в одной из нижних комнат: вдруг слуга случайно сунул бы свой нос куда не надо, когда меня не было дома или когда он запирает двери. Но это все были мелочи по сравнению с тем, что мне еще предстояло.

Я положил Леви на каталку, отвез в секционную и положил на место бедняги из рабочего дома. Мне было

жаль расставаться с возможностью взглянуть на мозг этого несчастного, но я не мог позволить зародиться малейшим подозрениям. Несколько минут я потратил на то, чтобы подготовить Леви к препарированию, а потом перенес бедняка на каталку и повез обратно в дом. Было пять минут двенадцатого, и я решил, что прислуга уже в постели. Тело я перетащил в спальню; оно было достаточно тяжелым, но легче, чем Леви, а мой опыт альпиниста научил меня обращаться с тяжелым грузом. Здесь все дело в сноровке и в силе, а я человек вполне крепкий для своего возраста и роста. Тело я положил в постель: я хоть и не рассчитывал, что кто-то заглянет в спальню во время моего отсутствия, но, заглянув, этот кто-то увидел бы, по всей вероятности, меня спящим. Для верности я натянул одеяло немного поверх его головы, а сам разделся и надел костюм Леви, оказавшийся мне чуть великоватым. Не забыл я про очки, часы и другие мелочи.

Незадолго до половины двенадцатого я уже стоял на улице и ждал такси. В это время публика как раз возвращалась домой из театров, и я без труда поймал машину на углу Принс Уэльс-роуд и велел шоферу отвезти меня на угол Гайд-парка. Там я вышел, расплатился, дав хорошие чаевые, и попросил заехать за мной на это же место через час. Шофер согласился, понимающе ухмыльнулся и отъехал, а я пошел по Парк-Лэйн. Моя собственная одежда была в саквояже, я еще нес зонт Леви. Подойдя к дому № 9-А, я увидел свет в нескольких окнах наверху и понял, что пришел рановато, потому что Леви, вероятно, отпустил прислугу в театр. Я подождал несколько минут и услышал, как часы невдалеке пробили четверть первого. Почти сразу после этого свет в окнах погас, и я вошел в дом, открыв замок ключом Леви.

Сначала, когда я обдумывал план убийства, я намеревался представить дело так, будто Леви исчез из кабинета или столовой, оставив кучу одежды на коврик у камина.

То, что я случайно узнал об отсутствии леди Леви в Лондоне, сделало возможным представить исчезновение Леви еще более загадочным, правда, менее приятным для меня. Я включил свет в холле, повесил на вешалку мокрое пальто Леви и поставил на стойку его зонт. Потом я тяжело и шумно поднялся в спальню, выключив по дороге верхний свет параллельным выключателем на лестнице, — я хорошо знал дом Леви. Риска столкнуться с камердинером практически не было — Леви любил сам себя обслуживать. Он не докучал своему слуге лишней работой и никогда не требовал его присутствия ночью. В спальне я снял перчатки Леви и надел свои, хирургические, чтобы не оставить отпечатков. Поскольку я хотел создать впечатление, что Леви лег спать, как обычно, я просто улегся в его постель. Самый надежный и простой способ показать, что что-то было сделано, — сделать это. Постель, смятая руками, никогда не выглядит так, будто в ней на самом деле спали. Я решил не пользоваться щеткой для волос, поскольку мои волосы заметно светлее, чем у Леви, но все остальное я постарался проделать тщательно. Я подумал, что педантичный старина Леви должен выставить свои ботинки в коридор, чтобы слуга мог их почистить, и именно так и сделал. Мне следовало бы догадаться, что и одежду свою он тоже аккуратно складывал на стуле. Это была моя ошибка, хотя и несущественная. Вспомнив еще раньше про дантиста, я проверил рот Леви на наличие протезов, но их у него не оказалось, поэтому я не забыл намочить его зубную щетку.

В час пополуночи я встал и при свете карманного фонарика оделся в собственный костюм. Я не рискнул включать свет в спальне, поскольку на окнах были лишь легкие занавески. Ботинки и пару старых галош я надел за порогом спальни — на лестнице и на полу холла лежал толстый ковер, и я не боялся оставить на нем следы. Некоторое сомнение вызвала у меня входная дверь: я подумал, стоит ли, выходя, захлопнуть ее, но потом решил,

что надежнее будет закрыть ключом. (Сейчас этот ключ в Темзе — я выбросил его с моста Баттерси на следующий день.) Я тихо подошел к двери и несколько минут прислушивался к тому, что происходило на улице, через щель почтового ящика. Я услышал шаги констебля, совершавшего ночной обход; когда они стихли за углом, я вышел и осторожно затворил за собой дверь. Ключ щелкнул еле слышно, и я ушел, чтобы сесть в поджидавшее меня такси. Мое пальто было почти такого же фасона, как у Леви, и я сообразил положить в саквояж цилиндр. Я надеялся, что шофер не заметит отсутствия зонта; к счастью, дождь почти перестал, и у шофера не возникло подозрений. Я велел ему отвезти меня к дому № 50 на Оверстрэнд, расплатился и постоял у подъезда, пока машина не отъехала. Потом я быстрым шагом дошел до угла и через боковую дверь вошел к себе в дом. Было почти без четверти два, а мне еще предстояла главная часть работы.

Первоочередной задачей было изменить внешность моего объекта, чтобы сразу не возникло каких-либо ассоциаций ни с сэром Рубеном, ни с бродягой из рабочего дома. Я полагал, что будет достаточно небольших изменений: маловероятно, что бродягу кто-нибудь разыскивает. С другой стороны, если бы кто-нибудь заметил Леви вблизи моего дома, очень просто можно было доказать, что обнаруженное тело — не его. Все, что было нужно, — гладко выбритое лицо, немного бриллиантина на голову и маникюр на руки; это придавало бы определенный образ моему молчаливому сообщнику. Руки были тщательно вымыты еще в больнице и, несмотря на мозоли, выглядели довольно прилично. На слишком тщательную работу времени не оставалось — я не знал, сколько мне потребуется, чтобы спрятать тело. Но еще больше я опасался трупного окоченения, которое значительно осложнило бы задачу. Побрив беднягу, я взял крепкую простыню, два широких кольцевых биндажа, применяемых в хирургии, и закрепил их на теле, проложив ватно-

марлевые тампоны в тех местах, где бандажи могли повредить кожу.

Вот теперь наступил самый трудный момент всей операции. Я уже решил, что единственный безопасный способ вынести тело из дома — через крышу, потому что нести тяжелый груз в такую сырую погоду через сад позади дома — наверняка означало оставить на земле цепочку следов, чего никак нельзя было допустить. Но и перетаскивание мертвого тела среди ночи по улице предместья явно выходило за рамки обычного. А на крыше дождь, который мог выдать мои следы на земле, становился моим союзником.

Чтобы достичь крыши, сначала нужно было поднять мой груз на чердак, минуя комнату прислуги, и просунуть его в люк в потолке кладовки. Если бы речь шла только обо мне, я бы не особенно опасался разбудить прислугу. Но с тяжелым телом на руках соблюдать тишину было труднее. Скрип узкой лестницы и звук открываемого люка могли произвести среди ночи достаточно шума, чтобы привлечь внимание. Поэтому сначала я на цыпочках поднялся по лестнице и прислушался. К моей радости, прислуга спала шумно, ворочаясь в постели, бормоча и похрапывая.

Посмотрев на часы, я понял, что все приготовления заняли почти час. Тут мне в голову пришла еще одна идея относительно ложного алиби. Нимало не беспокоясь производимым шумом, я прошел в ванную, полностью открыл горячий и холодный краны и вытащил пробку.

Прислуга в моем доме часто имела повод пожаловаться на мою привычку принимать ванну, когда вздумается. А шум воды в баках вообще мог разбудить половину жильцов дома, выходящего на Принс Уэльс-роуд. Кроме того, трубы имели обыкновение издавать противный свист и хрюканье. На мое счастье, в этот раз и баки и трубы находились в отличной форме, гудели, свистели и шипели не хуже железнодорожного локомотива. Я выждал

минут пять, рассчитав, что все разбуженные уже закончили чертыхаться и покрепче натянули одеяла на головы, уменьшил поток воды до тонкой струйки и вышел из ванной, заперев дверь и оставив гореть свет. После этого я подхватил свою поклажу и понес ее наверх, ступая так легко, как только мог.

Кладовка находится на лестничной площадке напротив комнаты прислуги. Для того чтобы открыть люк, использовалась короткая деревянная лестница. Я открыл люк, закрепив на минуту свою ношу на лестнице, вылез наверх, вытащил тело, а потом и саму лестницу. Вода в баках и трубах продолжала петь свою железнодорожную песню, и я не боялся, что кто-то может услышать посторонние звуки.

Между моим домом и крайним зданием на Квин Кэролайн промежуток всего в несколько футов. Когда строили это крайнее здание, возникли какие-то разногласия по поводу старинных чердачных окон, но потом все вроде бы разрешилось. Так или иначе, но моя семифутовая лестница надежно перекрывала маленькую пропасть между крышами. Я привязал тело к лестнице и выдвинул ее так, чтобы дальний конец оперся на парапет соседней крыши. Потом немного разбежался и перепрыгнул, благо парапет был и узким и невысоким.

Дальше было проще. Я протащил покойника по плоской крыше, намереваясь оставить его где-нибудь на чердачной лестнице или в трубе. Где-то на полпути я вдруг подумал, что нахожусь прямо над квартирой этого коротышки-архитектора, Типпса, и вспомнил его глуповатое лицо и какой-то вздор, который он нес о вивисекции. Я представил себе, как было бы здорово оставить мою посылку у него в квартире и посмотреть, как он с ней управится. Я лег на крышу, заглянул за парапет, но было так темно, что пришлось рискнуть и включить на секунду свой фонарик. Это, конечно, было неосторожно, потому что вспышку света могли заметить с другой

стороны улицы. Но и этой секунды оказалось достаточно, чтобы увидеть то, на что я даже и не надеялся: открытое окно прямо подо мной.

Я хорошо знал планировку квартир в этом доме и был уверен, что это окно либо ванной, либо кухни. Я сделал петлю из третьего банджа, который взял с собой, и закрепил ее под мышками у трупа. Затем я пропустил через эту петлю веревку, завязал ее вокруг металлической ограды печной трубы и спустил тело с крыши до уровня окна, после чего слез вниз по водосточной трубе, держась за веревку, и почти без труда просунул тело бедняги в ванную комнату мистера Типпса.

В этот момент я уже чувствовал некоторое удовлетворение от проделанной работы, поэтому счел возможным не торопиться и устроить своего приятеля поаккуратнее. Когда я искал у себя в кармане нож, чтобы разрезать узел на веревке, то вдруг обнаружил то самое пенсне, которое осталось у меня на память о вокзале Виктория. Я решил, что оно придаст телу некоторую индивидуальность и еще больше запутает следствие. Нацепив пенсне на нос покойника, я постарался тщательно ликвидировать следы собственного пребывания в этой милой ванной комнате и вышел тем же путем, каким вошел — по трубе и веревке.

Я успел собрать все веревки и прочее, забрал лестницу и вернулся в свою квартиру, которая встретила меня обнадеживающим шумом моего тайного водопроводного соучастника. Я бесшумно спустился по лестнице, посчитал, что трех четвертей часа достаточно для принятия ванны, выключил воду и позволил своей прислуге и соседям наслаждаться полноценным сном. Сам я тоже заслуживал небольшого отдыха.

Но сначала надо было снова сходить в больницу и предпринять кое-какие меры безопасности. Я отделил от тела голову Леви и начал препарировать лицо, и через двадцать минут собственная жена уже не смогла бы его

узнать. Вернувшись домой, я оставил свой мокрый плащ и галоши у двери в сад, брюки высушил у газового обогревателя в спальне и очистил их от следов грязи, а сбритую бороду своего бедняги сжег в камине в библиотеке.

С пяти до семи утра я хорошо выспался, а в семь меня, как обычно, разбудил слуга. Я извинился за то, что так поздно и так долго принимал ванну, и добавил, что нужно обязательно вызвать мастера посмотреть баки и трубы.

Любопытно отметить, что к завтраку я очень проголодался, что неудивительно после такой напряженной ночной работы. После завтрака я отправился в больницу, где продолжил работу в секционной. Некоторое время спустя явился какой-то на редкость твердолобый полицейский инспектор, интересовавшийся, не пропало ли из больницы мертвое тело. Я попросил, чтобы его провели ко мне, и имел удовольствие продемонстрировать ему свою работу с головой сэра Рубена Леви. Потом я пошел с инспектором в квартиру Типпса, где еще раз смог полюбоваться на своего приятеля: он выглядел впечатляюще.

Как только открылась биржа, я позвонил своим брокерам и распорядился продать, соблюдая известную осторожность, почти все перуанские нефтяные акции на фоне повышения котировок. К концу дня, однако, у покупателей возникла обеспокоенность, связанная с исчезновением Леви, и в итоге всех операций я заработал всего несколько сотен фунтов.

Надеюсь, что сумел прояснить для вас все остававшиеся непонятными моменты. Поздравляю вас с везением и проницательностью, позволившими вам переиграть меня, передавая наилучшие пожелания вашей матушке, остаюсь, искренне ваш

Джулиан Фрэк.

Post-Scriptum: Согласно моему завещанию, все мои деньги передаются больнице Святого Луки. Тому же заве-

дению будет передано мое тело для научных исследований. Полагаю, что мой мозг вызовет интерес в научных кругах. Поскольку я собираюсь умереть от своей собственной руки, то представляю, что данный вопрос может вызвать определенные трудности. Поэтому обращаюсь к вам с просьбой: постарайтесь найти человека, ответственного за проведение расследования, и убедите его сделать так, чтобы мозг не был поврежден в результате неумелого вскрытия, а тело было использовано в соответствии с моим завещанием.

Между прочим, вам, вероятно, будет интересно узнать, что я весьма высоко оцениваю мотив, заставивший вас навестить меня. Ваш визит явил собой предупреждение, которое я никак не мог проигнорировать. Я действую в соответствии с тем, как это предупреждение было мною понято. Несмотря на катастрофические для меня последствия, я с удовлетворением отмечаю, что вы должным образом оценили мою сообразительность и отказались от укола. Сделай я его — и вы бы, конечно, не вернулись домой живым. На вашем теле не осталось бы никаких следов от инъекции, состоящей из препарата стрихнина, смешанного с почти неизвестным ядом, для обнаружения которого в настоящее время нет адекватного теста; это концентрированный раствор...»

На этом месте рукопись обрывалась.

— Ну что ж, все достаточно ясно, — сказал Паркер.

— Вам не кажется это странным? — спросил лорд Питер. — Такое хладнокровие, такие мозги — и все же он не смог противостоять желанию написать признание, чтобы еще раз показать, какой он умный, даже ради того, чтобы уберечься от петли.

— Это признание нам очень пригодится, — сказал инспектор Сагг. — Но, Бог свидетель, сэр, все преступники одинаковы.

— Хорошая эпитафия для Фрэка, — съязвил Паркер, когда инспектор ушел. — Что будем делать дальше, Питер?

— Я собираюсь устроить обед, — ответил тот, — для мистера Джона П. Миллигана и его секретаря и для господ Кримплшэма и Вика. Полагаю, они заслужили это, поскольку не убивали Леви.

— Да, и не забудьте Типпсов, — сказал Паркер.

— Ни в коем случае! Могу ли я отказать себе в удовольствии пообщаться с миссис Типпс. Бантер!

— Милорд?

— Будьте любезны, налейте нам «Наполеона!»

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

УИМЗИ, Питер Дес Бредон, кавалер ордена «За безупречную службу»; род. 1890, 2-й сын Мортимера Джеральда Бредона Уимзи, 15-го герцога Денверского, и Гонории Лукасты, дочери Фрэнсиса Делагарди из поместья Беллингхэм, Гэмпшир.

Образование: Итон, Баллиол, Оксфорд (диплом с отличием по курсу современной истории, 1912); служба в Королевских вооруженных силах 1914—1918 (майор, стрелковая бригада).

Автор книг: «Заметки по коллекционированию инкунабул», «Путеводитель убийцы» и др.

Увлечения: криминалистика, книги, музыка, крикет.

Клубы: «Марлборо», «Эгоист».

Проживает: 110-А, Пиккадилли; Бредон-холл, графство Денвер, Норфолк.

Герб: чернь, 3 бегущие мыши серебряного цвета; сверху шлем; домашняя кошка, приготовившаяся к прыжку, естественного цвета; девиз: «Как мне заблагорассудится».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Краткая биография Лорда Питера Уимзи, написанная его дядей, Полом Остином Делагарди, по состоянию на май 1935 года в качестве послесловия к повторно-му изданию, исправленному и дополненному

Мисс Сэйерс попросила меня заполнить некоторые пробелы и исправить незначительные ошибки в описании карьеры моего племянника Питера. Делаю это с удовольствием. Увидеть свое имя на страницах книги — мечта любого, и, действуя в качестве своего рода оруженосца при племяннике-триумфаторе, я постараюсь продемонстрировать скромность, приличествующую моему возрасту.

Фамилия Уимзи — старая, даже очень старая. Единственный разумный поступок, совершенный отцом Питера, это соединение своего ослабевшего рода с крепкой франко-английской линией Делагарди. И все же мой племянник Джеральд (нынешний герцог Денверский) есть не что иное, как тупой английский помещик, а моя племянница Мэри была весьма взбалмошной и легкомысленной особой, пока не вышла замуж за полицейского и не успокоилась.

Питер, отмечу с радостью, пошел в свою мать и в меня. Конечно, он иногда нахален и упрям, но это все же лучше, чем быть безмозглой тушей, вроде своего отца или брата, или пучком эмоций, как сын Джеральда, Сент-Джордж.

Питер, по меньшей мере, унаследовал мозги Делагарди, что помогло ему защититься от проявлений ужасного характера Уимзи.

Питер родился в 1890 году. Его мать в то время очень беспокоило поведение мужа (герцог был изрядным поведением, однако большого скандала удавалось избегать), и пережитые ею волнения, вероятно, повлияли на сына. Он рос мелким, бесцветным ребенком, очень беспокойным и всегда слишком сообразительным для своего возраста. У него не было здоровой физической красоты его брата Джеральда, но у него развилось то, что я называю *телесным разумом*, — скорее ловкость и умение, чем сила. Он прекрасно играл в мяч и управлялся с лошадьми, но особенно его отличала какая-то дьявольская смелость в ее разумном проявлении, когда риск распознается раньше, чем к нему приближаешься. В детстве его страшно мучили ночные кошмары. К неудовольствию отца, он вырос с любовью к книгам и музыке.

Первые годы учения в школе не были для Питера счастливыми. Характер у мальчика был привередливый, и неудивительно, что он получил прозвище «Флимзи»¹. Одноклассники над ним часто посмеивались. Он вполне мог бы, в целях самозащиты, превратиться в записного шута, если бы один из тренеров в Итоне не обнаружил в нем блестящие задатки прирожденного игрока в крикет. После этого, разумеется, все его эксцентрические выходки стали восприниматься как верх остроумия. А Джеральду пришлось пережить спасительный шок, наблюдая, как его младший брат, которого никто не принимал всерьез, становится личностью более заметной, чем он сам. К шестому классу Питер ухитрился стать образцом: спортсмен, эрудит, *arbiter elegantiarum*².

¹ Flimsy (англ.) — тонкая бумага, хрупкий, легкий предмет, нечто несерьезное.

² Arbiter elegantiarum (лат.) — здесь: законодатель мод, образец эlegantности.

Большую роль в этом преображении сыграл крикет: многие учащиеся Итона до сих пор помнят «Великого Флима» и его игру против школы Харроу. Лично себе я ставлю в заслугу лишь то, что познакомил Питера с хорошим портным, объяснил тонкости светской жизни и научил отличать хорошее вино от плохого. Отец мало занимался Питером — у него самого хватало забот, вдобавок много сил и времени отнимал Джеральд, с трудом боровшийся с науками в Оксфорде. Честно говоря, Питер никогда не ладил с отцом — он был молодым и безжалостным критиком прегрешений родителя, а любовь к матери странным образом разрушала его чувство юмора.

Нет нужды упоминать, что герцог Денверский был крайне нетерпим к проявлению в сыновьях собственных слабостей. Ему стоило больших денег вытащить старшего отпрыска из одного скандального романа в Оксфорде, и он охотно передал своего младшего сына на мое попечение. Сам Питер, которому уже исполнилось семнадцать, тоже не имел ничего против. Для своего возраста он был взрослым и чрезвычайно рассудительным, и я относился к нему как к человеку опытному. На некоторое время я отдал его в надежные руки в Париже, наказав ему строить свои сердечные дела на здоровой и разумной основе, с согласия обеих сторон и с благородством с его стороны. Он полностью оправдал мое доверие. Полагаю, ни одна женщина не могла найти повод пожаловаться на плохое отношение к ней Питера, а две, как минимум, впоследствии вышли замуж за членов королевских семей (не слишком известных, должен признать, но тем не менее королевских). Здесь я снова должен упомянуть о своих заслугах: как бы ни был хорош материал, с которым приходится работать, было бы нелепо оставлять воспитание молодого человека, его вхождение в общество на волю случая.

Питер в тот период был очаровательным юношей, честным, скромным, с хорошими манерами и быстрым живым умом. В 1909 году он пошел учиться истории в

Баллиол, и тогда, должен признаться, он стал просто не-
сносным. Мир лежал у его ног, и Питер начал важничать.
Он приобрел какую-то неестественность в поведении,
оксфордское высокомерие и монокль. Он начал слишком
громко высказывать свое мнение, где нужно и ненужно,
хотя, следует отдать ему должное, никогда не позволял се-
бе относиться свысока к матери или ко мне. Питер учил-
ся на втором курсе, когда герцог Денверский сломал себе
шею на охоте и Джеральд унаследовал титул. В делах с
недвижимостью Джеральд продемонстрировал больше
здорового смысла и чувства ответственности, чем я от него
ожидал, но его большой ошибкой стала женитьба на кузи-
не Элен, худошавой девице ханжеского вида, джентри с
головы до ног. Она и Питер искренне ненавидели друг дру-
га, но Питер всегда мог найти убежище в доме матери.

А потом, на последнем курсе в Оксфорде, Питер
влюбился в семнадцатилетнюю красотку и тут же забыл
все, чему его учили. Он обращался с девушкой так, слов-
но она была соткана из шелковой паутинки, а со мной —
как со старым бессердечным чудовищем, вырастившим
его недостойным коснуться ее тонкой натуры. Не буду
отрицать, вместе они смотрелись изысканной парой, все
в белом и золотом. Про них говорили — принц и прин-
цесса лунного сияния, хотя ближе к истине было бы на-
звать их «лунной фантазией» или просто лунатиками.
Что бы делал Питер через двадцать лет с женой, у кото-
рой не было ни мозгов, ни характера — а на это никто не
обратил внимания, кроме матери Питера и меня? Сам
он, конечно, не видел ничего, был опьянен или одурма-
нен, не знаю. К счастью, родители Барбары решили, что
она слишком юна для замужества, поэтому свой послед-
ний год в Оксфорде Питер учился с настроением сэра
Эгламора, встретившегося с первым драконом. Диплом
с отличием Питер положил к ногам своей дамы, как го-
лову дракона, и замер в ожидании конца испытательно-
го срока.

Но тут началась война. Конечно же, молодой безумец хотел жениться до отправки на фронт, но его собственные понятия о благородстве сделали его воском в руках других. Ему было объяснено, что если он вернется искалеченным, это будет очень нечестно по отношению к девушке. Об этом Питер заранее не думал и уехал, охваченный безумством самопожертвования, освободив возлюбленную от всех обязательств. Я к этому руки не приложил, мне было достаточно результата.

Воевал Питер во Франции, воевал хорошо, был отличным командиром, солдаты его любили. В 1916 году он приехал в отпуск уже капитаном и обнаружил, что его девушка вышла замуж за какого-то майора, за которым она ухаживала в госпитале и чьим девизом в отношении женщин было «хватай быстрее и жми сильнее». Это было жестоким ударом — девушка даже не соизволила сообщить Питеру о своем намерении. Поженились они наспех, когда узнали, что Питер едет в отпуск, и все, что он получил по возвращении, это письмо, извещение о свершившемся факте, и напоминавшее о том, что Питер сам отпустил ее на волю.

К чести Питера нужно сказать, что он пришел прямо ко мне и признался, что был глупцом.

— Хорошо, — сказал я, — ты получил урок. Теперь постарайся не наделять глупостей в других делах. И он снова уехал на войну с твердым (я уверен!) решением погибнуть, но все, что он получил, — это звание майора и орден «За безупречную службу» в память о дерзкой разведывательной операции в германском тылу. В 1918 году он попал под обстрел, был засыпан в воронке от снаряда близ Кодри и в результате получил контузию, сопровождавшуюся нервными приступами, которые продолжались почти два года. Он поселился в квартире на Пиккадилли с камердинером по фамилии Бантер (который служил вместе с Питером, был и остался ему искренне предан) и начал пытаться построить свою жизнь заново.

Я был готов практически ко всему. Питер утратил очаровательную искренность, он перестал доверять кому бы то ни было, включая мать и меня, обрел какую-то непостижимую фриivolность в манерах и стал, по существу, законченным комедиантом. Он был богат и мог поступать, как ему заблагорассудится, и мне доставляло большое, хотя не лишнее ехидства удовольствие наблюдать, как представительницы послевоенного лондонского общества охотятся за ним. Одна озабоченная такой охотой матрона сказала как-то: «Плохо бедному Питеру жить отшельником!» На что я ей ответил: «Мадам, ему бы не повредило пожить отшельником!»

В 1921 году произошла эта история с изумрудами Аттенбери. О ней не писали, но шуму она наделала много даже в тот шумный период. Суд над похитителями стал серией сенсаций, и самая большая из них разразилась, когда лорд Питер Уимзи занял место свидетеля обвинения.

В один момент он стал знаменитым. Вообще-то, я полагаю, для опытного офицера разведки расследование этого дела не было слишком трудным, но само появление «благородного детектива» явилось потрясением для многих. Что касается герцога Денверского, он просто взбесился. Лично я ничего не имел против того, что сделал Питер, а он действительно *кое-что* сделал. Мне показалось, что он во время этого дела выглядел почти счастливым, к тому же мне понравился детектив из Скотленд-Ярда, с которым Питер познакомился в ходе расследования, а потом и подружился. Чарльз Паркер оказался спокойным, здравомыслящим и воспитанным человеком, обладающим очень ценным качеством: он умеет любить людей, не стремясь при этом вывернуть их наизнанку.

Единственное, что смущало меня в новом хобби Питера, — что это больше чем хобби (если подобное занятие вообще можно назвать хобби для джентльмена). Нельзя

послать убийцу на виселицу ради развлечения. Разум Питера тянул его в одну сторону, а чувства — в другую; я стал опасаться, как бы они не разорвали его на части. Когда заканчивалось очередное расследование, возобновлялись старые ночные кошмары. Потом произошла эта история с его старшим братом, который метал в Питера громы и молнии по поводу его «позорящего фамилию» присутствия в полицейской хронике и вдруг сам оказался в центре расследования палаты лордов по обвинению в убийстве.

Питер вытащил брата из этого скандального недоразумения и, к моему облегчению, повел себя вполне по-человечески — просто-напросто напился по этому поводу. Сейчас он признает, что его «хобби» — законная работа на общество. Он даже продемонстрировал заинтересованность в общественных делах, стал время от времени выполнять некоторые дипломатические поручения для Министерства иностранных дел. Со временем он стал наконец несколько более свободно изъяслять свои чувства и меньше пугаться того, что они вообще у него есть.

Последний эксцентричный шаг — влюбленность в девушку, которой он помог отвести обвинения в том, что она якобы отравила своего любовника. Она отказалась выйти за Питера замуж, как поступила бы любая женщина с характером: благодарность и унижительный комплекс неполноценности — плохая основа для семейного союза, положение было сложным с самого начала. На этот раз у Питера хватило ума прислушаться к моему совету.

— Мальчик мой, — сказал я ему, — то, что двадцать лет назад было для тебя ненужным, сейчас как раз то, что надо. Ты имеешь дело не с юной неопытной девицей, которая требует лишь нежного обращения; перед тобой взрослый человек, который был запуган и оскорблен. Начни с самого начала, но предупреждаю: тебе потребуется все твое самообладание, которому ты научился за свою жизнь.

В общем, он попытался. Не думаю, что мне когда-либо приходилось видеть подобное терпение. Девушка, кроме характера, обладает еще и умом и честью; но Питеру пришлось учить ее, как *брат* от жизни, что гораздо труднее, чем научиться *давать*. Думаю, что они обретут друг друга, если сумеют не позволить чувствам обогнать волю. Питер понимает (я уверен), что на этот раз не может быть иного согласия, кроме как основанного на свободе выбора.

Сейчас ему сорок пять, и он по-настоящему успокоился. Как видите, я оказался одним из тех, кто в наибольшей мере повлиял на формирование его характера и жизненного пути, и в общем он отдает мне должное. Он настоящий Делагарди, лишь очень немного он взял от Уимзи, в частности (я должен быть справедлив), глубокое чувство социальной ответственности, которое удерживает английское поместное дворянство от того, чтобы полностью *потерять* себя, в духовном смысле этого слова. Детектив или нет, Питер — широко образованный человек и джентльмен; забавно было бы посмотреть, что он будет собой представлять в роли мужа и отца. Я уже стар, у меня нет собственного сына (о котором я бы знал), и мне хочется видеть Питера счастливым. Но, как говорит его мать: «У Питера всегда было все, кроме того, чего он действительно желал». И я полагаю, что ему повезло больше, чем многим другим.

Пол Остин Делагарди

Дороти Ли Сэйерс

ЧЬЕ ТЕЛО?

Выпускающий редактор Е. Новикова

Технический редактор Т. Егорова

Корректор Е. Щербакова

Дизайнер обложки О. Мальцев

Компьютерная верстка Ю. Лубнина

ООО ТД «Издательство Мир книги»

111024, Москва, ул. 2-я Кабельная, д. 2, стр. 6.

**Отдел реализации: (495) 974-29-76, 974-29-75;
факс: (495) 742-85-79 e-mail: commerce@mirknigi.ru**

Каталог «Мир Книги» можно заказать по адресу:

**111116, г. Москва а/я 30 «МИР КНИГИ»,
тел.: (495) 974-29-74 e-mail: order@mirknigi.ru**

Подписано в печать 20.03.2007.

Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.

Гарнитура Newton. Печ. л. 7. Усл. печ. л. 11,76.

Тираж 5000 экз. Заказ № 4717078

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф».

603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

